

Татьяна Грачёва

Материнский
ИНСТИНКТ

16+

Татьяна Александровна Грачева

Материнский инстинкт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50582784

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-07746-1

Аннотация

С самого детства Яна видит странные, пугающие сны. Каждый раз, когда сгущаются сумерки, к ней приходят призрачные гости. И от них неизменно веет вечностью, одиночеством и страхом. Удивительный дар превратился в обременительную работу и стоил Яне семейного счастья. Она с удовольствием променяла бы его на простую, предсказуемую жизнь рядом с обыкновенным мужчиной. Но ей встретился Демьян, и теперь спокойствие не светит ни одному из них. Остается только молиться, чтобы приключение в старом доме, полном кошек, жутких фотографий и пыльных тайн, не закончилось трагедией.

Содержание

Пролог	4
1 глава. Лаборантка	7
2 глава. Вьюшка	37
3 глава. Сосед	55
4 глава. Годовщина	85
5 глава. Гости	102
6 глава. Брат	130
7 глава. Семья	147
8 глава. Доказательства	166
9 глава. Язык цветов	188
10 глава. Новый сон	200
11 глава. Дом с привидениями	210
12 глава. Пожар	238
13 глава. Альбом	271
14 глава. Ритуал	305
15 глава. Возвращение	333
16 глава. Демьян	346

Татьяна Грачева

Материнский инстинкт

Пролог

Сумбурное смешение красок, грубые угловатые мазки, словно на картине художника-импрессиониста, постепенно обрели узнаваемые контуры, проступили очертания мебели, ещё через несколько секунд перед Яной предстала крохотная, узкая, словно шкаф, комната. Двухконфорочная плита, небольшой холодильник, складной столик с ярко-синей скатертью. Вроде уютно, но совершенно не обжито, словно воображение не удосужилось дорисовать детали, оставив комнату схематичной, как чертёж.

Яна поёжилась от сквозняка. Единственное окошко в комнате и дверь плотно закрыты, но ледяной ветерок ощути-мо шевелил волосы на затылке. Сосредоточив взгляд на собственных руках, она пропустила момент, когда её одиночество было нарушено появлением незнакомой женщины. Яна никогда не видела, откуда приходили гости: они просто появлялись из воздуха.

Лицо посетительницы, как обычно, было размыто, словно Яна смотрела на него через окно, занавешенное потоками дождя.

Гостья сложила полные руки на животе, подбородок мелко подрагивал.

Яна решила поторопить её.

– Я хочу вам помочь.

– Она так одинока. Спаси её. Катя хочет покончить жизнь самоубийством.

Крупные слезы покатались по её щекам, падая стеклянными шариками на пол. Дзынь-дзынь-дзынь. Яна проводила взглядом бусины и изумленно приоткрыла рот. Пол был прозрачным. Под ногами проплывали упитанные овальные облака, обласканные закатным солнцем. В каждом облаке угадывались черты старческих плачущих лиц. Яна встряхнула головой, стараясь не обращать внимания на необычные детали обстановки, и снова обратилась к гостье.

– Кто такая Катя? Ваша сестра, дочь? Как вас зовут?

– Дочка моя. Меня зовут Светлана Кулик. Катя живет в Юбилейном районе, по улице Западной, дом номер двадцать семь. Это первый подъезд. Район новостроек.

Едва женщина закончила предложение, как её силуэт начал растворяться, превращаясь в уносимую ветром разноцветную пыль. Остался только протяжный писк от последнего слова: «Помоги-и-и-и-и...»

Очертания кухни стирались. Когда пол под ногами окончательно исчез, появилось чувство парения над пустотой. Постепенно ощущение тоски уплывало вслед за тающей комнатой. К коже приникло тёплое уютное одеяло, Яна по-

следний раз проговорила фамилию, адрес будущей самоубийцы и проснулась.

1 глава. Лаборантка

Автобус тронулся, вытолкнув расслабленных пассажиров из блаженной полудремы. Дождливое утро убаюкивало не хуже колыбельной, создавая иллюзию приближающейся ночи. Демьян недовольно поморщился, когда его колени ткнулись в переднее кресло, а книга выпала из рук. Девушка, стоящая рядом, и без того балансировала на одной ноге, опираясь на кресло. От резкого движения она потеряла равновесие, острый каблук её сапога проткнул верхние страницы, нанизывая их, как шампур. В утренней толчее поднять пострадавшую книгу оказалось проблематично, девушка извинялась, принимая немислимые позы, но ее рука безуспешно хватала воздух. Демьян наклонился, грубо обхватил её щиколотку и выдернул повреждённую книгу. Только потом он поднял взгляд.

– Доброе утро.

Девушка виновато улыбнулась.

– Извините. – Неискренняя улыбка испортила её симпатичное лицо. Взгляд придирчиво обследовал собеседника с ног до головы и на секунду остановился на прозрачно-голубых глазах.

Опережая возмущение, готовое сорваться с губ, Демьян раздражённо пояснил:

– Даже не думайте отчитывать меня за то, что не уступил

место, – он слегка сдвинулся и показал тросточку. – К тому же, стоя, вы привлекли внимание трёх молодых людей ближе к двери, не помяли юбку и не порвали колготки.

Девушка молча отвернулась, демонстрируя то ли безразличие к мужчине, то ли округлую попку, туго обтянутую упомянутой шёлковой юбкой.

Демьян хмыкнул и закрыл испорченную книгу. На знакомство он и не рассчитывал. Во-первых, близкое общение с этой особой могло закончиться в тюрьме по статье «сворачивание несовершеннолетних», во-вторых, он прекрасно осознавал, что с первого взгляда мало кому понравится. Дело даже не в хромоте – это временное.

До того, как он вывихнул стопу, играя волейбол, он тоже не пользовался популярностью у женщин. Высокий, худощавый, жилистый, как гончая, лицо удлинённое, с острыми выдающимися скулами, не по-европейски узкие, слегка раскосые прозрачные глаза, большой рот с чётко очерченными губами и совершенно не дружественное выражение лица. Единственное, что ему самому нравилось в собственной внешности, – это зубы: ровные белые, один к одному. Но и это нельзя было отнести к скромным подаркам природы – благодарность заслужил старательный стоматолог. Демьян относился к тому типу мужчин, что до тридцати напоминают нескладных подростков, а потом за пару лет нагоняют свой возраст и приобретают породу, даже некоторую аристократичность.

Кроме матери, его никто никогда не называл красивым, мягкое и приятное «симпатичный» подходило к его холодной внешности меньше всего. Не человек – а сплошные острые углы. Даже взгляд – колючий, недружелюбный. Пока Демьян молчал и не двигался, производил отталкивающее впечатление, но когда начинал говорить, отторжение постепенно утихало, а иногда и проходило вовсе. Низкий бархатный голос обволакивал и очаровывал, а странное узкое лицо оказывалось подвижным и богатым на мимику. Когда он улыбался, что случалось нечасто, казалось, будто улыбаются даже его уши.

Последнее время пробки Краснодара превращали удовольствие иметь личное авто в обременительную роскошь. Многие горожане оставляли своих «скакунов» и пересаживались на общественный транспорт, предоставив право истерически сигналить и материться водителям автобусов и маршруток. Добираться таким способом до института, где Демьян преподавал психологию, было удобней, чем на машине. Свою недорогую иномарку он отогнал в гараж родителей, пылиться в паре с мотоциклом, изгнанным туда же три года назад.

Бесцеремонно растолкав студентов и школьников, кое-где помогая прокладывать путь тросточкой, Демьян выбрался на остановку. До начала занятий оставалось около сорока минут: хватит и кофе выпить, и лекции пролистать.

Уже три месяца преподаватель психологии Мороз Демьян

Владленович, известный ранее среди студентов как Дмитрий Валентинович, обзавёлся новой кличкой – доктор Хаус¹. Прозвище не было обидным и подходило Демьяну, отражая не только временное увечье, но и характер. Он относился именно к тем преподавателям, которым не дают унижительные клички. Многие его не любили за жёсткость и бескомпромиссность, «купить» его экзамен ещё никто не смог, а тех, кто списал, он с лёгкостью вычислял. Репутация кровопийцы бежала впереди него и, как ни странно, помогала справляться даже с буйными первокурсниками. Байка о том, что один студент сдавал ему экзамен до самого утра, полностью поседел, а потом покончил жизнь самоубийством, была традиционной страшилкой. Как ни странно, но именно о таких педагогах спустя года выпускники отзываются с теплотой и уважением.

Демьян ожидал, что на кафедре будет не слишком многолюдно. Первая пара в расписании значилась только у четырёх преподавателей, двое из них чаще всего приходили прямо перед звонком.

Демьян толкнул дверь и, мельком оглядев помещение, поздоровался:

– Доброе утро.

Двух преподавателей, всегда приходивших не менее чем за полчаса до занятий, он увидеть ожидал, а вот присут-

¹ Доктор Хаус – герой одноименного сериала. Из-за хромоты ходил с тростью. Жесткий, прямолинейный, циничный человек.

ствие Карины озадачило. Девушка всегда куда-то торопилась и всегда опаздывала. За неполный год, что она проработала в институте, только четыре раза приходила вовремя. Чаше её можно было заметить летящей по коридору на высоченных шпильках и с слегка растрёпанными волосами. Меньше всего Карина Нелейвода походила на педагога, скорее на студентку, причём далеко не отличницу. Она недавно окончила аспирантуру и всё никак не могла привыкнуть к новому статусу, одевалась, игнорируя дресс-код, никак не могла найти способ заставить студентов учиться и не флиртовать с ней.

Виктор и Сергей сдержанно кивнули, а девушка тремя длинными шагами преодолела расстояние до Демьяна и замерла в нерешительности. Сначала слегка качнулась вперёд, сделав едва уловимое движение руками, но не обняла, хотя явно собиралась это сделать. Он не двинулся, продолжая одной рукой опираться на трость, а другую даже не вынул из кармана.

– Наконец-то закончилась ваша дурацкая командировка. Как хорошо, что вы сегодня приехали! – Карина умудрялась даже при уважительном обращении оставаться фамильярной.

Демьян внимательно оглядел радостную девушку. Она, кажется, и не заметила задумчивости собеседника и продолжала рассказывать новости кафедры, накопившиеся за время его недельного отсутствия.

– Сделать вам кофе?

Демьян отреагировал только на этот вопрос:

– Нет. Спасибо, я сам.

Он направился к столу в углу комнаты, на котором располагалось все для чаепития но, дойдя до пустовавшего почти месяц стола лаборантки, остановился. Вообще-то, должность называлась иначе – секретарь кафедры, но все по привычке называли этих сотрудниц лаборантками. Цепкий взгляд прошёлся по книгам, разложенным около выключенного компьютера: только некоторые из них имели отношение к работе. В углу стола примостилась аляповатая рамочка с пухлыми дельфинами и подставка с множеством ручек разных цветов. Кроме этих предметов, указывающих, что одинокий стол теперь занят, он заметил блокнот с изображением какого-то небритого мачо-актёра и кружку с яркой надписью: «Спорт сделал из обезьяны homo sapiens».

Мельком оглядев признаки присутствия нового в коллективе человека, Демьян наконец добрался до чайника. Включив его, он бросил через плечо:

– Наверное, можно поздравить вас с днём рождения?

Карина даже не постаралась изобразить удивление, только устало закатила глаза.

– Офигенно, как приятно. Ну и как вы догадались?

Только после того, как горячий напиток заполнил кружку, Демьян нехотя пояснил:

– На полке торт, на столе около вашей сумочки открытка, у вас новая причёска, вы работаете почти год, а день рожде-

ния мы ещё не праздновали. – Демьян не стал добавлять, что обычно за полчаса до занятий девушка только просыпалась, а её искренняя радость по поводу его возвращения немного настораживала.

Карина кокетливо поправила волосы.

– Вот это, блин, потрясающе! – Она всплеснула руками. – Не скажу, сколько мне сегодня стукнуло, но разрешаю поздравить.

Демьян отставил кофе в сторону и, прихрамывая, подошёл к имениннице. Она даже закрыла глаза, пальцами произвольно сжала край юбки. Он легко коснулся её щеки.

– С днём рождения! – Демьян отстранился, чувствуя себя неловко, и попытался сгладить затянувшуюся паузу очередным фактом, выуженным из недр захламлённой памяти: – Больше тридцати процентов женщин начинают врать о своём возрасте начиная с двадцати девяти лет. Это невидимая граница для дам, с ужасом ожидающих старость. Мужчины тоже врут, но чаще преувеличивают.

Демьян подозревал, что Карина ожидает получить от него особенный подарок. Она вела осаду полгода и, скорее всего, уже была готова переходить в открытое наступление. Коллектив давно наблюдал за ними, словно за двумя вымирающими животными, обречёнными на продолжение рода. Карина не делала из своих чувств секрета, но стойко ожидала от Демьяна первого шага. Он же считал её слишком взбалмошной и не желал заводить на работе роман. Сегодня, судя

по всему, они расставят все точки над «і».

Отгородившись от назойливой девушки открытым ноутбуком, Демьян углубился в чтение, продолжая обдумывать предстоящий разговор с Кариной.

Преподаватели Сергей и Виктор старательно делали вид, что не видели первого акта предстоящей драмы, но запомнили реплики, дабы пересказать отсутствующим сослуживцам. Карина вертелась перед зеркалом и на советы подготовиться к занятиям никак не реагировала.

– Сто лет, как я готова! У меня память уникальная, буквально фотографическая.

Сергей аккуратно протёр потеющую лысину и укоризненно качнул головой:

– Уволят вас, Карина Андреевна. Ещё пару донесений от Софьи Даниловны, и мы с вами распрощаемся, – несмотря на шуточный тон, он предупреждал вполне серьёзно.

Сергей как раз находился в том возрасте, когда седина окрашивает остатки шевелюры, а бес нацеливается в ребро. Молодые длинноногие барышни смущали его любвеобильное сердце, заставляя подтягивать оплывшее брюшко. Лишиться возможности лицезреть Карину он никак не хотел, хотя никаких радужных перспектив для себя не видел.

– Вы без меня закиснете в этом болоте. А я без вас не пропаду, – она по привычке вынула из сумки расчёску, но, вспомнив о том, что волосы у нее уже уложены, радостно воскликнула: – Придумала ещё одно изобретение – расчёска

с отсеком для хранения мелочи. А, каково?

Демьян оторвал взгляд от экрана и саркастично усмехнулся:

– Не забудьте запатентовать вместе с пилочкой для ногтей с встроенным плеером и пирожными, которые при каждом укусе говорят: «Ты жирная корова».

Карина регулярно фонтанировала бредовыми идеями, обещая в ближайшем будущем войти в ряды гениальных изобретателей. Пока же её оригинальные задумки развлекали окружающих.

Ещё через десять минут подошла Софья Даниловна, самая возрастная преподавательница на кафедре. От отсутствия лаборантки страдала больше всего именно она, так как не хотела знакомиться с компьютером и по старинке писала лекции от руки. Предыдущая работница сбежала от вороха исписанных докторским почерком бумаг и регулярных звонков с приказами перепечатать ещё парочку листочков. Софья Даниловна уважала свой педагогический опыт и требовала такого же уважения от остальных. Она не умела пользоваться словами «пожалуйста» и «спасибо» и почти все беседы начинала с обсуждения новой диеты. Судя по ярлыку на одежде XXXL, ни одной из методик похудения на практике она не пользовалась.

Софья Даниловна отличалась необычной манерой речи. Говорила чётко, громко, но смысл сказанного с первого раза до слушателей доходил редко. Каждое слово в предложе-

нии она проговаривала с таким напором, что оно казалось самым важным, и при этом никогда не обозначала окончание фразы. Получалось одно бесконечное предложение с такой сложной синтаксической структурой, что студентам проще было заснуть на её лекциях, чем дожидаться окончания мысли. Словно из потёртых кубиков с частями рисунка из слов никак не складывалась целая картинка. Студенты посмеивались над ней, нарочно задавая вопросы с множеством современных технических терминов, и дали прозвище Диплодок. Видимо, кто-то прочел, что этот древний динозавр отличался внушительными размерами.

Естественно, Карину Софья Даниловна недолюбливала и желала «очистить» кафедру от этой легкомысленной особы. Заведующий кафедрой давно коллекционировал донесения и просьбы пожилой преподавательницы, на корпоративах после нескольких рюмочек зачитывал вместо анекдотов. К счастью для Софьи Даниловны, коллективные посиделки она порицала, а потому не представляла, как смешат всех ее гневные послания.

За несколько минут до звонка Демьян отправился в аудиторию. Рассматривая студентов рассеянным взглядом, он продолжал обдумывать предстоящий разговор с Мариной. Проще всего напомнить о разнице в возрасте или сделать упор на то, что он её не достоин и тому подобное. Главное – не обидеть чувствительную девушку, а то додумается до мужских трусов, кусающих отказавших негодников за при-

чинное место.

Студенты рассаживались, громко переговаривались и с любопытством поглядывали на преподавателя. Лекции Демьяна Владленовича всегда были интересными: он умел удивлять нестандартным подходом к обучению, но больше всего они ожидали психологических тестов в конце занятия.

Оказалось, проще всего поразить и привлечь к обучению именно первокурсников. Привыкшие к классически строгим и назидательным учителям, вчерашние абитуриенты с открытыми ртами внимали тонкостям психологии, примеряя возможности использования этих секретов в жизни.

Не отрывая взгляда от ноутбука, Демьян обратился к аудитории:

– Кто расскажет, сильно ли пострадала машина Петренко в аварии? И кто посоветовал Марии Геаргидзе посмотреть «Римские каникулы²»?

Студенты зашумели и уже через секунду послышались первые выкрики:

– С Машкой понятно.

– Косит под Одри Хепберн!

– О Петренко как узнали?

– Да на кафедре растриндели уже небось.

– Кто такая Одри Хебирни?

Демьян выслушал все версии и прямо ответил:

² «Римские каникулы» – фильм 1953 года. Режиссёр Уильям Уайлер. В главных ролях Одри Хепберн и Грегори Пек.

– Одри Хепберн – знаменитая актриса середины двадцатого века. Наиболее удачный пример для подражания, во всяком случае для Марии. Мэрилин Монро и Бритни Спирс в интерпретации Маши пугали. С Петренко – сами гадайте. К концу пары выслушаю версии, наиболее правдоподобная будет оценена в баллах. А теперь запишите тему лекции и обратите внимание на слайды.

По ходу занятия он не раз отклонялся от темы, отвечая на пространные вопросы любопытных студентов, не раз бывало, что к звонку тетради так и оставались нетронутыми.

Когда листки с тестами выстроились в косую стопку на углу стола, Демьян вернулся к вопросу о машине Петренко. Тут же взметнулись руки желающих раздобыть баллы.

– Всё просто, вы ехали с ним в одном автобусе.

– Вы слышали его разговор с Кучеряевым. Со второй парты всё прекрасно долетает.

Последнюю версию предложила невысокая студентка, на которую Демьян поглядывал всю лекцию: барышня вела себя подозрительно, явно наклеывался повод побеседовать с куратором курса.

– Вам новая лаборантка всё рассказала. Дима – дебил, чуть человека не сбил, она вовремя оттолкнула деда, а машина вписалась в столб. Хорошо, что никто не пострадал, а Петренко отделался испугом.

– Точно, Корейка уже похвасталась, – выпалил сам Петренко и сразу же сконфузился от того, что назвал лаборант-

ку кличкой.

Демьян замер со стопкой тестов в руках, желание шутить сразу испарилось.

– Ни одной правильной версии. А тебе, Петренко, невероятно повезло, что ты не стал убийцей. Рано тебе ещё за руль, катайся на общественном транспорте.

Ответ как обычно лежал на поверхности. Петренко меньше месяца назад стал счастливым обладателем подержанной «Лады». Радость, что он теперь не пешеход, распирала его грудь, а гордость подталкивала к хвастовству. С ключами он не расставался даже в туалете, а чтобы все могли лицезреть доказательства его нового привилегированного положения, беспрестанно крутил на пальце брелок и клал его на парту на каждом занятии. Сегодня брелок отсутствовал, при этом лицо и кисти пестрели синяками трёхдневной давности, всегда ухоженные ботинки затоптаны, даже нижний край джинсов в грязи. Последняя деталь простейшей головоломки – выпавший из кармана вместе со жвачкой билет на автобус. Иногда нужно всего лишь быть достаточно внимательным, чтобы найти ответ.

У дверей кафедры Демьян на мгновение замер, прислушиваясь к громкому голосу Софьи Даниловны и ещё одному незнакомому. Его лицо недовольно скривилось: «Не хватало ещё стать свидетелем женской склоки, а ещё хуже – если попросят занять чью-либо сторону». Он толкнул дверь и, проскользнув в помещение, сразу же влился в компанию Сер-

гея и Виктора. Мужчины увлечённо вслушивались в спор, демонстративно развернувшись спинами к источнику повышенных голосов.

Софья Даниловна нависла над столом лаборантки, загромождавшая своим широким силуэтом весь обзор, и негодуя потрясала стопкой напечатанных листков.

– Что такое камапасатуния и тробулитун?

– Понятия не имею. Так у вас было написано, – устало ответила женщина, демонстративно продолжая печатать.

Демьян сместился влево, чтобы рассмотреть новую сотрудницу, осмелившуюся открыто перечить Диплодоку. Этимология прозвища «Корейка» теперь не была тайной. Скорее всего, студенты сразу же записали её в китайки или японки, а она их поправила, а дальше уже сработала чья-то предсказуемая фантазия, превратив корейку в Корейку. Судя по чертам лица, кто-то из предков женщины «понаехал» с Востока. Кожа была смуглой, радужка – светло-коричневой. Несмотря на миловидность и миниатюрность девушки, Демьян определил, что ее возраст приближался к тридцати годам. Под глазами залегли следы бессонной ночи, причёска выглядела неопрятной, а рубашка – помятой.

Детали внешности, вплоть до мозолей на ладонях ментально записывались в память. Демьян называл такой осмотр «сканированием». Он старательно запоминал мелкие подробности в окружении и во внешности человека, составляя в голове доскональный портрет. Чуть позже он решал:

нравится ему новый знакомый или нет.

Виктор слегка наклонился в сторону Демьяна и доверительно сообщил:

– Чувствую, Яна у нас надолго не задержится.

– Кажется, вы такое и о Карине говорили, а она уже почти год оживляет нашу кафедру.

– Софья Даниловна её сожрёт и не подавится.

– Кстати, вы же куратор третьего курса? – дождавшись лёгкого кивка, Демьян продолжил: – Поговорите с Петренко – совершенно без царя в голове, и ваша Шалюкова, кажется, беременна, присмотритесь к ней.

– Да ладно! По её объемной фигуре разве можно что-нибудь понять? Может, показалось? – с надеждой воскликнул мужчина.

Демьян снова прислушался к спору, отодвигая бормотание собеседника на второй план.

Лаборантка вяло реагировала на нападки Софьи Даниловны. Казалось, она даже не слушала и отвечала местами невпопад, словно дремала или витала мыслями очень далеко.

– Вы опять опоздали. Это уже совершенно недопустимо.

– Я была на тренировке, оттуда редко ходят автобусы.

Демьян удивлённо приподнял бровь, Яна явно лгала, к тому же эта версия меньше всего напоминала уважительную причину. Лгала она настолько легко и гладко, что её не выдал голос, даже жесты остались неизменными. Демьян сделал мысленную заметку: обнаружен ещё один тип людей, чью

ложь почти невозможно обнаружить. Яне было всё равно, что она солгала, в этом не было никакого смысла, оттого даже тело не постаралось скрыть эту выдумку за мимикой и жестами.

– Текст без ошибок набрать не можете, – продолжила нападку преподавательница.

Демьян только подумал, что уж кому-кому, а Софье Даниловне точно не стоило напирать на этот недостаток, как Яна бесстыдно озвучила его мысль почти дословно:

– Я хоть как-то умею это делать.

Диплодок не ожидала такой бесцеремонной прямоты от новой сотрудницы и немного опешила. Этого промедления Яне оказалось достаточно, чтобы извиниться и выйти из комнаты.

Софья Даниловна обернулась, ища поддержки у коллег:

– Хамка, видали? Откуда таких набирают? Ладно бы компьютером владела, а то сидит для мебели, чужое место просиживает! – Она тяжело опустилась на стул, прижимая ладонь к объемной груди. – Что-то я разволновалась.

Виктор сочувственно кивнул, не желая открыто высказывать своё мнение. Тихий, словно высушенный мужчина выглядел существенно старше своих тридцати лет. Обладал едким, местами скользким чувством юмора, постоянно удивлял коллег познаниями в пошлых бородатых анекдотах. Он терпеть не мог конфликты и старательно избегал их. Если кто-то повышал голос, он, словно черепаха, вжимал голову

в плечи. Когда буря утихала, выпрямлялся, вежливая улыбка возвращалась на его губы. Яна ему нравилась, а пожилую сотрудницу он уважал.

Демьян промолчал. С Диплодом он тоже не особенно ладил и мысленно встал на сторону сбежавшей лаборантки. Зря, конечно, она так откровенно игнорировала Софью Даниловну, словно ей всё равно. Хотя... видимо, действительно всё равно. Безразличие к теме спора она не изображала, даже не постаралась быть вежливой. Видимо, собственные мысли и причина бессонной ночи волновали ее намного больше, чем возможность потерять работу. Солгала насчёт тренировки, хотя спортивная фигура однозначно выдает в ней частую посетительницу спортзала.

Демьян налил две кружки крепкого кофе, подумав, добавил в одну две ложки сахара. Едва его чашка наполовину опустела, как прозвучал звонок и преподаватели разошлись по аудиториям. Демьян не торопился, сейчас у него было «окно», и он собирался подготовить доклад к предстоящему вечернему заседанию кафедры. Приближалось время осенней практики, и обязанность распределить студентов по учебным заведениям вменялась именно ему.

Когда в комнате никого не осталось, кроме Демьяна, вернулась лаборантка. Опустившись на стул, она сложила руки и опустила голову. Со стороны казалось, что она дремлет, но пальцы выстукивали лёгкую дробь на поверхности стола. Демьян подошёл ближе и поставил кофе около стопки книг.

Из верхней, оказавшейся учебником японского языка, выглядывала закладка – членский билет стрелкового клуба.

– Кофе вам не повредит.

Яна вздрогнула и резко подняла голову. На щеке и носу отпечатались кнопки от клавиатуры.

– Спасибо, – натянуто выдавила она, рассеянно разглядывая неожиданно появившегося собеседника, – с сахаром?

– Две ложки, но на всякий случай не размешивал, – Демьян окинул взглядом новые предметы на столе и добавил: – Хотя сладкое вы любите.

Яна молча сгребла со стола фантики от конфет и устало улыбнулась.

– Что-то я вас не припомню. Вы с другой кафедры? – Пристальный взгляд мужчины её раздражал. Его лицо показалось странным и некрасивым, но голос завораживал. Низкий, глубокий, с лёгкой вибрацией, а дикция удивительно четкая. Слова выкладывались, будто камни в фундамент, веско и правильно.

– Меня зовут Демьян Владленович. Я с этой кафедры, просто у нас ещё не было возможности познакомиться. Только вчера я вернулся из командировки.

Она кивнула, но он был уверен, что она не слушает и завтра его отчество снова видоизменится, например, во Владимировича.

– Яна, – она привстала и по-мужски протянула руку.

Демьян пожал узкую жёсткую кисть, отметив, что женщи-

на не спешит выдёргивать пальцы.

– Ким, Ли или Пак?

Демьян буквально просвечивал насквозь рентгеновским взглядом, но Яна не отводила глаз и даже не смутилась от такого пристального внимания.

– Почему не Мун или Цой? – Её голос выражал равнодушные, словно она из вежливости поддерживает разговор.

Пальцы наконец разжались, она села, механическим жестом выровняла книги в стопке и вставила разбросанные ручки в пенал.

– Потому что сорок пять процентов корейцев носят эти три фамилии. – Демьян отметил, что при внешнем спокойствии и почти неподвижности Яна постукивает левой ногой по ножке стула.

– В принципе, верно. Ли. Не говорите Диплодоку, что я спала. – Она сделала пару глотков кофе и снова улеглась на клавиатуре.

Демьян вернулся к своему ноутбуку. Пока Яна дремала, он несколько раз поглядывал в её сторону. Деталей, по которым определялся характер этой женщины, было много, даже с избытком, только вот цельный образ никак не складывался. До сегодняшнего дня мужчина был уверен, что в тупик его ставят только пьяные люди. Видимо, ошибался.

Увлечённый написанием доклада, Демьян не обратил внимания на звонок и не успел подготовиться к возвращению Карины, которая влетела в комнату, но, увидев спящую ла-

борантку, резко остановилась.

– Янка, полундра! Динозавра идет!

Яна резко села и пригладила волосы, взгляд всё ещё оставался затуманенным. Она встряхнула головой и пробормотала:

– Колокольчик на шею ей надо, а ещё лучше царь-колокол.

Карина засмеялась и хотела поддержать шутку лаборантки, как услышала недовольный голос Демьяна.

– Кое в чем я согласен с Софьей Даниловной. То, что вы спите на работе, – недопустимо.

Вошла Диплодок, придирчиво оглядела лица преподавателей, заметив помятую щёку Яны, недовольно скривилась.

Опережая поток возмущений, лаборантка быстро выпалила:

– Я собираюсь в столовку в соседний корпус, кому-нибудь что-нибудь принести?

На какое-то время повисла пауза. В тишине громкое урчание голодного желудка Софьи Даниловны подсказало, что она оставит негодование на потом.

– Если будут пирожки с яйцами, возьми четыре штуки и ватрушку с творогом, – она задумалась, вспоминая меню на четверг, – и диетический капустный салат.

Яна схватила сумку и собралась уходить, когда её остановил возглас Карины:

– Сегодня после заседания кафедры будем резать торт. Я сегодня именинница, между прочим.

Яна кивнула, решив, что напоминание было сделано ради подарка, который, кстати, ещё не был куплен. Собранные деньги вручили ей ещё вчера, но выкроить время на выполнение поручения не получилось.

После съедобного подношения Диплодок подобрела и оставила недовольство на следующий раз. Новая лаборантка давала много поводов для нравоучений и возмущения, поэтому ждать в любом случае долго не придётся.

К заседанию кафедры, а точнее к празднованию после него Карина обновила причёску и макияж, даже успела сделать маникюр. Меньше часа назад она вышла из салона красоты, но на одном ногте уже красовался двойной слой пластыря. Никто никогда не видел, чтобы у неё все десять ногтей были в полном порядке, словно она изначально делала такой оригинальный маникюр.

Демьян наблюдал за непоседливой девушкой, проигрывая в голове возможные варианты отказа. Самое ужасное, что им ещё работать вместе, а инфантильность и гормоны вышибали из головы Карины адекватные мысли. Он ни разу не оказывал ей знаков внимания, но девушка почему-то решила, что её агрессивный флирт увенчается успехом.

Когда заведующий кафедрой Арсений Павлович зачитал последний доклад, время близилось к восьми вечера, за окном повисли сумерки, а дождливая погода в паре с монотонностью заседания навевали сон.

Еле дождавшись окончания нуднейшего мероприятия,

Карина вскочила и схватила Яну за руку.

– Нужно торт порезать и всякое там съестное сервировать.

Остальные преподавательницы молча поплелись следом.

Пока женщины накрывали на стол, мужчины вышли на улицу покурить. Демьян отправился вслед за ними, хотя не курил и даже не пробовал. Ещё с детства он проявлял редкостную рассудительность, отказываясь от вредных привычек в пользу здоровья. Сейчас же он решил, что лучше подышать едким дымом, чем дать имениннице лишний повод для заигрывания.

Поздравление началось с того, что Карине вручили огромного белого медведя. Девушка радостно взвизгнула и кинулась всех обнимать. Дойдя до Демьяна, она заговорщически шепнула ему на ухо:

– Я знала, что вы догадаетесь, о чём я мечтаю.

Он немного отстранился.

– Это идея Яны, я предлагал энциклопедию.

– Шутник, – смутилась она, даже не засомневавшись в верности своей гипотезы.

Когда первая пустая бутылка вина перекечевала под стол, веселье вышло на новый уровень. Включили музыку, разговоры стали свободнее и разнообразились анекдотами. Демьян не пил и сосредоточенно наблюдал за подвыпившими коллегами. Уже в который раз он убеждался, что узнать истинное «я» человека можно, напоив его. Вроде приличный воспитанный индивид оказывался хамом и пошляком, стои-

ло только разбавить кровь спиртом.

Мысленно всех людей Демьян разделил на пять категорий, положив в основу классификации именно пьяное поведение. Первую группу составили «Шутники» – под действием алкоголя самые приятные особи. Любители веселиться, танцевать и всячески развлекаться, а главное – безобидные. Вторая группа – «Драчуны». Этим стоило чуть-чуть принять на грудь, как у них начинали чесаться кулаки, женщины тут же припоминали прежние обиды и начинали скандал. «Плаксы» принимались нудить и жаловаться на своё жалкое существование. В отличие от предыдущей группы, эти слезливые личности были не опасны, но очень уж неприятны. У «Любовников» срывало тормоза, они тут же открывали сезон охоты на противоположный пол. Если хватало силы воли, то пьяные приключения заканчивались стыдливými воспоминаниями о поцелуях в тёмных коридорах, но иногда и в чужих постелях. «Сурки» руководствовались одним-единственным инстинктом: нажрался – спи. Словно у них срабатывал предохранитель, защищающий от необдуманных и, возможно, постыдных поступков. Карина явно относилась к «любовникам», и это ещё больше осложняло ситуацию.

Яна всего два раза подносила к губам стакан с шампанским, но Демьян заметил, что она только смачивала губы, а не пила. Её пальцы нервно постукивали по столу. Неосознанно она провела левой ладонью по правой кисти и, остановившись на безымянном пальце, словно прокрутила невидимое

кольцо, тут же непроизвольно отдёргнула руку и продолжила нервную дробь по столешнице. Виктор, сидевший справа от неё, упорно уговаривал её выпить и сам не отставал.

Под воздействием алкоголя он раскрепостился, выпрямил плечи и осмелился проявить свой знаменитый пошлый юмор. Его взгляд блуждал, внимательно осматривая собеседницу. Развернувшись всем телом, он даже наклонился вперёд, чтобы не упустить ни одного её слова или взгляда, лицо украсилось широкой улыбкой, даже голос изменился, став более низким и хриплым. До сегодняшнего дня Демьян был уверен, что тихий, замкнутый коллега – обычный «сурок», но сейчас он явно проявлял признаки «любовника». Яна нравилась Виктору, и он даже не скрывал симпатии, а вот лаборантка чувствовала себя неловко и нервничала. Отстранялась, отводила взгляд и постоянно переставляла предметы на столе.

Выдержав ещё несколько минут, Яна извинилась и попросилась с коллегами. Виктор сразу поник и налил себе новую порцию вина.

Демьян проводил лаборантку взглядом и посочувствовал самому себе. Он не может вот так просто улизнуть с затянувшихся посиделок. Словно подтверждая его мысль, рядом села Карина и жалобно попросила:

– Вы же проводите меня, Демьян Владленович? Боюсь, в таком состоянии я не доберусь без приключений, – она весело рассмеялась. – Такую услугу нужно изобрести – доставка

пьяных к дверям дома, и чтобы ещё раздели, смыли косметику и огурчики на уставшие глазки положили.

– Ваши пьяные идеи ещё бредовее трезвых, – он поднялся и взял тросточку. – Берите вашего монстра плюшевого и поехали.

Пока Карина прощалась с коллегами, Демьян вызвал такси и уже ожидал её на ступенях. Схватив огромного медведя и букет колючих роз, он, прихрамывая, направился к машине. Имениннице пришлось самой усаживаться в автомобиль.

Пока такси добиралось до указанного адреса, Карина несколько раз намеревалась привалиться к плечу спутника и даже чмокнула один раз его в щёку.

– Дёма, Дёма, поздравь меня ещё раз, – она как-то легко и незаметно перешла на «ты», сократив имя до детского прозвища. – Не помню, я уже спрашивала: тебе нравится мой Мишаня?

– Нет. Не представляю, куда вообще в квартире можно спрятать это чудище, – как всегда прямо ответил Демьян.

– Я буду с ним спать, – Карина зевнула. – Ну, если не найдётся другого претендента на мою кровать.

Демьян не улыбнулся, сейчас он мечтал, чтобы поездка быстрее закончилась, и пьяная сотрудница не успела его поцеловать.

Таксист плавно затормозил и назвал цену поездки.

Не ожидая, пока Карина найдёт кошелёк, Демьян достал деньги из своего кармана. Вытащив медведя, он уложил его

под козырьком подъезда, взял полусонную девушку за руку и вытянул из машины. Дождавшись, когда она вспомнит код, втянул под крышу дома и замер перед лифтом.

– Какой этаж?

– Седьмой, кажется, – сонно пропела Карина, цепляясь за рукав Демьяна.

В узкой кабине лифта она без стеснения прижалась к нему, не обращая внимания на шипы роз. Её глаза влажно блестели, волосы растрепались, помада смазалась. Карина очень удачно остановилась на той степени опьянения, когда алкоголь раскрепощает и придает сексуальность, ещё немного, и она была бы неприятна.

Демьян подозревал, что она больше изображает охмеление, используя его как оправдание для фривольного поведения. Вряд ли он удивится, если завтра она изобразит временную потерю памяти.

Лифт дёрнулся, останавливаясь на седьмом этаже. Карина оглядела лестничную площадку и радостно воскликнула при виде двери собственной квартиры, будто та могла сбежать или спрятаться. Он молча проследовал за ней, небрежно подтаскивая за лапу медведя. Немного повозившись с ключами, хозяйка все-таки справилась с замком и гостеприимно распахнула двери.

– Милости прошу.

Демьян пристроил гигантскую игрушку в прихожей, рядом уложил пышный букет и мельком оглядел коридор. Об-

становка оказалась вполне ожидаемой. Очень много предметов, ярких, заметных, начиная с красных обоев с чёрными цветами и заканчивая огромным зеркалом в толстой золоченой раме. На первый взгляд, чисто, но психолог мог бы поспорить, что, если открыть дверцы шкафа, оттуда вывалится гора мятой одежды.

– Я, пожалуй, поеду.

Карина замерла с сапогом в руке, а другой небрежно отшвырнула под обувную полку.

– Может, кофе? – На какое-то мгновенье её мутный взгляд стал совершенно трезвым.

Демьян отступил к двери и плотнее запахнул пальто.

– Кофе на ночь? Можно стакан воды, и я поеду.

Карина развернулась и, покачивая бёдрами, направилась на кухню. Время ожидания немного затянулось, Демьян нетерпеливо топтался на месте. Настораживала слишком уж быстрая капитуляция. Столь буйная активность не могла так быстро утихнуть.

Карина вернулась спустя пять минут без стакана воды. На кухне также осталось её платье. Демьян несколько секунд смотрел в ожидающие тёмные глаза, потом опустил взгляд и внимательно её оглядел. Чёрное бельё больше обнажало, чем прикрывало тело. Волосы тёмными волнами красиво обрамляли лицо. Женственная, слегка полноватая в бёдрах фигура, пышная грудь и небольшой животик – всё смотрелось очень сексуально.

Карина вплотную приблизилась к нему и слегка прижалась к его губам.

– Останься.

Демьян дёрнул головой, уходя от поцелуя.

– Я не из тех жеребцов, что постоянно носят в кармане презервативы.

Она на мгновенье задумалась и снова пошла в наступление.

– Что-нибудь придумаем. Останься.

Демьян с удивлением понял, что колеблется. Твёрдое намерение отказать таяло под настойчивыми ладонями Карины. Он бросил взгляд на медведя, укоризненно смотрящего неживыми глазами, и неожиданно для самого себя выпалил:

– Хорошо. Дай я хотя бы разуюсь.

Только утром осознание легкомысленного поступка предельно стукнуло Демьяна по голове. Он даже не пытался найти себе оправдание: вчера был совершенно трезвым, поэтому переложить ответственность на алкоголь не получалось. Быстро одевшись, он заглянул в ванную и кое-как привёл себя в порядок. Когда он вернулся, Карина уже проснулась и, приподнявшись на подушках, расправляла по обнажённой груди волосы. Увидев серьёзное лицо ночного любовника, она сникла, её брови нахмурились.

Демьян замер около кровати с носками в руках.

– Доброе утро. Я не знаю, что тут сказать. Это была не ошибка, но теперь проблема. Все-таки нам вместе работать. – Его прозрачно-голубые глаза смотрели равнодушно, только пальцы нервно перебирали ткань.

Карина опустила взгляд, сосредоточившись на руках Демьяна, несколько часов назад так страстно ласкавших её тело. Даже во время секса он не был многословен, хотя на её настойчивые вопросы: «Тебе хорошо?» он спокойно отвечал согласием. На волне чувств ближе к утру она намеревалась признаться ему в любви. Теперь же была рада, что вовремя прикусила язык.

– Не проблема, – с вызовом воскликнула она, – всё как раньше. Считай, что это был твой персональный подарок.

– Спасибо, – не к месту поблагодарил Демьян, с опозданием осознав, что это звучит оскорбительно.

Надев носки, он вышел в коридор, даже не ожидая, что Карина будет его провожать. Но она накинула халат и подошла к двери. Открыв замки, отстранилась и широко улыбнулась. Демьян очень хотел бы верить этой улыбке, только вот Карина явно лгала, а тело выдавало эту ложь. Улыбка вышла кривой, левый угол рта только слегка приподнялся, а рука сжалась в кулак.

Она уже намеревалась захлопнуть дверь, когда он резко остановил её.

– Если вдруг ты забеременела, должна мне сказать. Даже

не думай делать аборт, не поговорив со мной.

Карина запрокинула голову и неискренне рассмеялась:

– Чушь собачья. Один-единственный раз. Ты, знаешь ли, уже не в том возрасте, когда сперматозоиды сумасшедшие и настойчивые. Будь спокоен.

Демьян слегка удивился напоминанию о его годах. Тридцать шесть лет – далеко не старость, пожалуй, рановато и для полового бессилия.

Выйдя на улицу, он сразу попал под дождь. Крупные капли застучали по голове, словно мелкие камешки, выбивая воспоминания о бурной ночи. Осеннее небо придавило город, касаясь высоких зданий. Демьян медленно побрёл на остановку, изумляясь, что его мысли занимает посторонний вопрос: как закончился вечер у Яны?

2 глава. Вьюшка

Утром Яна совершенно не думала о работе и коллегах. За неделю, что она обитала в институте, никто не привлек её внимание, только с Кариной и подружилось. Девушка оказалась жизнерадостной, легкой в общении (именно этого не хватало самой Яне), даже нападки Диплодока не портили Карине настроение. Остальные коллеги, словно безликие манекены, не оставили следа в памяти. Яна даже имён их не запомнила. Приходила на кафедру, без рвения выполняла несложную работу и сбегала, чаще раньше окончания рабочего дня.

Яна легко заводила знакомства и так же легко расставалась с людьми, которые ещё день назад обещали звонить и навещать. Работу она меняла часто и никогда не была карьеристкой. Ее диплом учителя ни разу не использовался по назначению. За последний год она сменила уже три места работы. Чаще всего её тактично просили уволиться из-за прогулов и утренних опозданий. Энтузиазма нерадивая подчиненная не проявляла, не соглашалась на переработку и редко посещала корпоративы. Сдружиться с коллегами у неё просто не было времени, да и желания тоже. Как долго она задержится на кафедре, Яна не знала, но подозревала, что непримиримая Софья Даниловна не успокоится, пока не выживет её из института.

Когда Яна проснулась, ночь ещё цеплялась за подоконник, дождь барабанил в стекло, создавая атмосферу, когда хочется закутаться в одеяло и не вылезать из уютного кокона. Она приподнялась и взяла с прикроватной тумбочки блокнот. На клетчатом листе неровными строчками записала адрес и фамилию.

Наскоро умывшись, Яна натянула джинсы, нашла на стуле серую футболку сомнительной чистоты. Слегка пригнулась и скривилась. После вчерашней тренировки запах пота въелся в ткань. Откинув футболку в сторону, она быстро натянула мятую рубашку из шкафа, запихнула за ремень джинсов травматический пистолет, накинула куртку. Уже спускаясь по лестнице, вызвала такси. К счастью, машину долго ждать не пришлось. Через десять минут Яна уже подгоняла водителя, нетерпеливо ёрзая на сиденье.

Расплатившись с таксистом, она вышла на улицу и сосредоточенно оглядела высокие дома. До рассвета оставалось ещё около получаса, ярко горели фонари, освещая глубокие лужи вдоль тротуаров, промозглое утро запросто можно было спутать с поздним вечером.

Нужный дом Яна отыскала быстро. Поднявшись по ступеням, замерла перед дверью. Как и следовало ожидать, вход в подъезд преграждал кодовый замок. Приглядевшись, она заметила, что три кнопки гораздо меньше поедены ржавчиной и даже слегка сверкают от частого вдавливания. Она даже не рассчитывала на такую удачу – самый простой незатейли-

вый кодовый замок. Пальцы пробежались по кнопкам, нажимая на них по очереди. Дверь оставалась неподвижной. Тогда Яна надавила на три кнопки одновременно. Тут же раздался щелчок. Проскользнув в тёплый подъезд, Яна подошла к ближайшей квартире. Жильцы ещё не успели обзавестись звонком, пришлось их будить настойчивым стуком в дверь.

Раздалось неспешное шарканье ног, глазок потемнел, и дверь слегка приоткрылась. На пороге стоял заспанный и жутко недовольный мужчина.

Опережая возможную грубость бесцеремонно разбуженного хозяина, Яна быстро выпалила:

– Где живет Светлана Кулик?

Взгляд мужчины обрёл чёткость.

– Кулик? Чё-то знакомое. Катька Кулик на пятом этаже. Светланой, кажется, её мать звали. Так она умерла недавно, – закончив предложение, мужчина сконфузился, решив, что вот так в лоб сообщил новость о смерти, возможно, родственнице или подруге покойницы.

– Квартира какая? – спокойно уточнила Яна, поправляя рукоять пистолета под курткой.

Заспанный хозяин почесал стопой волосатую голень и нахмурился:

– Не знаю. Кажется, на той же стороне, что и моя квартира. Номер не знаю.

Яна кивнула.

– Спасибо, – после секундного колебания нехотя добави-

ла: – Смените код на подъезде, кто угодно зайдет к вам.

– Легко! – с неуместной гордостью объявил мужчина, обводя взглядом первый этаж подъезда. – Скоро домофон поставим.

Только сейчас Яна обратила внимание на терпкий запах мочи и небольшую свалку под лестницей.

Она быстро поднялась на пятый этаж, только слегка запыхавшись, и остановилась перед дверью. Ей уже приходилось сталкиваться с несостоявшимися самоубийцами. Обычно это были сломленные одинокие люди, жертвы насилия или унижения, действительно не видящие иного выхода. Правда, один раз ей пришлось спасти подростка, решившего вскрыть вены из любопытства и жажды острых ощущений. Он слишком заигрался в эмо³. Захотелось впечатлить друзей видеозаписью собственного суицида.

Сейчас у Яны не было плана, она просто рассчитывала уговорить девушку не совершать этот поступок.

Выдохнув, она нажала кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу. Молодая хозяйка квартиры не спала. Нежданное появление гостыи не вызвало у неё даже тени удивления. Растрёпанные светлые волосы, красные глаза, впалые щёки – неопрятная внешность выдавала бессонные ночи и море пролитых слёз.

³ Эмо – ([англ. emo](#): от *emotional* эмоциональный) – молодёжная [субкультура](#), образовавшаяся на базе поклонников одноимённого музыкального стиля. Выражение [ЭМОЦИЙ](#) – главное правило для эмо.

Катя отступила назад, без разговоров приглашая войти совершенно незнакомого человека. Яна прошла в аккуратную уютную квартирку, заполненную сигаретным дымом. Хозяйка пересекла коридор и зашла на кухню. Молча устроилась на табуретке, поджав под себя ноги, дрожащие пальцы вынули из пачки очередную сигарету.

Яна села напротив и, не отрывая пристального взгляда от девушки, представилась:

– Я знала вашу маму.

Девушка слегка вздрогнула, пальцы непроизвольно сломали сигарету.

– Мама умерла, – сухо констатировала она, извлекая из пачки новую сигарету.

Яна придвинулась ближе и попыталась поймать взгляд собеседницы. Глаза Кати были совершенно пустыми, будто стеклянными.

– Вам завтра на работу?

– Нет. Меня, наверное, уже уволили, я там месяц не была.

Она прикурила сигарету и, глубоко затянувшись, выдохнула дым прямо в лицо Яне.

Поведение, внешность хозяйки, её неосторожность явно говорили, что она уже решилась на роковой шаг.

Яна отклонилась назад и прямо сказала:

– Вы не должны этого делать. Это не выход. Светлана точно не хотела бы такой судьбы для вас.

Девушка даже не шелохнулась, только глаза подозритель-

но прищурились, присматриваясь к Яне.

– Да что вы говорите! Вы мою маму знали лучше, чем я? – Голос вскипел негодованием. – Почему же она тогда сама это сделала?

Яна изумленно уставилась на девушку, эхом повторив её последние слова:

– Сама это сделала?

Катя неожиданно протяжно вскрикнула и стала биться головой о стол. Яна привстала и, схватив её за плечи, удержала от очередного удара. Чёлка девушки зависла в паре сантиметров от столешницы, тлеющий кончик сигареты почти упёрся в скатерть. Она не плакала, даже не всхлипывала, только мелко дрожала, словно от холода.

Встряхнув плечами, Катя избавилась от ладоней незваной гостьи и выпрямилась.

– Ей, значит, можно, а мне нет?

Яна снова села на табурет и серьёзно ответила:

– Никому нельзя, – она внимательно посмотрела в глаза девушке. – Катя, пожалуйста, просто послушай. Сейчас тебе плохо, одиноко, хочется волком выть и на стенку лезть, болит сердце, словно вырезали душу. Очень больно. Время не очень лечит, но притупляет.

– Какая банальщина. Мне всё равно, что будет потом. Я просто хочу, чтобы всё закончилось, – Катя откинула голову назад и резко выдохнула. – Там нет боли.

– Где там? – Яна снова привстала, пытаясь поймать блуж-

дающий взгляд собеседницы. – На небесах? Боли нет. Там вообще ничего нет. Нет никакой жизни после смерти, пустота, темнота. Тебя просто не станет, – Яна очень надеялась, что это не так. Туманные сны явно свидетельствовали, что с окончанием телесного существования жизнь души не заканчивается. – Как ты решила это сделать?

Девушка вздрогнула. Осведомлённость незваной гостьи не удивила, она на самом деле ещё не думала о последних секундах перед смертью.

– Таблеток у меня нет, пистолета тоже. Наверное, порежу вены или спрыгну с крыши, – рассеянно перечислила Катя.

– Это больно. Ты представляешь, как это больно?

Катя замерла. О физической боли она забыла.

– Это не долго, – не очень уверенно произнесла она.

– Как знать. Может, не получится умереть, останешься инвалидом, – Яна встала. – Где твой телефон?

Катя оглядела кухню и неуверенно предположила:

– Может, в мусорном ведре?

Тонкий дорогой телефон и впрямь оказался среди мусора. Яна брезгливо вытерла мобильник полотенцем и протянула хозяйке.

– Наверное, куча пропущенных. Позвони подругам. У тебя же есть подруги? – дождавшись утвердительного кивка, продолжила: – Если решилась на такой шаг – заверши все дела. Ты должна быть уверена, что ничего не забыла, всех увидела, узнала всё, что хотела.

– Я книги не сдала в библиотеку.

Яна позволила себе лёгкую улыбку.

– Я приду около восьми вечера, раньше не получится. Мне нужна твоя помощь. Это очень важно, просто дождись меня. – В предыдущий раз эти нехитрые слова сработали. Парень, решивший совершить суицид, помогал ей искать любимого пса, которого, кстати, никогда у Яны не было.

Девушка рассеянно кивнула:

– Подожду.

Яна высыпала в урну окурки из пепельницы и укоризненно сказала:

– Никотин точно тебя убьёт, если продолжишь так дышать.

На работу Яна безнадежно опоздала. Внешний вид был совершенно неподходящим, она даже зубы не почистила. Расправив пальцами волосы, снова собрала их в более опрятный хвост, тщательно вытерла зубы краем рубашки, закинула в рот мятную жвачку. На работе куртку, скрывавшую мятую одежду, пришлось снять, и Диплодок не упустила возможность съязвить по поводу неряшливости лаборантки.

День начался обычно, за исключением того, что утром вместо завтрака Яна спасла чью-то жизнь. Потом оказалось, что у Карины день рождения, о чём Яна, естественно, забыла и из командировки вернулся преподаватель, которого она ещё не видела. С первого взгляда он произвёл отталкивающее впечатление. Худой, неулыбчивый, прямолинейный, он

поразил Яну притягательным голосом и необъяснимой харизмой, просвечивающейся через откровенную холодность. Позже она узнала, что он психолог, а одна из преподавательниц дала ему очень ёмкую характеристику: «Некрасивый мужчина, но чертовски привлекательный. Психолог не по профессии, а по натуре».

Весь день Яна не могла сосредоточиться на работе, мысли о Кате не покидали голову. Она переживала, что та не дождётся и что-нибудь с собой сделает. Победа над тягой к суициду казалась не окончательной. Предчувствие надвигающейся беды никуда не делось, просто на время утихло.

Заседание кафедры и празднование дня рождения Карины казались Яне бесконечно длинными, раздражали весёлые взгляды сотрудников и пьяные шутки Виктора, не отходившего от неё ни на шаг. Посидев для приличия полчаса, она взяла сумку и решительно покинула институт. Кавалер, преследующий ее весь вечер, просто пропустил момент её ухода.

Домой Яна ехала на автобусе. Из головы совершенно выветрился утренний разговор с Катей, она забыла, что обещала её навестить. Бессонная ночь и переживания утомили, она даже не заметила, как сон склеил веки.

Пейзажи причудливо перемешались, продолжая двигаться и цепляться друг за друга острыми краями. Сумасшедшие цвета никак не складывались в чёткую картинку. Сквозь яркий калейдоскоп прорывался только голос, звенящий от волнения:

– Помоги, скорее, она сейчас прыгнет!

Яна вздрогнула и, прежде чем окончательно проснуться, вскочила с кресла, стукнулась лбом о стоящего впереди подростка. Тот злобно ругнулся и красноречиво покрутил пальцем у виска.

В голове зазвенело, Яна потерла лоб и кинулась к водителю.

– Остановите автобус!

От громкого возгласа шофёр резко дёрнулся, автобус вильнул влево, едва не задев обгоняющую легковушку.

– Сдурела, что ли! На остановке сойдешь! – Мужчина добавил ещё пару матов и злобный взгляд. Пассажиры, ближе всего стоящие к двери, согласно закивали, добавляя пару эпитетов и от себя.

– Человек сейчас умрёт! Остановите, говорю! – Яна не сдавалась. Её совершенно не волновало, что подумают окружающие и сколько грубости выльется на её голову.

Водитель бросил взгляд в зеркало заднего вида. В глазах сумасшедшей пассажирки были такие ужас и боль, что он больше ни секунды не сомневался и резко нажал на тормоза. Люди, некрепко держащиеся за поручни, полетели вперёд, послышались крики и новые порции мата. Яна выпрыгнула из дверей и побежала в сторону припаркованных такси. Сев в первую попавшуюся машину, она громко скомандовала:

– Юбилейный, улица Западная, дом пятьдесят семь. Срочно, это очень важно.

Через полчаса автомобиль затормозил у знакомого уже дома. Яна быстро расплатилась и вприпрыжку направилась к подъезду. Только тут она обратила внимание, что, несмотря на поздний вечер и густые сумерки, во дворе слишком многолюдно. Ближе к противоположному концу дома столпились зеваки, их взгляды были подняты вверх, лица выражали весь калейдоскоп эмоций: от ужаса до любопытства. Яна направилась в сторону толпы, уже догадываясь, что увидит. Все неотрывно глядели на самоубийцу, стоящую на краю крыши.

Не останавливаясь, Яна стремительно влетела в подъезд и понеслась по ступенькам. Каждый удар сердца отдавался в висках, отсчитывая ритм шагов, лёгкие сдавило обручем в предчувствии беды, мозг словно парализовало.

Яна выбралась на крышу. На фоне вечернего неба слабо выделялся силуэт девушки с раскинутыми в стороны руками. Их разделяло не больше пятидесяти шагов. Яна преодолела половину расстояния, когда Катя обернулась и замерла с широко открытыми глазами:

– Я была сегодня в церкви. Батюшка сказал, что душа бессмертна. Ты ошиблась.

Яна дёрнулась вперёд. Осталось несколько метров, но Катя не собиралась дожидаться и шагнула в пустоту, всё так же пристально глядя в её глаза.

Яна резко отпрянула, не желая видеть падение девушки, и зажмурилась. Тут же раздался глухой шлепок, улицу огласил протяжный женский визг, к нему добавились крики осталь-

ных зевак.

Она опоздала. Спустившись по лестнице, Яна незаметно покинула двор, где так трагично оборвались жизни двух женщин. Мать и дочь покончили жизнь самоубийством с разницей в один месяц.

Яна медленно брела, с трудом переставляя ноги и шаркая по тротуару, мозг отказывался работать. Это был не первый раз, когда её вмешательство ничего не меняло, но легче от этого не становилось. «Должно быть, так чувствует себя врач, когда на операционном столе умирает пациент».

Яна не помнила, как добралась до дома, словно телепортировалась. Она не могла даже с точностью сказать, на чём доехала: на такси или на автобусе. Просто спустя час стояла в своей прихожей. Одежда насквозь промокла, ботинки и нижний край джинсов разукрасились грязью. Яна смутно припомнила, что бежала.

После душа она устало опустилась в кресло и прикрыла веки. Из мыслей не выходил последний взгляд Кати перед роковым шагом. В нём плескались такое отчаяние и чёрная тоска, что сейчас от воспоминаний пробирала дрожь.

Эти сны всегда начинались одинаково. Пульсирующие, постоянно сменяющие друг друга картинки. Один сумасшедший пейзаж наползает на другой, вклиниваясь в него

острыми осколками. Всё движется, закручивается, лопаются дырами, словно фотоплёнка, режет глаза бешеной сменой кислотно-ярких цветов. Постепенно краски блекнут, картинка останавливается и оформляется во что-нибудь узнаваемое. Появляются голоса, незнакомые люди со смазанными лицами, словно их стёрли ластиком.

Яна видела такие сны с детства. Ещё маленькой девочкой она боялась странных кошмаров и пугала мать ночными истериками. До восьми лет она спала в кровати у родителей, отказываясь оставаться в одиночестве. Она не могла объяснить, почему боится ночи, просто каждый раз, когда сумерки сгущались, пряталась в объятиях мамы и с ужасом ожидала погружения во тьму? Её до жути пугали странные призрачные люди. От них веяло вечностью, одиночеством и страхом. Они пытались заговорить и преследовали её.

Сны приходили нерегулярно, не подчиняясь никакой цикличности. Иногда раз в неделю, иногда чаще, случались и счастливые месяцы спокойных мирных сновидений.

Яне было около девяти лет, когда родители впервые решились отправить её к бабушке в деревню. Зинаида Васильевна с радостью приняла внучку, даже не представляя, сколько бессонных ночей проведёт с ней за время зимних каникул. Предупреждения о странностях внучки не охладили желание наконец-то побыть в роли настоящей бабушки.

Почти неделю Яна была самым обычным беззаботным ребёнком. Играла с другими детьми в снежки, строила кре-

пость из снега и с аппетитом поела бабушкину стряпню. Отсутствие телевизора и других благ цивилизации она даже не замечала.

В ночь, когда Яна впервые отнеслась к своим снам не как к обычным кошмарам, а предупреждению, разыгралась самая настоящая буря. Низенький домик Зинаиды Васильевны задело по самые ставни, ветер бился в окна, завывал в трубе, словно дикий зверь. Яна спала на печке, укутавшись в бабушкину шаль, и тихо посапывала. Сначала ей снился соседский мальчишка, «намыливший» её накануне снегом, потом его щербатая улыбка растворилась в мутном тумане, стиравшем очертания улицы. А потом началась знакомая уже какофония цветов и звуков. Спустя несколько секунд перед Яной предстала широкая поляна, украшенная тремя берёзками, ровными и белыми, словно с картинки. У одного из деревьев стояла высокая стройная женщина с белёсыми распущенными волосами. Даже на лице с размытыми чертами было видно, как дрожат её губы.

Яна сделала шаг вперёд и зло прокричала:

– Уходи из моего сна. Уходи!

Взгляд женщины остановился. Она упала на колени и, заламывая руки, зарыдала:

– Ты должна их спасти, умоляю! Они задохнутся, если ты не поможешь. Кума закрыла вьюшку⁴.

⁴ Вьюшка – железная или чугунная [крышка](#), [здвижка](#), закрывающая [отверстие](#) в дымоходе или печке для прекращения тяги воздуха.

Яна как обычно хотела убежать. Приготовилась к тому, что странная женщина будет преследовать её в снах, но неожиданно заинтересовалась незнакомым словом «вьюшка».

Гостья обрадовалась, что её слушают, и быстро затараторила:

– В соседнем хуторе Камышин, в доме восемь по улице Садовой кума закрыла вьюшку. Спаси их, умоляю.

Яна не успела спросить, что такое «вьюшка», внезапно проснулась. Её руки дрожали, лоб вспотел, в голове вертелись последние слова женщины. Девочка слезла с печки и подошла к бабушке. Та дремала прямо в кресле с вязанием на коленях. Тронув за плечо, Яна тихо позвала:

– Бабуля, проснись.

Зинаида Васильевна нехотя открыла глаза и часто заморгала.

– Яночка, чего не спится?

– Бабуль, что такое вьюшка?

Бабушка привсталала и недоуменно поглядела на Яну.

– Зачем тебе? Приснилось что? – Предупрежденная о снах заранее, она приготовилась утешать.

Яна нахмурилась и дословно повторила слова гостьи из сна.

– В соседнем хуторе Камышин, в доме восемь по улице Садовой кума закрыла вьюшку.

– Что ты бормочешь? Кто тебе сказал?

– Мне приснилось, – серьёзно ответила Яна.

Зинаида Васильевна молча накинула шубу, надела шапку и принялась укутывать Яну. Замотав её шарфом по самые глаза, она выглянула в окно и задумчиво пробормотала:

– Погодка поутихла. Дойдем.

Подгоняемые плотными потоками ветра, они вышли за край села и оказались в чистом поле. До Камышина вела грунтовая дорога, всего-то километр, но по глубокому снегу идти оказалось тяжело, хорошо ещё, что ветер дул в спину. Яна не плакала и не жаловалась, молча следовала за бабушкой, стараясь попадать в оставленные следы. Зинаида Васильевна торопилась, подтаскивая отстающую девочку за руку и поправляя на ее лице сползающий шарф.

Улицу нашли быстро, их на хуторе было всего две. Небольшой домик опознали по красной циферке, видневшейся в окне. В отличие от соседних хаток, из его трубы не шёл дым. Зинаида Васильевна поднялась на ступеньку и громко постучала в дверь. Ответа не было. Она смела со стекла налипший снег и заглянула в окно. Непроглядная темнота мешала рассмотреть даже очертания мебели. Яна топталась рядом и энергично тарабанила в другое окно.

Зинаида Васильевна оглядела двор. Недалеко виднелись поленица и недоколотые бревна. В одном из них торчал топор. Она вынула его и вернулась к дому.

– Отвернись и закрой лицо.

Едва Яна успела натянуть капюшон, как услышала звон

разбивающегося стекла.

– Иди к соседям, скажи, что нужна помощь.

Яна послушно побрела в соседний двор, не оглядываясь на бабушку.

Сейчас она уже не помнила, как ей удалось разбудить соседей и привести их к дому. Мужчина и юноша забежали в распахнутые двери, а она осталась стоять на крыльце. Бабушка вышла первой, держа на руках маленькую девочку, вслед за ней показался сосед, он нёс пожилую женщину. Казалось, они спят и видят очень хорошие сны. Спокойные счастливые лица, яркий румянец на щеках. Они выглядели такими красивыми, умиротворёнными. Последним вышел сын соседа. Невысокий подросток с трудом вынес рослую светловолосую женщину и уложил прямо на снег. Яна застыла с открытым ртом – это была женщина из её сна.

Позже бабушка рассказала, что несчастные обитатели дома под номером восемь угорели. Первой умерла женщина, её дочка и мама скончались немногим позже. Куму, решившуюся на убийство, вычислили быстро, потом она сама созналась, что приходила вечером в гости и закрыла вьюшку. Плакалась и клялась, что случайно, что не хотела никому зла, но в полиции не поверили её сбивчивой лжи.

Яна вернулась к родителям повзрослевшая. Тогда она впервые столкнулась со смертью и поняла, что странные кошмары – не просто сны. Ночью она уже не кричала, но, просыпаясь, заставляла родителей разыскивать незнакомых

людей.

3 глава. Сосед

После тяжёлого дня возможность выспаться в выходной пришлась как нельзя кстати. Провалившись в кровати почти до обеда, Яна всё-таки нашла в себе силы подняться и почистить зубы. Голова гудела, мышцы словно налились свинцом. Такая разбитость всегда накрывала, стоило задержаться в постели. Как говорила бабушка, все бока отлежала. Утреннюю тренировку Яна уже пропустила, а потому решила прибраться в квартире и дождаться вечернего похода за порцией эндорфинов.

Она всегда занималась спортом. Физическая нагрузка была обязательным компонентом её жизни. Первой секцией, принявшей Яну в свои ряды ещё в школьные годы, оказался баскетбол. Невысокий рост компенсировался подвижностью и меткостью, но борьбу под кольцом Яна неизбежно проигрывала более высоким соперницам.

С седьмого класса Яна записалась в пять секций: волейбол, туризм, стрельбу, теннис и карате. Уже через месяц она поняла, что режим дня просто не вмещает такую убойную порцию физической активности, к тому же запротестовал перегруженный организм. Пришлось от парочки секций избавиться. С тех пор Яна успела попробовать плавание, йогу, велоспорт, спортивные танцы и многое другое, не имеющее отношения к спорту. Теперь три раза в неделю она посеща-

ла тренажёрный зал, стрельбище и секцию рукопашного боя. Научиться драться вынудила сама жизнь. Перекраивая чужие судьбы, часто приходилось сталкиваться с агрессией – несколько раз Яна сама попадала в больницу. К тому же физическая нагрузка снимала напряжение и заряжала энергией. Если по каким-то причинам Яна пропускала занятия, то чувствовала себя нездоровой, становилась суетливой и нервной. Приползая домой после тренировки, она ощущала себя почти счастливой, после мышечной активности настроение неизменно повышалось.

Закончив уборку, Яна удовлетворённо опустилась в кресло. Любые манипуляции с пылесосом и тряпкой её раздражали, поэтому каждую субботу она ожидала с двойственным чувством: радость от возможности выспаться омрачалась необходимостью убирать жильё. Эта однокомнатная квартира досталась ей после развода почти два года назад. Светлый дом в хорошем районе Краснодара был продан, деньги поделены, номер телефона бывшего мужа стёрт из записной книжки.

Яна старалась не вспоминать годы брака, и стоило её мыслям направиться в эту сторону, как она бросалась на поиски чего-нибудь, чем можно занять голову, лишь бы не вспоминать этот период жизни.

Свеженький борщ увенчал хозяйственную часть выходного дня. С чувством выполненного долга она сложила спортивные вещи в сумку, спрятала в одном из карманов травма-

тический пистолет и закрыла дверь.

На лестничной площадке Яна застегнула молнию куртки под горло и приостановилась, чтобы поздороваться с соседом. Юноша поселился в доме около полугода назад, когда его бабушке после инфаркта потребовался уход. Максим успевал учиться в институте и вполне прилично вести хозяйство. Судя по пирожкам, которыми он периодически угощал соседей, готовил парень куда лучше многих дам. Яна всегда с удовольствием принимала угощения от юноши, подозревая, что именно этот талант и поможет ему жениться. С виду невзрачный, сутулый, да ещё и в очках. Говорил мало и жутко краснел, принимая похвалу.

Максим подметал ступеньки, тихо напевая какой-то новый хит. Яне тут же стало совестно, что он единственный, кто убирает подъезд и вычищает пепельницу, примостившуюся на подоконнике. Он сам не курил, но послушно убирал за другими.

– Привет, Максим.

Юноша от неожиданности резко дёрнулся, чуть не выронив веник.

– Здравствуйте, Яна. Вы как кошка: я даже не слышал, как подошли.

Она пожалала плечами, указывая на бусины наушников в его ушах.

– Музыка громко слушаешь. Как бабушка?

Максим мягко улыбнулся.

– Сегодня с удовольствием позавтракала. Спала, правда, плохо. Бессонница. Говорит, что всё болит. Доктор уколы прописал, – печально закончил он.

– Передавай привет Марии Львовне. Будет время – загляну.

Яна уже спускалась, когда её догнали слова соседа.

– Вы только предупредите, я хоть пирог испеку!

Выйдя из подъезда, Яна от неожиданности зажмурилась. Почти неделю лил дождь, превращая дорогу и тротуары в полноводную реку с притоками, а сегодня наконец-то показалось ленивое солнце, бледное, словно после болезни. Для конца октября было слишком холодно. Хотя осень на Кубани всегда была какая-то сумасшедшая, могла даже снегом порадовать, а потом вдруг обмануть мрачные ожидания и ласково пригреть почти летним солнцем.

Яна быстро шла по улице, нарочно концентрируя внимание на мелочах и лицах людей, чтобы не думать о том, что произошло вчера. Она проиграла в поединке со смертью. С самоубийцами почти всегда случалось именно так.

Пять лет назад Яна уговорила продолжать жить симпатичного, но очень уж впечатлительного юношу. Он уверял, что его сердце разбито навсегда и смысл жизни утерян, но через год после этой судьбоносной встречи женился на своей спасительнице. С самого начала отношений Павел знал, насколько странная ему досталась особа. Но ни разница в возрасте (в ту пору Яне было двадцать пять, а ему девятна-

дцать), ни жуткие сны не смутили его, скорее даже привлекли.

Яна полагала, что Павел и есть тот самый принц, с которым она проведёт всю жизнь, может, даже умрёт в один день. Их чувства всё время находились на грани, перепады от обожания до ненависти выматывали не хуже туманных снов. Они ссорились, мирились, потом опять ссорились, дрались и ругались, пугая соседей. Часто не могли друг друга понять, обижались по нескольку дней из-за бытовых мелочей. Яна называла его недомерком и молокососом, муж не оставался в долгу, обзывая её престарелой маразматичкой.

Они даже вставали утром в разное время. Павел никак не мог понять, как можно валяться в кровати до обеда, когда впереди куча дел. Он будил Яну, стаскивая за ногу с кровати. До нервного срыва его доводили её привычки: бутылочка с шампунем никогда не закрывалась, часто опрокидываясь и пачкая полку густой жидкостью, зубная паста подсыхала с краю, так как тюбик тоже редко встречался с крышкой. В их доме обязательно хоть одна дверца шкафа была неплотно закрыта, свет в туалете или в ванной горел сутками. Вилки и ложки редко блестели, а в кухонном шкафу большинство круп неизбежно рассыпались на полках, стоило протянуть к ним руку. Открывая пакеты, Яна всегда их рвала, не желая тратить время на срезание уголка.

Павел часто ловил себя на мысли, что придушил бы Яну, но уже тогда она физически заметно превосходила его и с

лёгкостью давала сдачи. Янина тяга к спорту и время, проведенное в спортзале, бесили Павла более всего. Сам он тяжелее книги ничего в руках не держал и презирал «тупых качков».

Это была какая-то мучительная любовь, с постоянными уходами и обвинениями, но тогда казалось, что никого счастливее их нет в целом свете.

На тренировке Яна наконец-то смогла отвлечься от мрачных мыслей и погрузиться в царство тестостерона. В зале по выходным всегда было многолюдно, а последнее время вести здоровый образ жизни стало модно и любителей «потягать» железо существенно прибавилось. Тренер теперь редко подходил к Яне, разве только поздороваться. Периодически он корректировал её программу и перекидывался парой дежурных фраз о самочувствии и протеиновых коктейлях.

Хорошенько пропотев, Яна вышла из зала, когда на улице уже смеркалось. Настроение существенно улучшилось, мышцы приятно ныли, напоминая о своём существовании.

Домой идти не хотелось. Ближе к ночи её маленькая уютная квартирка навевала тоску и напоминала об одиночестве. Даже собаку или кошку Яна не завела. В принципе, она любила животных, особенно котят и щенят, но желания держать их в городской квартире не возникало. Шерсть, вонь от туалета, подранная мебель и обои отвратили от этой затеи ещё в юности, когда она решила приютить уличного кота.

Яна медленно шла вдоль ярко светящихся витрин, сосре-

доточившись на выборе продуктов для ужина, когда услышала знакомый голос.

– Яночка, погодите!

Она остановилась и обернулась, даже не догадываясь, кто из знакомых мог её окликнуть. Торопливым шагом к ней приближался Виктор. Его глаза радостно горели, лицо раскраснелось от быстрой ходьбы.

– Виктор? – уточнила Яна, втайне надеясь, что правильно вспомнила имя преподавателя с кафедры.

– Как я рад, что вот так случайно вас встретил! – Он виновато улыбнулся. – Не сильно отвлекаю?

Яна пожала плечами.

– От ходьбы? Не сильно.

– Не возражаете, я вас немного проведу. В наше время женщине небезопасно ходить одной, особенно когда уже стемнело.

Яна промолчала, вспоминая травматический пистолет в сумке и одновременно оглядывая чахлую фигуру новоиспечённого защитника.

Виктор сделал приглашающий жест рукой, и дальше они продолжили движение вместе.

Разговор не клеился, Яна больше отмалчивалась, надеясь, что попутчик устанет от скучной беседы и оставит её в одиночестве. Виктор даже не заметил отрешённости спутницы, приняв молчаливость за стеснительность. Эта прогулка не входила в его планы, но упустить возможность переговорить

с Яной было бы глупо.

Проводив её до остановки, он наконец-то решился предложить:

– Завтра вы не сильно заняты? Давайте сходим куда-нибудь.

Яна на мгновение заколебалась и согласно кивнула.

– Давайте.

Виктор тут же приободрился, глаза довольно заблестели.

– В семь часов в музыкальном театре потрясающая комедия. Билеты я достану.

Билеты он давно уже купил и рассчитывал предложить этот поход ещё вчера, только вот потерял свою зазнобу из вида.

– Хорошо. Там и увидимся, – поспешно предложила Яна, лишая ухажёра возможности приехать к ней домой, – до свидания.

Проснувшись за час до звонка будильника, Демьян долго лежал в постели и смотрел в потолок – спать не хотелось вообще. Ещё ночью вернулся дождь, затихавший на выходные, будто погода сделала одолжение. Мужчина рассеянно наблюдал за тем, как небо светлеет, окрашивается в мутно-розовые тона, что, видимо, означало рассвет. Впервые на него напала такая апатия, сегодня «стакан явно будет наполовину пуст».

Ещё горше становилось от осознания собственной слабости. Воспоминания об окончании пятничного вечера в кровати Карины заставили Демьяна скривить рот в горькой усмешке. Он нарушил основное правило нормальных взаимоотношений в коллективе – переспал с коллегой. Если ты только не собираешься жениться на партнерше ночных утех, это совершенно непозволительно. Жениться он не собирался. Не потому, что был закоренелым холостяком, вовсе нет. Еще в студенчестве Демьян два раза собирался обзавестись семьей. Каждую из своих возлюбленных он звал под венец. Но только вот девушки не стремились обзаводиться семьей и потомством в столь раннем возрасте. Оба раза он получил отказ. А потом просто не складывалось. Отношения были, но прожить вместе и вырастить общих детей не хотелось.

Последнее время он стал задумываться, что подходящую пару, скорее всего, не найдёт, слишком уж привык к одинокому эгоистичному существованию. Ненужно ни под кого подстраиваться, менять привычки, урезонивать нрав и воспитывать характер. Его устраивала одинокая жизнь: можно забыть кружку из-под чая до утра в раковине, можно оставить на завтра полпорции лапши быстрого приготовления, использовать в качестве закладки для книги пульт от телевизора и не бояться, что кто-то его достанет и использует по прямому назначению.

Появление женщины в своей жизни, скорее всего, он воспринял бы как вторжение. Именно поэтому сам Демьян счи-

тал, что ранние браки лучше поздних. Проще привыкнуть к чему-то новому, легче меняться. Единственное о чём он жалел, что у него нет детей. Сам себе он давно доказал, что умеет находить общий язык и с малышкой, и подростками. Кроме работы в институте, Демьян подрабатывал детским психологом. Помогал первоклассникам легко обживаться в новой обстановке, жертвам пубертатного периода – разрушать стену непонимания с родителями. Дети лгали меньше и не так изощренно, как взрослые, а самое главное почти всегда для этого у них была веская причина. А вот взрослые не переставали удивлять непреодолимой тягой к обману.

Демьян и не надеялся, что выходные сотрут воспоминания. Сегодня его ждёт не самое приятное начало недели. Сильно осложняла ситуацию болтливость Карины и то, что коллектив на две трети состоит из женщин. Скорее всего, она не сдержится и кому-нибудь пожалуется. А дальше сплетня обрстет интересными подробностями, бабья составляющая кафедры начнет тихо его ненавидеть и порицать за грубое обращение с чувствами коллеги. Даже Диплодок подключится и задавит вескими аргументами. Женская солидарность – страшная сила.

В субботу Демьян как обычно встретился с лучшим и, пожалуй, единственным другом. До того, как он получил травму, они играли в волейбол, а теперь пришлось перенести место трéпа в парк или ближайшее к спортивному клубу кафе. Иннокентий, в обиходе Кеша, не желал пропускать тре-

нировки, что, по его мнению, грозило появлением жировых складок.

Познакомились друзья ещё в школьные годы. В девятом классе, когда мальчишки становились все мускулистее и богаче, Кеша начал активно полнеть. Он и до этого не считался красавцем, а теперь превратился в предмет насмешек. В те годы мало кто слышал о гомосексуалистах и полных женоподобных мальчиков с плавными жестами и чувствительной душой банально гнобили. Демьян тоже не отличался популярностью в школе. Высокий и худой, с неприятным неэмоциональным лицом, длинной шеей, неразговорчивый и к тому же отличник. Он всегда застегивал рубашки на все пуговицы и заправлял их в брюки. Редкая светлая растительность на лице не требовала знакомства с бритвой, что заметили быстро повзрослевшие одноклассники.

Наверное, так уж было суждено, что два непопулярных мальчика сдружились, найдя друг в друге поддержку. По отдельности у каждого из них было прозвище. У Демьяна – лошадиная морда, у Кеша – кабан, а вместе их называли Тарапунька и Штепсель⁵. Мало кто из детей знал, кто такие эти самые Тарапунька и Штепсель, просто повторяли за взрослыми, однажды обозвавшими так их разнокалиберный дуэт.

Самым большим потрясением для Демьяна стало открытие, что женоподобный эмоциональный друг вовсе не гей.

⁵ Тарапунька и Штепсель – комический дуэт народных артистов УССР Ефим Березин и Юрий Тимошенко.

Манерное поведение создавало неверный образ, мешая Иннокентию знакомиться с девушками.

Кеша жестоко страдал от унижения и придирок одноклассников, особенно когда к этому подключались девочки, а вот Демьян внешне никак не реагировал на оскорбления и не стремился подружиться с кем-нибудь ещё. Единственным человеком, чье мнение было для него значимо, оставался родной брат Глеб, младше Демьяна на четыре года. Внешне братья отличались настолько, будто ни одного общего гена у них не было. Темноволосый, смуглый Глеб славился как любимчик девушек и универсальный спортсмен.

К окончанию школы и Демьян, и Кеша мигрировали из группы изгоев в самый многочисленный средний пласт. Таких детей учителя обычно не запоминают: не самые популярные, но и не хулиганы. Обычные подростки, чьи имена быстро стираются из памяти.

В тридцать шесть лет Кеша выглядел гораздо моложе, как ни странно, полнота молодила его, не давая образовываться морщинам вокруг глаз и рта. Его лицо состояло сплошь из горизонтальных линий. Тонкие брови подчеркивали большой лоб, глаза и рот выглядели удлинёнными и узкими, даже нос распластался над верхней губой, навевая мысли о чернокожих предках Иннокентия. Уважаемая и доходная профессия пластического хирурга давала возможность экспериментировать со своей внешностью. Говорил он много, вычурно, используя в речи самые малоупотребительные слова.

Настойчиво делал вид, что это врождённый талант, передавшийся ему вместе с геном, отвечающим за тонкую душевную организацию. На самом же деле каждое утро Иннокентия начиналось с изучения нового редкого слова.

Эта крепкая дружба длилась уже много лет, обрастая сплетнями среди старых школьных знакомых. Все были уверены, что у мужчин самая настоящая любовь. Несмотря на то что иногда в жизни Демьяна и даже Иннокентия появлялись женщины, сплетники называли такие романы просто прикрытием для «голубой» связи.

Вчера Демьян не стал распыляться на подробности и просто сообщил другу, что переспал с коллегой. Кеша вычурно и доходчиво обругал его, порекомендовал приструнить либидо и посоветовал уволиться в ближайшее время или сделать так, чтобы уволили Карину.

Теперь его ждёт встреча с Кариной в рамках рабочих отношений, её озлобленный взгляд и осуждающие вздохи преподавателей.

На кафедре было тихо, словно перед бурей. Совместный уход Демьяна и Карины с веселого праздника не остался незамеченным, а если кто-то это пропустил, бдительные коллеги поспешили донести. Кое-кто даже делал ставки.

Софья Даниловна и Виктор с наигранной увлечённостью всматривались в распечатки собственных лекций. Яна что-то быстро набирала на клавиатуре: судя по лёгкой хитрой улыбке и суетливому взгляду, она просто воспользовалась

рассеянностью коллег и залезла в социальную сеть.

– Доброе утро, – коротко поздоровался Демьян, приближаясь к столу лаборантки. Быстрого взгляда на экран компьютера оказалось достаточно, чтобы удостовериться в предположении насчёт дармового использования рабочего интернета.

Сегодня Яна не выглядела рассеянной и сонной, наоборот, её переполняла энергия. Светло-карие глаза сияли, жёсткие волосы не топорщились, а были собраны в аккуратный хвост. Ещё несколько секунд изучения облика девушки добавили информацию об утренней тренировке и поспешном завтраке на ходу.

– Доброе утро, – Яна встала и уже направилась к чайнику, но вдруг приостановилась с чашкой в руках. – Вам сделать кофе?

Демьян кивнул, стараясь не замечать недовольные взгляды коллег. Судя по всему, Яна по незнанию или нарочно только что нарушила негласное правило игнорировать его.

– Если бы когда-то давно козы не начали вести себя возбужденно, отведав плодов кофе, может статься, мы бы до сих пор не были знакомы с этим напитком.

Никто не отреагировал на эту странную реплику, кроме Яны.

– Какие ещё козы?

Преподавательницы возмущённо зашикали на любопытную Яну, бесцеремонно нарушившую бойкот, а Демьян удо-

влетворенно пояснил:

– Это одна из версий открытия кофе. Его использовали в монастыре, чтобы прогнать сон на бесконечных богослужениях, а подсказку к этому дали именно козы, обожравшиеся кофейных зёрен и возомнившие себя горными тушканчиками.

Яна протянула кружку кофе, широко улыбаясь мужчине:
– Виват, козы!

Время первой пары приближалось, а никто из присутствующих не спешил покинуть помещение. Карина, как обычно, опаздывала, и возможность поглазеть на поведение двух коллег ускользала, оставляя любопытство зудяще неудовлетворённым. Звонок заставил преподавателей оставить наблюдательный пост и вернуться к своим прямым обязанностям. Демьян первый покинул перегруженную эмоциями комнату, сосредотачиваясь на теме семинара.

Вернувшись на кафедру после занятия, он был порядком удивлён, обнаружив, что в кабинете никого нет. Даже Яна где-то бродила. Расписание Демьяна на сегодня включало только одну пару, поэтому он с чистой совестью рассчитывал покинуть институт, пока не объявилась Карина и другие зрители разыгравшейся трагикомедии. Он открыл шкаф и уже взялся за вешалку с пальто, когда обратил внимание на спортивную сумку Яны, небрежно засунутую в угол. Молния была приоткрыта и оттуда выглядывала белая измятая футболка, которая казалась влажной. Ни секунды не задумываясь,

Демьян подтянул брюки и присел у открытой дверцы шкафа. Напоминая о травме, ногу уколола боль.

Потянув за торчащий из сумки край одежды, Демьян осторожно принялся. Его лоб прорезали глубокие складки, брови нахмурились. Он повторно, на этот раз глубоко вдохнул, его глаза удивлённо округлились, пульс участился. Едва он поднялся, как в комнату вошла Яна. Их взгляды встретились, и Демьяну стоило немалых усилий сохранить невозмутимое выражение лица, хотя чувство, что он сделал что-то недозволенное и даже постыдное, никуда не делось.

Яна равнодушно отвернулась и направилась к компьютеру. Демьян проводил её внимательным взглядом, по-новому присматриваясь к коллеге. Рост небольшой, но осанка королевская и плечи уверенно расправлены. Демьян почему-то никак не мог привыкнуть к азиатской внешности Яны. Больше всего его удивляли глаза, как будто нарисованные на туго натянутой желтоватой коже чёрным карандашом. Ресницы короткие и густые, словно щетки, и почти не прикрывают поразительно яркие белки глаз.

Карина стояла в проёме дверей уже несколько секунд и не могла не заметить, как долго и пристально Демьян смотрел в спину лаборантки. Нарочно громко хлопнув дверью, новоприбывшая звонко воскликнула:

– Доброе утро, болото! Офигенно скучно без меня, да?

Яна ответила на приветствие, а Демьян серьезно кивнул.

Карина бухнула сумку на стол и сама села на столешницу.

Она всегда вела себя вызывающе и даже с нарочитой детскостью, но все-таки держалась в определённых рамках, сейчас же её весёлость и беззаботность выглядели слишком неестественными.

– О, Яна, у тебя новая побрякушка?

Яна приподняла над клавиатурой кисть, давая возможность полюбоваться тоненьким серебряным браслетом с вкраплениями янтаря. Ей самой нравилось украшение, хотя его даритель вызывал чувства, близкие к гадливости.

Карина тряхнула тяжёлыми волосами и перевела взгляд на единственного мужчину в комнате.

– Демьян Владленович, вы ничего не потеряли?

Он подошёл ближе к Карине.

– Флешку. Я так понимаю, она у вас?

Она протянула руку и разжала кулак.

– Рассеянный с улицы Бассейной, – её лицо на мгновение скривилось и тут же расцвело широкой улыбкой. – Нужно изобрести флешку с резервуаром для совести и порядочности. В виде шприца. Кольнешь какого-нибудь бессовестного говнюка, и всё – он уже приличный человек.

Демьян осторожно взял флешку, стараясь не касаться ладони Карины. Она смотрела на него прямо, с вызовом, уголки рта при этом подергивались, губы никак не складывались в улыбку.

Карина прыгнула со стола и неожиданно громко рассмеялась. Яна оторвала взгляд от монитора и удивлённо посмотрела.

рела на неё: на лице Карины отражались все признаки сумасшествия.

– Карин, всё в порядке?

– Замечательно-презамечательно! Я просто поняла, что ненавижу вино с более чем тридцатилетней выдержкой. Оно кислое и мерзкое, а наутро от него болит голова, крутит живот.

Яна хмыкнула и продолжила читать очередную книгу, скрашивающую рабочие будни. Демьян никак не отреагировал на это странное утверждение, просто тихо обрадовался, что кроме несведущей лаборантки в помещении никого не оказалось. Накинув пальто, он затянул шарф и вежливо обратился к Карине:

– Не пейте вино. Для вас пиво, видимо, самое то.

У Яны утро понедельника тоже началось не самым приятным образом – с предощущения, что скоро нагрянет очередной призрачный сон. Довольно редко это случалось с такой частотой – ещё не успокоились эмоции после предыдущего раза, как вернулось ощущение постороннего пристального взгляда. Словно кто-то стоит за спиной и всё время заглядывает через плечо.

Чтобы успеть на тренировку и при этом не опоздать на работу, пришлось встать пораньше. Но пробки планировать ку-

да сложнее, и, сидя в автобусе, Яна мысленно подгоняла медленно ползущий транспорт. Её рассеянный грустный взгляд скользил по лицам пассажиров, но, наткнувшись на женщину с трёхлетним ребенком, остановился. Прежде чем изобразить приветливую улыбку, Яна на мгновение растерялась, руки непроизвольно сжались, к горлу подкатил ком. Быстро справившись с мимикой, она приветливо кивнула малышу и больше не поворачивалась в сторону счастливой мамы.

На кафедре показываться не хотелось, Яна опасалась столкнуться с Виктором, ожидая, что вчерашнее свидание привнесло неловкость в их рабочие отношения.

После похода в музыкальный театр Яна никак не могла определиться с чувствами, которые вызывал в ней Виктор. Пока они сталкивались в институте, она вообще не обращала на него внимания и до дня рождения Карины даже имени его не помнила. Воскресный вечер внёс сумятицу в мысли. Виктор был галантен, вежлив, легко шутил, правда, иногда довольно неприятно. Казалось, он всё время сдерживался, чтобы не рассказать очередной скользкий анекдот или не выразить грубое замечание. Он слишком активно пытался произвести приятное впечатление, вызывая подозрения в неискренности: улыбка слишком широкая, комплименты излишне приторные. Он ни разу не дал повода упрекнуть его в невоспитанности, даже подарил красивый браслет, но интуиция бунтовала, призывая держаться от него подальше.

В понедельник Яна снова увиделась с Виктором, и вос-

кресная неприязнь показалась надуманной. Перестав копаться в истоках антипатии, Яна решила, что он ей просто не нравится, а значит, не нужно мучить ни себя, ни его, и сказать об этом прямо. Вот тут как раз спряталась загвоздка. Яне всегда было сложно отказывать мужчинам, придумывать нелепые оправдания, лишь бы не обидеть. Она согласилась на повторное свидание в вечер понедельника, чтобы подготовиться заранее и как можно мягче донести до него неприятную мысль.

Днём её озадачила Карина. Она выглядела нервной и развязной и на психолога смотрела как-то подозрительно, словно пёс, примеривающийся, где бы ухватить за штанину. Яна как обычно отрешилась от перипетий кафедры, подозревая, что это рабочее место тоже ненадолго, а значит, вникать в странные отношения коллег нет смысла.

Вечером на свидании Виктор подарил очередное украшение – маленькую серебряную брошку, судя по всему, из одного комплекта с браслетом. Яна совершенно растерялась. Очень уж настойчивыми выглядели ухаживания. Ей и цветы-то редко дарили, а тут – украшения, пусть и недорогие.

Весь вечер она готовилась сказать о своих чувствах, точнее об их отсутствии, ёрзала на кресле, отвечала невпопад и отмалчивалась. Виктор планировал не просто проводить спутницу, но и убедиться, что она в целости и сохранности добралась до дома. Вот тут-то Яна и решилась на откровенный разговор.

Внешне Виктор отказ воспринял спокойно, сумерки скрыли выражение его лица. Поблагодарив спутницу за два чудесных вечера, он даже не попросил вернуть подарки, только поинтересовался, не передумает ли Яна. Получив отрицательный ответ, молча ушёл, разве что его плечи ссутулились больше обычного.

На следующий день первым, с кем Яна столкнулась, едва преступив порог института, оказался Демьян. Он замер в проёме, придерживая дверь, и слегка отступил в сторону, пропуская её вперёд. Она впервые увидела, как он улыбается. Лицо изменилось, кожа собралась складочками вокруг глаз и рта, даже на висках и на лбу. Уши слегка приподнялись, подбородок ещё больше заострился. Не сказать, чтоб это было красиво, более точное слово – поразительно. Это было так неожиданно и нехарактерно для серьёзного и немного циничного Демьяна, что Яна растерялась, произвольно отвечая на его улыбку.

– Доброе утро, – коротко ответила она, даже не предпринимая попытки отклониться или сделать шаг назад.

– Доброе утро, Яна. – Демьян, естественно, заметил, как легко и незаметно для самой себя она впустила его в личное пространство. – Красивая брошка.

Её брови тут же слегка сдвинулись к переносице, уголки губ опустились.

– Спасибо, – рассеянно проговорила она, соскользнув мыслями в неприятные для себя воспоминания.

Оставив Демьяна, словно швейцара у распахнутых дверей, она поспешила на кафедру. Ожидалась очередная выволочка от Диплодока, показное игнорирование от Виктора и кипучая веселость от Карины.

Поднявшись на второй этаж, Яна успела сделать пару шагов, прежде чем взгляд наткнулся на двух людей в конце коридора. Виктор стоял к ней спиной, но не узнать его сутулый силуэт было невозможно. Напротив него, сложив руки на груди, стояла очень полная девушка с одутловатым лицом. Студенты довольно часто заглядывали на кафедру с просьбой «Можно сделать ксерокопию?», но по именам Яна знала от силы двоих.

Девушка виновато опускала взгляд, что-то бормотала и, кажется, плакала. Виктор укоризненно качал головой, переступал с ноги на ногу, его руки были заложены за спину, пальцы крепко стискивали запястье, свободная кисть сжалась в кулак. Яна не хотела попадаться на глаза недавнему ухажеру и быстро проскользнула на своё рабочее место.

Едва за ней закрылась дверь, как в комнату вошёл Виктор. Встретившись взглядом с Яной, он отступил назад и дёрнул подбородком в сторону.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался он. Зрачки сузились, превращая голубые глаза в холодные зеркальца. Брошка и браслет, естественно, не остались незамеченными. То, что, отвергнув дарителя, девушка продолжает носить его подарки, порядком злило Виктора.

– Добро́е, – почти вопро́сительно отве́тила Яна, руки непро́извольно приня́лись переби́рать каранда́ши в подста́вке.

Виктор на мгнове́нье нахмурился и доверительно соо́бщил:

– Вы, должно́ быть, видели, как я отчи́тывал свою́ студентку? – Его́ взгля́д суетливо перебе́гал с одного́ предмета на друго́й. – Сложная́ ситуа́ция...

Договори́ть помешал телефо́нный звонок. Яна́ мельком глянула́ на экра́н. Увидев вы́светившееся сло́во «папу́ля», прижа́ла тру́бку к уху́ и поверну́лась спиной к собе́седнику.

– Янко́вский, приве́т! – ра́достно восклицнул Григо́рий Николае́вич.

– Приве́т, па́п. Я на рабо́те.

– Зае́дешь за́втра? – го́лос слегка дро́гнул.

– Не́т време́ни, в друго́й раз – отреза́ла Яна́.

На како́е-то вре́мя тру́бка замолчала, то́лько шумное ды́хание вы́рывалось из дина́мика, выда́вая волне́ние гово́рившего.

– Ты уве́рена?

– Уве́рена. Все́ в по́рядке, я вас наве́щу на сле́дующие вы́ходные. Переда́вай приве́т ма́ме.

Яна́ сама отключи́лась, не дожи́даясь, ко́гда отец присту́пит к ново́й пор́ции вопро́сов. Она́ понима́ла, что роди́тели волну́ются за неё, но за́втрашний де́нь она́ собира́лась прове́сти в одино́честве, бе́з сочувствующих взгля́дов и докуч-

ливой опеки.

До конца рабочего дня Яна заработала шесть замечаний от Софьи Даниловны и даже смутную угрозу увольнения. Если это случится на самом деле, Яна поставит личный рекорд по кратковременности работы на одном месте. Чтобы не подкидывать Диплодоку новую тему для докладной, она досидела до конца рабочего дня. Стоило стрелке упереться в цифру «пять» на циферблате, как Яна схватила сумку и понеслась к выходу.

Ощущение чужого присутствия, мозолящего затылок, не проходило, это жутко раздражало, всё время тянуло обернуться и достать травматический пистолет. С тех пор как три года назад Яна получила разрешение на ношение оружия, ещё ни разу не приходилось его использовать, но тяжесть травмата приятно успокаивала и вселяла уверенность.

Поднимаясь по лестнице, она столкнулась с соседом Максимом. Его лицо было грустным, даже скорбным. Яна заволновалась:

– Что-то случилось?

– Бабушке ночью было плохо, – сдавленно выдохнул он.

– Как она сейчас?

– Уже лучше. Но я так испугался. Понимаете, я ведь никогда не сталкивался со смертью. Никогда не видел, как умирают. Это странно, я не готов к такому. – Он стыдливо вытер непрошеные слезы кулаком и отвернулся.

– Я загляну к вам вечером. Можно?

– Даже не знаю. Сейчас бабушка спит. Не хочу её будить, пусть отдохнет хорошенько. Может, завтра?

Яна кивнула, содрогаясь при слове «завтра». Двадцать третье октября будет одним из самых мрачных дней.

– Утром забегу к вам.

Пожинав остатками завтрака, Яна включила телевизор и окунулась в проблемы героев старого индийского кино. Голливудские боевики, английские психологические фильмы и даже советские шедевры не удостаивались её внимания. Чем лучше и достоверней оказывался фильм, тем меньше он вызывал симпатий. Наигранные печали, ненатуральные драки, нелепые злодеи – то, что доктор прописал. «Пусть поют и пляшут и не затрагивают чувства», – подумала Яна, погружаясь в перипетии сюжета.

Приняв душ около девяти часов вечера, расстелила кровать и приготовилась встретиться с очередным призраком. Спать, как назло, не хотелось. Яна нервничала, старалась измучить сознание, пересчитывая выдуманных слонов, но веки не желали слипаться, любая поза казалась неудобной, пижама заворачивалась, волосы набивались в рот.

Когда сон всё-таки изволил впустить её в своё царство, время близилось к полуночи.

Пройдя сквозь мешанину из сумбурных кусков реальности, пульсирующих потолков и вращающихся стен, Яна выбралась на палубу корабля. За бортом простиралось бесконечное жёлтое море, гладкое, словно стекло. В лазурном

небе парили большие жирные, словно пингвины, чайки, кричащие, как десяток младенцев. Судно слегка покачивалось, заставляя попеременно приседать то на одной, то на другой ноге. Яна обвела диковинную панораму изумлённым взглядом и замерла, наблюдая за приближением гостя. Навстречу шёл невысокий мужчина в военной форме. Чёрные густые волосы обрамляли размытое лицо, обе руки прятались в карманах. За спиной гостя призрачными тенями скользили двое стариков с одинаково хмурыми, искажёнными в крике лицами. Едва Яна моргнула, как жуткие люди исчезли, оставив после себя тени.

Мужчина остановился в двух шагах и склонил голову набок.

– Сегодня он убьёт мою Машу. Ты должна остановить этого сукина сына.

Яна уже привыкла, что призраки редко изъясняются чётко и сразу переходят к делу, поэтому постаралась выпытать у гостя необходимые подробности:

– Как фамилия вашей Маши? Кто её убьёт?

Мужчина нахмурился, заглядывая в закрома памяти.

– Внук мой, подлец! Сегодня закончит начатое, он сделает укол! – срывающимся от чувств голосом выкрикнул он.

– Да говорите же яснее! Как зовут внука? – занервничала Яна.

– Максим.

Услышав имя, Яна занервничала, тут же в голову ударило

произнесённое призраком имя – Маша.

– Мария Львовна? – с ужасом предположила она.

– Моя Маша, – кивнул мужчина, начиная растворяться в воздухе.

Яна успела ещё раз полюбоваться нелепым видом упитанных чаек, прежде чем её рывком вытолкнуло в реальность.

Она вскочила с кровати, схватила с тумбочки пистолет и прямо в пижаме выбежала из квартиры. Пересекла лестничную клетку и буквально врезалась в соседнюю дверь.

– Откройте немедленно! Пожар! – закричала она, заколотив по дерматину кулаками.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, за ней стоял аккуратно одетый и совершенно не сонный Максим. Он был явно взволнован, ещё больше напуган.

– Где пожар?

Яна толкнула юношу плечом, бесцеремонно проникая в квартиру. Бегом преодолела коридор и влетела в спальню Марии Львовны. Старушка полулежала на кровати, дрожащие пальцы удерживали стакан с водой. Увидев в своей комнате соседку, она слабо удивилась, словно не осознавая, что это не сон.

– Яночка, что такое?

Яна выхватила стакан из рук Марии Львовны и вылила жидкость прямо на пол. Несмотря на то что гость из сна говорил о шприце, не хотелось рисковать. Может, у Максима есть запасной план.

Внимательно оглядев комнату и наткнувшись взглядом на полку с лекарствами, она напряжённо спросила:

– Ночь давно, почему вы не спите?

Мария Львовна слегка нахмурилась, этот же вопрос она хотела задать неожиданно появившейся соседке.

– Максим сказал, что нужно укол сделать...

– Бабушке плохо было, – закончил предложение подошедший сзади Максим.

Яна резко развернулась, выставляя пистолет вперёд.

– Где шприцы?

Юноша отступил назад, на его лице успело смениться несколько выражений: растерянность, испуг, злость – затем их снова скрыла маска вежливости и лёгкого удивления.

– Все бабушкины лекарства здесь, – он указал на полку. – Не могу понять, что происходит? Вы кричали о пожаре, а теперь вас интересуют шприцы.

Яна сделала шаг вперёд и угрожающе прошипела:

– Что ты собирался сделать, урод?! Что ты хотел вколоть?

Максим непонимающе завертел головой.

– Яна Григорьевна, что с вами? Я вызову полицию, если вы не уберете от меня оружие и не покинете квартиру.

– Не ломай комедию. Я знаю, что ты планировал убить свою бабушку. Где шприц?

Дуло пистолета уперлось в лоб Максима. Он крепко стиснул зубы и сжал кулаки. Его лицо резко изменилось. Вроде те же глаза, те же губы, но исчезло выражение покорности и

чуткости, словно перед ней стоял совершенно другой человек. Яна смутно припомнила, что Максим, кажется, учится в театральном институте.

За её спиной раздался взволнованный голос Марии Львовны:

– Яна, что происходит? Это же глупость какая-то, зачем ему убивать меня? Он меня, наоборот, буквально спас после инфаркта! Если бы не он, не представляю, что бы со мной было.

Яна замерла, пристально всматриваясь в лицо парня. Он соглотнул и бросил быстрый взгляд в сторону прикроватной тумбочки. Только тут Яна заметила, что на ней лежит шприц. Максим перехватил этот взгляд и ринулся вперёд, она кинулась следом за ним. Едва парень достиг кровати, как Яна замахнулась и ударила его рукоятью пистолета в затылок. Он завизжал и повалился набок, хватаясь за голову.

Направляя пистолет в сторону стонущего Максима, Яна подошла ближе к тумбочке и удивлённо уставилась на шприц, крупный, на вид не медицинский. В нём плескалась почти прозрачная жидкость неизвестного происхождения. Несмотря на страх перед оружием, Максим умудрился схватить шприц. Выпустив лекарство прямо на пол, он поспешно размазал прозрачную лужу ногой.

Продолжая удерживать на прицеле неудавшегося убийцу, Яна обратилась к Марии Львовне:

– Вы случайно на него квартиру не переписали?

Пожилая соседка медленно кивнула.

Яна печально произнесла:

– Вам нужна новая сиделка.

4 глава. Годовщина

Яна опять опаздывала на работу. После разыгравшейся ночью драмы долго не могла уснуть. Тяжело было определить, что больше ужаснуло и разозлило – чудовищно циничный поступок Максима или желание Марии Львовны не разглашать едва не состоявшееся убийство. Её любовь к внуку оказалась не только слепой, но и поистине сумасшедшей. Максим же дураком не был и ещё до рассвета съехал с квартиры, пока бабушка не передумала и не позвонила в полицию. У Яны практически не было выбора – вряд ли её сон мог послужить полноценным доказательством, разве что для психиатров. Те бы точно пожелали провести задушевную беседу с сумасшедшей, врывающейся в чужие квартиры.

Пришлось вызвать такси и пропустить тренировку. Предыдущая неделя закончилась трагедией на крыше, эта началась сумбурно и крайне неприятно. Сразу же вспомнились горы ароматных пирожков, преподнесенные Максимом. От одной только мысли о двуличности тихого вежливого соседа к горлу подступила тошнота.

Призрачные сны не только начали приходиться с поразительной частотой, но и обзавелись новыми подробностями. В последних двух к посетителям добавились ещё жуткие детали. Сначала лица на облаках, потом тени за спиной мужчины. Яна уже привыкла, что обстановку создавало её вооб-

ражение, поэтому места, где происходили беседы с призраками, редко выглядели обыденно. Но это было что-то другое, не её фантазия – это были привидения. Они кричали, молили о помощи, врываясь в сны.

Яна мельком взглянула на экран телефона, чтобы ещё раз убедиться – опоздание неминуемо – и застыла, увидев дату. Цифры острыми иглами вонзились в глаза. Сердце пропустило пару ударов и зашлось в сумасшедшем темпе.

– Остановите, – и резко передумала: – Нет, в другое место везите, на Комсомольскую, тридцать.

Машина затормозила, зарываясь колесами в размокшую землю, грязью забрызгало не только двери, но частично боковые стекла. Водитель тихо выругался и недовольно пробурчал:

– Приехали.

Яна быстро расплатилась и открыла дверь. Ноги тут же увязли в слякоти, от промокания спасли высокие голенища сапог, но холодная жижа неприятно облепила обувь, создавая ощущения сырости. Дорога, засыпанная гравием, была всего в полуметре от того места, где сейчас стояла Яна.

Она стиснула зубы и сделала первый шаг в сторону кладбища. В голове разом исчезли все мысли, звенящая пустота пульсировала, растекаясь по всему телу. Яна рывками продвигалась вперёд, будто ноги вязли в песке, руки плетями висели вдоль тела. Со стороны она выглядела как зомби, возвращающийся домой на погост.

У квадратного чёрного памятника с белым каменным голубем, примостившимся в правом углу, Яна остановилась и тут же рухнула прямо на мокрую скользкую траву. Отрешённый, истекающий болью взгляд упёрся в табличку: «5 апреля 2010 – 23 октября 2012 года. Спи сыночек-ангелочек».

Яна не помнила, сколько простояла у могилы сына, джинсы промокли, ноги занемели, лицо покрылось соленой слёзной коркой. От неожиданного прикосновения к плечу она слегка вздрогнула и, не оборачиваясь, произнесла:

– Ты же обещал прийти после обеда.

Павел зябко повёл плечами и приподнял воротник пальто.

– Когда мне удобно, тогда и прихожу, – он наклонился и поставил в вазу роскошный букет из белых лилий. Поправив цветы, недовольно пробурчал: – Ты, как обычно, без цветов.

Яна поднялась с колен и оглядела бывшего мужа. Они не виделись с тех пор, как подписали документы о разводе и разделили имущество. Павел больше не ходил на безусого мягкотелого юнца, отрастил бородку, изменил стрижку, даже одеваться стал по-другому. Куртку и джинсы сменил на чёрное длинное пальто и классический костюм. Яна внешне не изменилась, и мужчина смотрел на бывшую жену с толикой отвращения и непонимания. Заплаканная и грязная – сейчас она выглядела лет на пять старше своих тридцати и вызывала только жалость.

– Ты плохо выглядишь, – прямо заявил Павел, отчего-то желая унижить когда-то самого близкого человека.

– Я знаю, – бесстрастно ответила Яна.

Мужчина виновато отвёл взгляд, пряча руки в карманах.

– Ты знаешь, я женюсь, – Павел сам не понял, как сказал это. Последнее, в чем хотелось признаться на могиле собственного сына, – это то, что он окончательно разлюбил его мать.

Яна не знала, как реагировать на эту новость, хотелось напомнить, что печать на бракоразводных документах за полгода ещё не высохла, но поняла, что ей всё равно.

– Зачем ты поставил этот памятник. Дима никогда не любил чёрный цвет и голубей, кстати, тоже. Ему воробьи нравились.

Павел словно ждал предлога, чтобы высказать всё, что накопилось за последнее время, всё, что не высказал жене после похорон.

– Я хоть что-то решил! Хотя бы что-то для него сделал! Кто-то же должен был взять себя в руки?! Между прочим, он был и моим сыном тоже!

– Твоим сыном? – едко процедила Яна сквозь зубы. – Ты хоть раз за полтора года уложил его спать, покормил? Кто укачивал, когда у него болел животик или резались зубы? Ты помнишь, как пахли кудряшки на затылке твоего сына? Ты знал, что он боялся светящейся собаки, что ты ему подарил? Он для тебя был очередной заполненной графой в паспорте: женат, есть ребёнок.

Глаза Павла гневно сузились.

– Вот, значит, как? А кто взял на себя все хлопоты о похоронах? Ты хоть что-то сделала? Нет, у бедной Яночки крыша поехала, у неё сил не было. Мне, думаешь, легко было? У меня выбора просто не было!

Яна оттолкнула Павла и пошла к выходу из кладбища. С бывшим мужем у них не осталось ничего общего, даже воспоминания разнились.

Боль утраты продолжала скрести сердце когтистой лапой, заставляя рывками глотать воздух. Чёрная дыра в груди за прошедший год никуда не делась, а всё так же поглощала мысли и чувства.

Дима умер полтора года назад. В тот день в мире остались только чёрно-белые краски, душа обзавелась никогда не заживающей кровоточащей раной – время не справлялось с обязанностями лекаря.

Воспоминания ударили в лоб, отбрасывая Яну в прошлое. Дима заболел вечером. Заходясь от плача, переходящего в истерику, он указывал на животик. Яна сразу решила ехать в больницу, но Павел рассердился, заметив, что по любому поводу к врачам не наездишься, к тому же ночь на дворе. Советовал дать молока и уложить спать. Яна с трудом уговорила Павла завести машину и ехать в ближайшую больницу.

Плачущего ребёнка принял молодой врач. Осмотрев его, он направил родителей на рентген. Дима постепенно затих, только побелел и устало свесил ручки. Тогда Павел ворчливо заметил:

– Ты, видимо, что-то съела, вот у сына и заболел живот.

Яна кормила ребенка грудным молоком и тщательно следила за рационом, но иногда позволяла себе вольности: вечером съела целый апельсин.

Врач бегло осмотрел рентгеновский снимок и успокоил родителей:

– Всё в порядке. У детей такое бывает. Скушал что-то не то. Попейте «Смекту» и «Бифидумбактерин». – Он быстро выписал рецепт и с лёгкой улыбкой выпроводил их за дверь.

Дима заснул ещё на обратном пути. Яну пугала его вялость и практически полная неподвижность.

– Паша, как-то не так он выглядит. Почему он такой слабый?

Муж сосредоточенно вёл машину и, не поворачиваясь, ответил:

– Димка накричался, устал. Среди ночи по врачам его таскали. Утром проснётся как огурчик.

Уложив сына спать, Яна легла рядом, продолжая крепко сжимать маленькую ладонь. Она боялась заснуть. Вдруг к ней за помощью придёт какой-нибудь призрак и придется оставить Димку? Она не готова была спасать других, когда в ней нуждался собственный ребёнок.

Яна не поняла, когда это произошло. Дима всегда спал беспокойно, ворочался и просил грудь не меньше трёх раз за ночь, особенно когда болел. Это был его детский антидепрессант. Но в этот раз он не проснулся, даже ни разу не по-

шевелился. Яна тронула его за руку – она была еле тёплая. Ещё не допуская в голову страшную мысль, Яна вскочила и включила свет. В искусственном свете, лицо сына выглядело белым и странно симметричным. Она кинулась к нему и принялась трясти. Голова Димы откинулась назад, руки и ноги безвольно повисли.

Остальное Яна припоминала смутно. Павел вызвал «скорую», врачи установили, что Дима умер всего через два часа после обследования в больнице. У ребёнка оказался загиб тонкого кишечника. Доктор по неопытности не смог увидеть этого на рентгеновском снимке, не захотел позориться перед более опытными коллегами и не обратился к ним за советом. Из-за нелепой врачебной ошибки Яна потеряла сына и смысл жизни.

Больше всего её удивило, что мир не заметил отсутствия маленького мальчика. Всё так же светило солнце, опадали листья с каштана под окном, сосед выгуливал собаку.

Павел выждал два дня после похорон и отправился на работу. Со дня смерти сына они не сказали друг другу и десяти слов, но в мыслях обвиняли друг друга. Пропасть между ними росла с каждой минутой, с любым несказанным словом и утаённой эмоцией. Пока Яна витала в безвременье, погружённая в своё горе, Павел добился суда над врачом. За халатность, стоившую жизни человеку, тот получил пять лет колонии строгого режима. Павел рассчитывал, что совершенное возмездие вернет Яну к жизни, но она словно таяла с

каждым днем, превращаясь в собственную тень.

23 октября 2012 года умер не только Дима, но и его мать, и то, что её сердце продолжало биться, ничего не меняло. Яна мучила себя бессонницей, пила литрами кофе и энергетические напитки, лишь бы не погрузиться в сон. Она не хотела никого спасать. Впервые она задумалась о природе странного дара и впервые его возненавидела. Почему никто не пришёл предупредить, что Дима умрёт? Почему она спокойно видела радужные сны в то время, когда её сын погибал в полуметре от неё? Как она могла не почувствовать, как под её ладонью из самого дорогого человека по капле утекает жизнь? Почему она спасла сотни совершенно незнакомых людей, но не смогла помочь своему ребёнку?

Яна терзала себя вопросами и молила об избавлении от способности общаться с призраками.

Развод не стал неожиданностью. Яна не могла смотреть в лицо Павла и не вспоминать его нежелание ехать в больницу и спокойную уверенность, что Дима проснётся в полном здравии. Павел винил её в том, что она упивалась горем и забыла о существовании мужа. Ему необходимо было выговориться, облегчить душу, выплакаться в конце концов, но она не видела его, словно он стал одним из ночных гостей, ожидающих возможности навестить в её сны.

После посещения кладбища Яна вернулась домой, отключила телефон и достала из холодильника бутылку коньяка. Она уже не помнила, откуда в доме взялся алкоголь, – мо-

жет, кто-то подарил, может, сама купила. Бутылка оказалась всё ещё запечатана. Первую рюмку она осушила залпом, закашлялась, тут же налила вторую. Постояв несколько минут, прижала горлышко к губам и быстро, захлебываясь, выпила почти половину. Рот обожгло, желудок взбунтовался, готовясь избавиться от ядовитой жидкости. Яна не стала дожидаться, когда её вырвет, и кинулась в ванную комнату.

Дорогостоящий напиток весь без остатка отправился в недра унитаза. Вытерев рот тыльной стороной кисти, Яна опустилась прямо на кафельный холодный пол и зарыдала. Где-то на задворках сознания пульсировала мысль, что теперь её точно уволят и она лишится возможности узнать лучше странного психолога с холодными глазами.

Вечером Яна снова включила телефон и сразу же обнаружила шесть пропущенных звонков и два сообщения. Звонили с работы, разумеется, озабоченные прогулом. Сообщения пришли от Карины. Яна сразу же ей перезвонила.

– Карина, привет.

Трубка в одно мгновение ожила, казалась, даже завибрировала от взволнованного голоса.

– Янка, что случилось? Ты почему не пришла на работу? Диплодок тут тебя с какашками своими мезозойскими смешала.

Яна печально уточнила:

– Меня уволили?

Карина довольно хмыкнула и поспешила похвастаться:

– Шиш ей, старой корове! Я прикрыла тебя. Сказала, что ты в больнице, ехала на работу, и тут тебя скрутил аппендицит, телефон разрядился и всё такое. Кажется, поверили, – и погода уточнила: – Ну кроме Демьяна. Его фиг обманешь! Кивал так сосредоточенно, когда я заливала, а потом посмотрел на меня с жалостью и ухмыльнулся. Ну, ты не бойся, он всё равно не скажет, если сразу смолчал.

– Спасибо, – Яна, не задумываясь, солгала: – Я и правда приболела, кашель жуткий, попрошу отгул хотя бы дня два.

– Ну, выздоравливай. Не забудь про чеснок с медом – офигенное средство.

Яна попрощалась и снова отключила телефон.

Раз коньяк не пошёл, созрела идея напиться водкой или вином.

Два дня Яна не выходила из квартиры, практически не вставала с постели. Напиться не получилось. Едва она вливала в себя стакан с алкоголем, как организм поспешно очищался методом рвоты. Плотные задёрнутые шторы не пропускали свет, создавая в помещении фиолетовый полумрак. Яна даже не знала, когда заканчивался и день и наступала ночь. Не хотелось есть, не хотелось спать, хотелось просто умереть. Она постепенно впадала в состояние чёрной тоски: как оказалось, та не ушла, а просто отступила на время, затаившись в уголках подсознания.

Звонок в дверь Яна услышала не сразу, сквозь пух подушек до сознания добралась тоненькая трель. Яна встала и

медленно побрела к двери, нимало не заботясь о слежавшихся нечёсанных волосах и мятой пижаме. Открыв замок, она едва успела отступить назад, как в квартиру влетел отец с двумя пакетами, наполненными продуктами.

Григорию Николаевичу хватило беглого осмотра, чтобы догадаться, как его дочь провела последние два дня. Он крепко обнял Яну за плечи и прижался губами к её волосам.

– Эх, Янковский, – его колючая щека коснулась горячего лба дочери. – Бери пакеты, пойдём кушать.

Яна всё так же послушно, без единой эмоции на лице, взялась за ручки пакетов, принесённых отцом, и побрела на кухню.

Пока Григорий Николаевич наскоро готовил несложный ужин, Яна сидела на табурете, поджав под себя ноги, и рассеянно водила пальцем по стеклу. Весёлые легкомысленные разговоры не помогли встряхнуть дочку, тогда мужчина поставил на стол жареную картошку с колбасой и прямо сказал:

– Я знаю, что тебе больно, это, наверное, невозможно пережить. Напиться пробовала?

Яна чуть заметно кивнула:

– Не получилось.

– Всё равно бы не помогло. Время не вылечит. Сразу скажу – ты никогда не забудешь Димку, но от тебя зависит, какие это будут воспоминания.

Яна даже не смотрела в сторону отца, её плечи ссутулились, руки сжали край столешницы?

– У нас не было красок, а на улице шёл дождь. Я достала черничное варенье, и мы разрисовали старую простынь. Димка весь извалялся и стал сладким, словно черничный пирожок.

Григорий Николаевич постарался улыбнуться.

– Помнишь, однажды летом, когда ты привезла его к нам, он наелся собственных какашек. Ты сначала подумала, что это шоколад, и отругала нас с матерью. А Димка все чавкал, пока ты бесилась и обещала больше никогда не оставлять внука таким беспечным бабушке и дедушке.

Накормив дочку, Григорий Николаевич заставил её принять душ и лечь спать. Оставшись в одиночестве, он расположился на кухне в компании бутылки водки и мясной нарезки. Раньше он не думал, что роль отца окажется настолько сложной.

Яна летала между пузатых ватных облаков, расправив руки, словно крылья. Спокойный тихий сон излечивал, успокаивая израненное сердце. Небо потемнело, подул ветер, и уже через секунду краски начали привычную бешеную пляску. Полёт оборвался падением на ромашковую поляну. Яна зажмурилась, не желая видеть очередного просящего о помощи. Лёгкий сквозняк коснулся плеча, влажный ветерок облизал руки и живот, трава колола спину. Яна не открыла глаз,

но по ощущениям догадалась, что её тело полностью обнажено. Как ни странно, она не почувствовала смущения, не возникло желания прикрыться.

– Можешь открыть глаза, – голос гостя звучал звонко, словно колокольчик, и одновременно размыто, не выдавая эмоций.

Яна приподнялась на локтях и, наконец, решила осмотреть поляну. Ярко-оранжевые ромашки с фиолетовыми лепестками выглядели дико на фоне вполне обычной зелёной травы. Всего в метре от неё зависло облако тумана, постепенно оформившееся в трёхлетнего ребёнка.

Девочка слегка шевельнулась и печально выдохнула:

– Ты знаешь, зачем я пришла. Моя сестра умрёт, если ты не вмешаешься. – Говорила она на удивление по-взрослому, не коверкая и не искажая слова.

Яна сосредоточенно кивнула.

– Я не хочу больше никому помогать. Я устала.

– Ты должна.

Яна встала и решительно повернулась спиной к маленькой гостье.

– Не должна. Не знаю, откуда вы приходите, как обо мне узнаете, но передай всем, что я отказываюсь от этого дара.

Она сделала шаг и замерла, оторопело всматриваясь в даль. Там, где заканчивалась поляна, начинался редкий сосновый лесок, чахлые деревца смешно растопыривали колючие ветки. Из-за стволов выглядывали знакомые уже стари-

ки. Вместо глаз – провалы, лица искажены в крике. Стоило только моргнуть, и они исчезли, оставляя после себя тёмную дымку.

– Ты видишь меня такой, но я умерла в тот же день, когда родилась. В раю все дети растут до тридцати трёх лет и все взрослые, когда бы они ни скончались, возвращаются в этот же возраст. Я умерла три года назад.

Яна обернулась и ошеломленно уставилась на девочку.

– Как это произошло?

– Это же случится с моей сестрой. Мать родила меня втайне ото всех, замотала в простыню и выкинула в мусорный бак около котельной.

На какое-то время Яна полностью лишилась дара речи. Скинув оцепенение, она шепотом переспросила:

– Что сделала?

Образ начал рассеиваться, последние слова призрака прозвучали как удаляющееся эхо.

– Её зовут Марина Шалюкова. Дом сорок два по улице Батарейной. Спаси мою сестру, пожалуйста.

Поляна поплыла под ногами, земля и небо одним рывком поменялись местами, Яна снова почувствовала, что летит, но в этот раз в пустоту. Не успев испугаться приближающегося падения, она открыла глаза и проснулась.

Быстро натянув первую попавшуюся под руку одежду, она схватила с тумбочки пистолет и вбежала в кухню.

– Папа, ты на машине?

Григорий Николаевич недоумённо пожал плечами.

– Ну да.

– Отвези меня на улицу Батарейную, дом сорок два. Это далеко? – Задавая вопрос, Яна на ходу надела куртку.

Григорий Николаевич не стал уточнять причины странного поведения дочери, быстро накинул пальто и вышел из квартиры вслед за ней.

Ехать оказалось недалеко, но город, как назло, пробки внезапно образовались даже на тех улицах, где они встречались редко. Яна нервничала, кусала ногти и теребила плечо отца, уговаривая поторапливаться.

Едва машина затормозила во дворе дома, Яна толчком открыла дверцу и кинулась к ряду баков, сиротливо прижавшихся к стенке котельной. Запах гниющего мусора ударил в нос, едва Яна приоткрыла крышку первого контейнера. Пальцы дрожали, быстро перебирая шелестящие пакеты, сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Бумага, очистки, старые вещи, коробки: руки машинально откидывали мусор, без всякой брезгливости копаясь в зловонной куче. Яна с содроганием ожидала прикосновения к телу ребёнка и даже не заметила, как по лицу заскользили слёзы.

Когда она передвинулась ко второму баку, сзади приблизился Григорий Николаевич.

– Что мы ищем?

– Ребёнка.

Григорий Николаевич сначала решил, что ему послыша-

лось, но, увидев, как сосредоточенно Яна копается в контейнере, не обращая внимания даже на потревоженных крыс и облезлых котов, понял, что она говорит совершенно серьёзно.

Не успел он приступить к поискам, как Яна сдавленно вскрикнула и аккуратно приподняла окровавленный свёрток. Непутёвая мамаша замотала новорождённую в простыню, на которой рожала. Яна отогнула складки ткани и замерла. Девочка не двигалась, прижав к груди маленькие кулачки, глаза плотно закрыла. Влажные тёмные волосики облепили вытянутую голову. Из свертка выглядывали острые синие коленки и часть пуповины.

Григорий Николаевич наклонился над плечом Яны и боязливо взглянул на шокирующую находку.

– Он жив?

– Звони в скорую. Она дышит. Повезло, что мусорные баки полные, не успела замёрзнуть.

Пока ждали врачей, Яна замотала ребёнка в куртку и укачивала, напевая песню, которую когда-то пела своему сыну. Малышка хныкала, ворочалась, водила носиком в поисках еды, её маленькие пальчики обхватили указательный палец Яны, и она, посасывая его, немного успокоилась. Жестокость молодой матери, выкинувшей новорождённую дочку в мусорный бак, словно тухлую рыбу или дырявый ботинок, никак не укладывалась в голове. Каким нужно быть чудовищем, чтобы пойти на такое? Содрогнувшись, она прижала

ребёнка к груди и вновь расплакалась. В годовщину смерти сына она спасла другого маленького человечка, возможно, подарив миру нового учёного или изобретателя, а может, просто хорошего человека.

5 глава. Гостья

Демьян всегда с удовольствием ходил на работу. В отличие от многих несчастных, вынужденных просиживать время на нелюбимой должности, он выбрал профессию по сердцу.

В первом классе Дёма с серьёзностью, не свойственной возрасту, объявил родителям, что станет сыщиком, будет носить револьвер и широкополую шляпу. У него обязательно будет боевой конь и верный товарищ. С возрастом мечта обростала новыми деталями, видоизменялась, но сердцевина осталась прежней. Больше всего Демьяна увлекали погружения в человеческую натуру. Ещё не окончив школу, он постиг истину, перевернувшую его сознание – внутренняя жизнь людей интересней большинства увлекательных приключенческих книг, которыми он зачитывался с детства, игнорируя телевидение.

В старших классах он уже не мечтал о карьере доморощенного детектива и трезво оценивал сложности содержания коня в городской квартире. Товарищ у него, правда, появился. Правда, не особенно боевой. Как и Кеша, Демьян служил постоянным предметом насмешек, но его это не волновало. Ему даже не приходилось делать вид, что обидные прозвища и шутки его не тревожат. Злые насмешки на самом деле отскакивали от него, как мячики для пинг-понга,

не задевая чувства. В школьные годы Демьян не был задирой, много читал, занимался в самой непопулярной секции в школе – лёгкой атлетике, носил очки. В общем, представлял собой эталон заучки-зануды.

Демьян знал о большинстве одноклассников то, в чём они никогда не признались бы даже самим себе: их слабости, проблемы, тревоги и заранее прощал им глупое поведение. Очень быстро он догадался, что многие люди, в том числе его ровесники, носят «маски» и являются заложниками ожиданий других. Крайне редко встречались те, кто охотно ломал стереотипы и отвергал устоявшиеся рамки. Большинству было вполне удобно прятать своё «я» за привычным образом. На каждого ученика Демьян составил анкету, где подробно расписал особенности характера, склонности, фобии и причины носить «маску». Позже он решил своё хобби превратить в профессию и не прогадал. Навыки «раскопок» в людях, приобретенные ещё в школе, обрели опору в виде научного скелета и стали для него способом существования.

Демьян поднялся по лестнице, вежливо кивая на приветствия студентов, на мгновение замер перед дверью. Карина не особенно беспокоила и грубила намного реже, а вот «оплот женской справедливости» во главе с Диплодом регулярно портил настроение. Преподавательницы восстали против него, объявив бойкот, а их предводительница накатала несколько докладных, забыв на время о великой миссии по выживанию лаборантки.

К счастью, сегодня Софья Даниловна намеревалась выспаться и явиться только к третьей паре. Сергей и Карина мило беседовали около чайника. На пустовавшем три дня столе лаборантки стояла спортивная сумка. Если верить Карине, два дня назад Яне вырезали аппендицит. Такой регенерации можно только позавидовать.

Демьян достал ноутбук и демонстративно отвернулся к экрану, игнорируя злой взгляд недавней любовницы и виноватый – Сергея. О некультурном поступке психолога уже начали ходить легенды, обрастающие новыми подробностями. С одной стороны, Сергей был солидарен с Демьяном, а с другой – рад, что милая преподавательница освободилась от этой бесперспективной симпатии и частичка её внимания теперь, возможно, перепадёт ему.

На столе зазвонил телефон. Никто из присутствующих не двинулся в сторону трезвонящего аппарата. Демьян раздражённо вздохнул и протянул руку к трубке. В коридоре раздались торопливые шаги, и в комнату влетела Яна. опережая мужчину, она схватила трубку и, запыхавшись, поздоровалась.

Слушая собеседника на другом конце провода, она рассеянно кивала и хмурилась. Демьян наблюдал за переменами на её лице: удивление, злость, грусть, ярость и показное равнодушие.

Положив трубку, Яна развернулась к преподавателям и спросила:

– Звонила мама Шалюковой Марины. Просит куратора написать на неё характеристику. Кто её куратор?

Карина заинтересовалась:

– Зачем ей?

Демьян не отводил взгляда от Яны. Она вздрогнула, губы превратились в тонкую линию, кулаки сжались так, что на ладонях остались следы ногтей. Он не мог никак сопоставить незатейливую просьбу матери Шалюковой и реакцию Яны. Его пару упомянутая студентка пропустила.

Он развернулся к Сергею.

– У тебя были занятия на третьем курсе?

Сергей медленно кивнул, вспоминая список отсутствующих:

– Её не было. Староста сказала, что по болезни.

Демьян на мгновение нахмурился и спокойно пояснил:

– Марине понадобится академический отпуск, если только родители не помогут ей с ребёнком.

Карина изумленно выдохнула и завизжала, подпрыгивая на месте:

– Ребёнок? Она родила, что ли? Да ладно! Я думала, она на плюшках разъелась, а тут ветер перемен надул, – она всплеснула руками, – а папик кто? Вот бы штуку такую сделать, чтобы попискивала при приближении настоящего родителя. Так точно вопросов о том, кто породил, не будет.

Демьян не слушал щебет Карины, он продолжал наблюдать за Яной. Ненависть и грусть исказили её лицо. Известие

о ребёнке не было для неё новостью, кроме того, она явно знала гораздо больше остальных, и эти знания отражались смесью сильных чувств в мимике и жестах. Она успела опустить глаза, прежде чем первая слеза покатилась по щеке, и быстро вышла из комнаты.

Демьян проводил её взглядом и снова углубился в свои лекции. Яна вернулась только после звонка, когда остальные преподаватели разошлись на занятия. Увидев Демьяна, она сначала отступила, но потом уверенно прошла мимо него и села к компьютеру.

Какое-то время тишину в комнате нарушали только щелчки клавиш.

Демьян наблюдал за Яной, она же делала вид, что увлечённо набирает какой-то важный, судя по выражению лица, текст. Стоило их взглядам встретиться, как она тут же отвернулась и с удвоенной скоростью принялась стучать по клавиатуре. Демьян отвлекся от ноутбука и включил чайник. Он не спрашивал Яну, хочет ли она кофе, просто поставил перед ней кружку с горячим напитком.

– Потрясающая скорость набора, за что только Софья Даниловна на вас так взъелась?

Яна откинулась на спинку стула и внимательно оглядела Демьяна, правда, в лицо смотреть не решилась и снова перевела взгляд на экран компьютера.

– Как же вам скучно жить.

Демьян недоумённо приподнял брови:

– Почему вы так думаете?

Яна придвинула горячую кружку и поднесла к губам. Сделав несколько глотков, нехотя ответила:

– Вы о людях знаете больше, чем они сами знают о себе. Вас невозможно удивить.

Демьян не сдержал улыбку:

– Как же вы ошибаетесь. Вы меня удивляете.

Она даже не шевельнулась, но кончики ушей и шея слегка покраснели.

– Даже не знаю, это комплимент или наоборот.

– Ни то, ни другое, это факт, – бесстрастно уточнил Демьян.

Яна нетерпеливо заёрзала на стуле.

– Карина говорила, что вы как скальпель. Вскрываете людей. Покажите как?

– Что показать?

– Вы обо мне почти ничего не знаете. Поразите меня.

Демьян снова улыбнулся, изумляясь самому себе. С чего вдруг он так часто это делает?

– Вам не понравится.

Он на мгновение задумался, присматриваясь к Яне. В голове завертелись детали внешности, обрывки фраз. Для начала не хотелось затрагивать что-то слишком личное или тяжёлые воспоминания. Остановив взгляд на запястье, он уверенно произнес:

– Вы недавно отвергли Виктора. На втором свидании. По-

сле первого пришли к выводу, что он герой не вашего романа, подготовили речь и отказали, когда он вас провожал, может, чуть раньше. Подарок он успел подарить.

Яна недоверчиво прищурилась. Морщинки собрались вокруг глаз, выдавая возраст.

– Я никому не говорила об этом. Может, Виктор?

– Вы заметили между нами особо доверительные отношения? С чего ему делиться со мной своим фиаско на любовном поприще? Если бы было чем хвастаться, об этом знала бы Карина.

Демьян допил кофе и протянул руку, чтобы забрать пустую чашку. Яна сосредоточенно кивнула и уверенно заключила:

– Мне неудобно находиться с вами в одной комнате.

Забирая чашку, Демьян коснулся пальцев Яны и почувствовал, как она вздрогнула.

– Это от того, что я вам нравлюсь, – безапелляционно заявил он и отошёл к чайнику.

Возразить Яна не успела. Оказывается, пока они беседовали, прозвенел звонок, и преподаватели потянулись на кафедру.

Первой влетела Карина.

– Я Виктора в коридоре встретила. Марина, и правда, берёт академ! Он сильно не распространялся, но там какая-то тёмная история.

От Демьяна не ускользнуло мимолетное хмурое выраже-

ние на лице Яны, сменившееся слишком уж широкой улыбкой.

На занятиях он постоянно ловил себя на мысли, что ждёт окончания пары, чтобы увидеть Яну. Это совершенно не мешало вести семинар и подмечать странности в поведении студентов. К заключительному тесту он пришёл к выводу, что две девушки если не знали, то точно догадывались о беременности Марины. Несмотря на полноту Шалюковой и рождение ребёнка раньше срока, косвенные признаки так и лезли в глаза. Удивляла слепота родителей, а особенно матери. Демьян, куратор первого курса, о ситуациях в семьях своих студентов был прекрасно осведомлен. Третьекурсница Марина раньше не привлекала его внимание. Решив поговорить с Виктором и навестить Шалюкову, Демьян сосредоточился на теме занятия.

Едва прозвенел звонок, Демьян попрощался со студентами и вышел из аудитории. Он пересёк коридор и, пройдя мимо лаборантской, зашёл в следующую дверь.

Виктор торопливо собрал в папку распечатки лекций, небрежно захлопнул ноутбук и, не поднимая хмурого взгляда, направился к выходу из комнаты. Он так спешил, что буквально врезался в Демьяна. Тот равнодушно извинился и, подняв упавшую папку, снова преградил коллеге путь.

– Хорошо, что застал вас.

– Я вообще-то тороплюсь, – отрезал Виктор, предпринимая попытку обойти застывшего в дверях Демьяна.

– О Шалюковой вы, естественно, слышали.

Виктор остановился, его плечи опустились, он тяжело вздохнул:

– Ещё бы! Характеристику написать просили. А вроде такая девочка приличная. Семья благополучная, училась неплохо, – отрывисто перечислил он, взволнованно потирая кончик носа.

Демьян не сводил пристального взгляда с мужчины, почти не вслушиваясь в слова и наблюдая за реакциями его тела.

– Она не с родителями жила, – это предположение прозвучало скорее как утверждение. – Как они отреагировали?

Виктор устало ссутулился, скрещивая руки на груди, словно защищаясь от проблем всего мира.

– Родители? Подозреваю, они в шоке, – он закашлялся и постучал кулаком по груди. – Я не знаю, что там произошло. Её вроде как лишают родительских прав на ребёнка и даже могут посадить.

Демьян отклонился, выпуская Виктора из аудитории.

– Уверен, что отец ребёнка настаивал на аборте, – заключил он и первый направился к лестнице.

До того, как тросточка стала сопровождать каждый шаг Демьяна ритмичным постукиванием, он несколько раз в неделю играл в волейбол либо ползал по скалодрому. Но, по-

вредив ногу, ограничился посещением тренажерного зала.

Он был человеком привычки. Вставал по будильнику, делал зарядку, завтракал всегда овсянкой, надевал с вечера приготовленную свежую рубашку. Родителям звонил по средам в первой половине дня. Любые события, искажающие привычный график, вызывали досаду и даже раздражение. Он полагал, что все неожиданности должны быть запланированы.

Умение «читать» людей позволило обезопасить себя от внезапных поворотов в повседневном быту. Если вдруг кто-то выкидывал «фокус» и удивлял всех несвойственным для него поступком, Демьян только снисходительно улыбался. Утверждение, что кто-то поступил вопреки своему характеру, для него было спорным. Он был уверен, что человек проявил ту часть личности, которую ранее никому не показывал.

Возвращаясь домой, Демьян в который раз убедился, что общественный транспорт в городских условиях гораздо удобней личной машины. Несмотря на суматоху, споры и толчею, времени на дорогу уходило гораздо меньше. Закрыв за спиной дверь квартиры, он отгородился от мыслей и чувств суетливого, вечно спешащего Краснодара.

Демьян редко приглашал к себе домой кого-то, кроме Иннокентия. Большинство знакомых могли только догадываться, как выглядит его берлога. Будучи психологом, Демьян понимал, как много о характере хозяина рассказывает личное жильё, поэтому и не стремился допускать в свои апарта-

менты кого бы то ни было. Хотя даже его коллега был бы озадачен, оказавшись в этой безликой квартире. Мебель и текстиль из «Икеи», личные вещи спрятаны за дверцами шкафов. Словно не жилые комнаты, а реклама мебели из глянцевого журнала.

Правда, порядок не такой идеальный. Демьян не был педантом, но и не болел распространенной мужской болезнью «разбросанных носков». Он не мучился совестью от трёхдневного чайного налета на кружках, подушки на диване не стояли строго по диагонали, топорщась острыми уголками вверх. Чисто, но не стерильно. В нём напрочь отсутствовала «гнездовая» жилка: ни сувениров, ни выбранных самостоятельно картин или других вещей, придающих жилью уют и индивидуальность. Удобство господствовало на территории трёхкомнатной квартиры Демьяна.

Сегодня была пятница, а значит, пришло время итальянской пиццы. Демьян не обременял себя стоянием у плиты и разнообразил меню сменой кафешек. В столовой института кормили простой и здоровой пищей, а вечером приходил черед знакомства с кухнями мира. Понедельник – греческая закусочная, вторник – японский ресторан, среда – шашлычная, четверг – индийская экзотика, и вот сегодня – итальянская кафешка. Почти всегда Демьян забирал заказ домой, но по пятницам чаще ужинал в компании единственного друга.

Перед встречей с Кешей была запланирована небольшая беседа с новым клиентом. Два дня назад позвонила женщи-

на и попросила «вылечить» её ребёнка от склонности к извращениям. Объяснять подробно, что подразумевается под этим словом, она отказалась, но умоляла вернуть её мальчика на истинный путь. Как выяснилось из повторной телефонной беседы, «юный извращенец» недавно перешёл в пятый класс. Кабинетом Демьяну служила одна из комнат квартиры, именно там он и принимал нуждающихся в психологической помощи. В основном он работал с детьми, но, как часто оказывалось, «лечение» требовалось их родителям.

Женщина привела ребёнка ровно в назначенное время, словно стояла за дверью, ожидая, когда стрелки сойдутся на шести, и только потом вдавила кнопку звонка. Демьян открыл дверь, внимательно оглядел посетителей, сразу же формируя первое впечатление. Мальчик напомнил ему самого себя в этом же возрасте: худой, нескладный, с бледными впалыми щеками и полным отсутствием мышц. Вся одежда на нем была тщательно подобрана в тон, брюки с опрятными стрелками, каблуки туфель начищены, словно он парил над грязными улицами города. Женщина выглядела как идеальная стэпфордская жена⁶. Узкая юбка бежевого цвета, светло-розовый свитер завязан узлом на плечах, в ушах жемчужные гвоздики, в комплект к ним под острыми уголками белой рубашки виднелась нитка жемчуга. Прическа – волосок к волоску. Осанка прямая, будто позвонки нанизаны на ме-

⁶ Стэпфордская жена – образ идеальной жены. Всегда приветлива, добра, аккуратна. В фильме такая идеальная жена оказалась роботом.

таллическую спицу. Улыбка настолько искусственная, что, казалось, и во сне это лицо не расслабляется.

Женщина величаво кивнула, придерживая сына за плечи.

– Добрый вечер, – пальцы слегка сжались на свитере мальчика. – Кирилл, поздоровайся с доктором.

Мальчик послушно кивнул.

– Здравствуйте. Очень приятно с вами познакомиться. У вас очень красивая квартира.

Демьян сдержанно улыбнулся, заранее представляя, какие горы психологических комплексов и проблем придется разгребать.

Женщина прошла в кабинет вслед за ним и опустилась на предложенное кресло, сохраняя спину прямой. Заметив кивок матери, мальчик присел на диван и прилежно сложил руки. Дождавшись, когда Демьян займет своё место напротив, клиентка начала беседу:

– Меня зовут Анжела Анатольевна, – не отрывая внимательного взгляда от мужчины, она слегка хлопнула сына по спине, заставляя выправить осанку. – Последнее время у нас проблемы с учебой и самоконтролем.

Демьян слегка наклонился вперёд.

– У вас?

Женщина изобразила недоуменный взгляд, даже попыталась приподнять брови, но отчего-то получилось странное выражение лица.

– Никогда не приходилось заставлять его учиться. У Ки-

рилла просто потрясающие умственные способности. В четыре года мы уже научились читать, в пять – писать. А последнее время наш дневник пестрит замечаниями о поведении.

За час беседы выяснилось, что Анжела Анатольевна обнаружила в комнате сына приклеенную к обратной стороне матраса колоду карт с порнографическими картинками. Голос женщины дрожал от возмущения, но она продолжала вежливо улыбаться.

– У нас дома закрыт доступ к неприличным каналам, на интернете стоит фильтр. Друзья его – все очень порядочные мальчики из хороших семей. Мы обучаемся в лицее, где крайне строгая дисциплина. Как такое могло случиться?!

Демьян внимательно слушал, от всей души сочувствуя ребёнку. Поначалу отсутствие мимики на лице женщины его озадачило. Кроме нелепой кривой улыбки, несоответствующей взволнованному, огорчённому состоянию, посетительница никак не проявляла эмоций. Но доверять этому американскому оскалу точно не следовало. Присмотревшись, он понял, виновником неподвижности лица был банальный ботокс.

К концу сеанса у психолога готов был диагноз, но не для мальчика, заинтересовавшегося процессом размножения, а для его матери. Женщина на самом деле не понимала, что делает неправильно, и свято верила, что воспитывает ребёнка, точно следуя инструкциям педагогических книг. Пока Ан-

жела Анатольевна по пунктам излагала все странности, замеченные за Кириллом, Демьян обдумывал способы направить на психологические консультации её саму, хотя ребёнку после такой опеки тоже требовалась помощь.

Когда дверь за посетителями закрылась, время близилось к восьми. Демьян только успел сменить классический костюм на джинсы и свитер, как объявился Иннокентий.

Окинув друга придирчивым взглядом, он недовольно поджал губы.

– Ну что ж, Владленов сын, ты, вижу, не соизволил прифрантиться к пятничному randevу? Мог бы жабо накрахмалить и башмаки нагуталинить.

Демьян бегло оглядел себя в зеркале и поймал в отражении взгляд друга.

– Видимо, мы не в пиццерию идем. Кеша, что ты задумал?

Иннокентий слегка смутился и по-женски захлопал ресницами.

– Накануне я пришёл к выводу, что негоже нам куковать сырыми бобылями, нужно как-то решать проблему женской ласки, – он выровнял узел малинового галстука, пригладил светлые волосы и подтянул живот. – Ах, как я пригож, елки-палки!

Демьян хмуро вздохнул.

– Кеша, я тебе уже несколько раз говорил: если ты продолжишь выщипывать брови и красить ногти, ты так и не найдешь себе пару.

– Ну не взыщи, что я поборник маникюра. Лак, между прочим, прозрачный, а брови кажутся натуральными, словно мать меня с такими и породила.

Демьян не стал спорить, он уже привык к чудачествам друга, только переживал, что Кеша до сих пор не понимает, как выглядит со стороны.

– Куда бы ты ни собрался, сначала я хочу поесть.

Он накинул пальто, повязал синий шарф и подтолкнул друга к выходу.

Демьян не любил ломать привычный размеренный график жизни, поэтому настоял на пиццерии. Официантка, обычно обслуживающая по пятницам, могла бы сверять по нему часы. Иннокентий продолжал интересничать и упорно не говорил, какой для друга подготовил сюрприз.

Ёрзая на мягком кресле, он неодобрительно кривился, наблюдая за каждым куском пиццы, исчезающем с блюда.

– Тлетворная жирная пища осядет на твоём тощем животе, даже хваленая конституция не спасет. Ты уже не в тех летах, чтобы манкировать товарным видом и уповать на подростковый метаболизм.

Демьян равнодушно откусил от очередного куска и попросил официантку запаковать оставшуюся половину. Только потом ответил Кеше:

– Ты как обычно озабочен собственной себестоимостью. Учитывая соотношение полов в России, шансов обрести семейное счастье у тебя больше, чем у женщины точно тако-

го же возраста. Я, в принципе, неплохо сохранился, хотя на свой возраст выгляжу, – чуть погодя добавил: – Наконец-то выгляжу.

Дождавшись коробку с остатками пиццы, друзья направились к машине Иннокентия, припаркованной в квартале от ресторана. Когда они переходили дорогу, мимо них размытым силуэтом пронёсся мотоциклист. Демьян едва успел одёрнуть друга, заставив резко остановиться.

Кеша испуганно округлил глаза и возмущённо надул щёки:

– Идиот! Ненавижу мотоциклистов! Так же можно и человека сбить, да и самому разбиться недолго! – уже заканчивая предложение, он осознал смысл собственных слов. В момент волнения вычурные слова вылетели из его речи, уступая место обычным, общеупотребительным. Розовые пятна сползли со щёк на шею, глаза взволнованно забегали. – Прости, я не подумал.

Демьян сдержанно пожал плечами и непроизвольно улыбнулся, понимая, как неуместно смотрится его лживая улыбка. Иногда даже у него мимика давала сбой, и он терялся в собственных реакциях тела.

Иннокентий открыл дверцу машины и, сосредоточившись на руле, намеренно весело воскликнул, возвращаясь к своему витиеватому стилю:

– Я полон отваги реорганизовать наше супружеское бытие

Демьян серьёзно посоветовал:

– Для этого тебе придется научиться разговаривать с людьми на их языке.

Демьян молча проследовал за другом к входу небольшого кафе с говорящей вывеской «Ковчег». Буквы неравномерно светились красным, ярче других сияла последняя, слегка перекосенная, навевая неприятные ассоциации с виселицей.

Иннокентий таинственно улыбнулся, указывая глазами на фразу, пересекающую металлическую, почти банковскую дверь: «Каждой твари по паре». Демьян недовольно нахмурил брови, сообразив, что Кеша запланировал очередную попытку обзавестись обручальным кольцом, а заодно и друга окольцевать.

У входа посетителей встречала высокая темноволосая женщина с длинным крупным подбородком и дерзкими стрелками на глазах. Она приветливо улыбнулась, быстро, но придирчиво оглядывая гостей.

– Добрый вечер, господа.

Иннокентий поцеловал протянутую руку совершенно искренне. Галантность он проявлял с большим рвением и удовольствием. Демьян ограничился лёгким кивком и молча вошёл вслед за другом.

Помещение оказалось круглым, центр комнаты занимала

небольшая сцена, от неё лепестками расходились овальные столики. Полумрак разгоняли маленькие лампы с бордовыми абажурами на каждой столешнице. Играла лёгкая восточная музыка, воздух приторно благоухал коктейлем из женских духов. Посетители сиротливо толпились вдоль стен и нарочно игнорировали друг друга. На одежде у каждого виднелся бэйдж с номером. Точно такие же прямоугольники с цифрами получили и Демьян с Иннокентием. Первому досталось нечётное число семь, второму – девять.

Демьян бросил на друга недоброжелательный взгляд:

– Что это за бордель?

Кеша подтолкнул его вперёд и недовольно прошипел сквозь зубы:

– Может статься, это тот самый последний вагон уплывающего за горизонт поезда семейного благоденствия.

Демьян устало вздохнул, но промолчал. Кеша отвергал обычные способы знакомств, вверяя судьбу либо сайтам, либо свахам. В подобное место он притащил его впервые.

Музыка резко стихла, одновременно смолк и шепот среди посетителей. На сцену вышла женщина, встречавшая их у дверей клуба. Оглядев замороженную ожиданием толпу, она легко стукнула ноготком по микрофону и широко улыбнулась:

– Друзья мои, я рада приветствовать вас на борту «Ковчега»! – Её губы старательно растягивались ещё шире, превращая рот в подобие кровавой раны. – Напомню правила на-

шего клуба: леди занимают стулья с правой стороны столиков, джентльмены – с левой. У вас будет ровно десять минут, чтобы познакомиться с человеком, сидящим напротив. По сигналу, мужчины переходят к следующему столику, против часовой стрелки. Если возникнет желание продолжить знакомство, по окончании круга вы оставляете записку с номерами партнеров, приглянувшихся вам, и вашим номером телефона. А теперь приступим. Да поможет вам Купидон!

Зал снова заполнился музыкой и торопливыми шагами гостей, спешащими к своим столикам. Дождавшись, когда все рассядутся, Демьян подошёл к оставшемуся свободному стулу. Напротив него сидела женщина неопределённого возраста с ярким макияжем. Приглушенный свет стирал морщины, превращая её лицо в карикатурный рисунок, помада казалась почти чёрной, глаза из-за тёмной подводки – невероятно огромными. Первые три беседы Демьян запомнил, оттого что пытался вежливо поддерживать разговор. Пять женщин слились в образ одинокой потерянной барышни с завышенными требованиями к мужчинам и твердой уверенностью, что её должны ценить за богатый внутренний мир. Ещё одна девушка оказалась в такой же ситуации, как и он сам, – пришла с подружкой и откровенно скучала. С первой же секунды заявила, что он ей не нравится и продолжать знакомство она не намерена. Демьян не стал тратить время на лживую вежливость и стандартные вопросы и промолчал до конца десятиминутки. В памяти зацепилась только женщи-

на под номером «восемь». Высокая, почти одного с ним роста, даже без каблуков, в синих широких джинсах и рубашке. Свободная, совершенно несексуальная одежда не скрывала стройную фигуру. Дама мало улыбалась, внимательно смотрела ему в глаза и шутила по поводу клуба, отражая мнение самого Демьяна об этом сборище.

Когда сигнал возвестил об окончании круга, Иннокентий стремительно кинулся записывать номера понравившихся женщин, Демьян, даже не заглядывая, понял, что друг вписал туда всех. На его листе появилась только одна цифра – восемь, правда, он даже не рассчитывал, что незнакомка ответит взаимностью на его слабую симпатию. Строить долговременные отношения мужчина не намеревался. В девушке было что-то неправильное, интригующее, хотелось покопаться в её характере, возможно, провести вместе вечер, но не более. Каково же было его удивление, когда хозяйка «Ковчега» раздала посетителям листки и он обнаружил на нём номер телефона.

Стоящий рядом Иннокентий развернул бумагу и радостно взвизгнул: ему посчастливилось обворожить трёх дам.

– В пенаты ты отправишься в одиночестве. У меня намечается свидание.

Демьян сложил листок вчетверо и засунул в карман пиджака.

– Я доберусь на такси.

Прихрамывая, он направился к выходу, оставляя друга в

облаке надежд на бурный роман.

Небо наконец-то очистилось от дождевых туч. Звёзды сверкали, словно шляпки гвоздей, удерживающих полотно бархатного небосклона. Демьян приподнял воротник пальто, намереваясь вызывать такси. Двери распахнулись, на улицу вышла незнакомка под номером «восемь». Её взгляд скользнул по телефону, зажатому в ладони Демьяна.

– Я так понимаю, вы не мне звоните. А я там жду-жду – и тишина. Единственный нормальный мужик, и тот решил сбежать. Может, хотя бы чаю в кафе выпьем?

Ее прямота подкупала. Демьян на мгновение задумался и кивнул.

– Чаю? Можно.

За тот час, что они провели в кафе, Демьян узнал, что новую знакомую зовут Юля и она недавно в Краснодаре. Он привычно «сканировал» девушку, пытаясь разгадать то, что она не договаривала. Юля много шутила, высказала мнение чуть ли не обо всех мировых событиях, прошла по спорту и политике, но ловко лавировала между вопросов, касающихся её лично. К концу вечера Демьян понял, что знает о ней не больше, чем в начале знакомства. На собственное имя она реагировала так, словно не привыкла на него откликаться.

Вызвав такси, Демьян вежливо поинтересовался:

– Вы далеко живёте?

Она неопределённо взмахнула рукой.

– Вы скажите, в какую вам сторону, может, нам вообще по пути.

Демьян уловил заинтересованность в голосе собеседницы, принял её на свой счёт.

– Район молодежного театра.

Юля загадочно улыбнулась:

– Я недалеко, у подружки, остановилась. Надо же, какое совпадение.

– Доедем вместе, – заключил он, открывая дверцу.

В машине они в основном молчали, перекинулись парой фраз. Демьян не хотел продолжения этих отношений, памятуя о ночи в постели Карины. Девушка вызывала смешанные чувства: симпатию пополам с настороженностью.

Из машины они вышли одновременно, Юля даже не сделала попытку продолжить знакомство и торопливо попрощалась:

– Если будет желание, звони. Ты интересный мужчина.

– Доброй ночи.

Демьян, не оглядываясь, пошёл по тротуару, погружаясь в тягучие мысли. Поведение новой знакомой ставило в тупик. Она сама настояла на продолжении знакомства, а потом так поспешно ретировалась.

В лифте он уже выбросил из головы странное поведение неожиданной знакомой и перебирал в голове рабочие воспоминания. Телефон в кармане завибрировал, на экране высветился незнакомый номер. Он поднёс трубку к уху. Когда

здоровался, в голосе его проскользнули настороженность и вопрос:

– Добрый вечер?

– Кажется, ночь уже, да и здоровались мы, – ответила трубка голосом Юли.

– Что-то случилось? – сразу же перешёл к делу Демьян.

– Не совсем. Во всяком случае, ничего страшного, – она на секунду затихла и громко выпалила: – Сижу в подъезде под дверь. Подруга куда-то ушла гулять, телефон не отвечает. Не хотелось напрашиваться в гости, но можно у тебя на кухне посидеть? Понимаю, это наглость несусветная, но у меня знакомых в городе вообще нет.

Демьян подумал, что он прежде всего джентльмен. Никто не принуждал его к близости, можно просто поступить по-человечески.

– Конечно. Давай я встречу тебя у подъезда. Ты далеко?

Прежде чем Юля ответила, трубка издала облегчённый вдох, казалось, его можно даже почувствовать на коже.

– Спасибо. Я уже приготовилась к отказу. Так неудобно. Спасибо. Скажи адрес, я сама подойду.

Демьян продиктовал название улицы и номер дома. Когда лифт остановился, он снова направил его на первый этаж. Не прошло и десяти минут, как в круге света от фонаря показалась Юля. Она прятала нос в поднятом воротнике и старательно избегала взгляда. Приблизившись, виновато потупилась.

– Пока шла сюда, сто раз подумала, что ты странный. Так легко согласился приютить меня. Ты не маньяк случайно?

Демьян перехватил палочку и выпрямил больную ногу.

– Ещё не поздно передумать, – он пристально оглядел сторбленную фигуру Юли. – Идёшь?

– Иду, – решительно заявила она.

В лифте они ехали молча. Юля тенью следовала за Демьяном, боясь, что он неожиданно передумает. Открыв дверь, он отступил в сторону, пропуская гостью в тёмный коридор.

– Проходи в зал, я чайник поставлю.

Девушка по-хозяйски прошествовала в широкую комнату через арочный проём и включила свет. Взгляд прошёлся по чистой безликой комнате: много книг, светлая мебель и странные картины, больше похожие на детскую мазню. На стеклянном столе лежала раскрытая книга «Дремлющий демон Декстера».

Демьян достал две кружки и придирчиво оглядел их на наличие чайного налёта. Ситуация вызвала у него саркастичную улыбку: большую часть времени женщины не обращали на него внимания, а тут уже вторая пятница заканчивается общением с симпатичными девушками. Обе младше него больше чем на десять лет и явно не страдают от недостатка кавалеров.

Из задумчивости Демьяна вывел протяжный свист чайника. Налив кипяток в кружки, он поочередно в каждой из них заварил один пакетик чая. Отклонившись в сторону двери,

громко спросил:

– Вам сахар класть?

Юля ответила не сразу. Демьян хотел переспросить, но гостья уже пришла на кухню.

– Без сахара, но лимон, если есть, положите.

Демьян развернулся к холодильнику, сосредоточившись на мысли, что в кафе Юля пила чай с двумя ложками сахара и без лимона. Такая смена предпочтений настораживала. Он открыл дверцу и замер, осматривая скудный провиант. Он не помнил, чтобы покупал фрукты, но на всякий случай оглядел все полки. За спиной послышался шорох, и волосы на затылке Демьяна зашевелились от неприятного предчувствия. Прежде чем он успел повернуться, квартиру огласила трель дверного звонка.

Он выпрямился и резко развернулся. Юля казалась напуганной, её взгляд нервно перебегал с одного предмета на другой, руки напряжённо сжались за спиной.

Демьян молча направился к входной двери, недоумевая, отчего его дом так популярен ночью. Юля осталась на кухне.

Повернув ключ, он приоткрыл дверь, забыв посмотреть на ночного посетителя в глазок. Последней, кого он ожидал увидеть, была лаборантка с кафедры, но именно она стояла у его дверей.

– Яна, что вы тут делаете?

Она тяжело дышала, словно поднялась на седьмой этаж без помощи лифта, щёки раскраснелись, из-под куртки вы-

глядывала пижамная рубашка, влажные волосы в пучке удерживал карандаш.

Глаза Яны взволновано оглядели Демьяна, правая рука сжимала что-то за спиной, левая нервно теребила молнию куртки. Она выглядела так, словно готовилась ввязаться в драку в любой момент.

– У вас всё в порядке?

Демьян отклонился назад.

– А у вас? Вы понимаете, который час? – Он шире открыл дверь. – Не знал, что вы бродите во сне.

Яна заинтересованно вытянула шею, пытаясь разглядеть внутренности квартиры.

– Вы не один?

Демьян опёрся о косяк и нахмурился, пытаясь вникнуть в абсурдный ночной разговор.

– Я не один. Только какое вам до этого дело?

Из кухни вышла Юля с сумкой на плече и смущённо кашлянула.

– Я до подружки дозвонилась, – она поравнялась с хозяином квартиры. – Спасибо за приют.

Осторожно обогнув Яну, быстро пересекла лестничную площадку и судорожно вдавила кнопку вызова лифта.

Демьян и Яна неотрывно следили за Юлей, пока дверцы не сомкнулись за её спиной. Он перевёл взгляд на Яну и заметил, как она расслабилась, словно в ней разом сели все батарейки.

– Не хотите объяснить свой визит?

Яна вытянула руку из-под куртки и рывками застегнула молнию. Бравада и боевой дух как-то разом испарились, превращая её в уставшую, невыспавшуюся женщину с взъерошенными волосами.

– В понедельник будет заседание, посвящённое практике. Вы же этим занимаетесь? Софья Даниловна просила вам передать. – Яна развернулась и устало побрела к лифту.

Демьян смотрел в её прямую спину и даже не предпринял попытки окликнуть. Дождался, когда лифт увезёт её, и хлопнул дверь. В кухню он не заглянул, прошёл по коридору к залу и оглядел комнату. Перед тем как отправиться с Кешей на непредвиденное randevu, он снял дорогие золотые часы, подаренные родителями на тридцатилетие, и оставил на журнальном столике. В принципе, они были единственной ценной вещью в доме. Устало опустившись в кресло, Демьян откинул голову назад, решив заявить о пропаже утром.

6 глава. Брат

Когда Демьяну исполнилось четыре года, он заметил, что мама обзавелась большим животом и часто ложится днем спать. А потом она уехала на пять дней, объяснив, что вернется с маленьким братиком. Дёма с нетерпением ожидал его, приготовил свою любимую машинку и насыпал в чашку кукурузные хлопья. Увидев сморщенного, больше похожего на страшненькую куколку Глеба, он недовольно сморщился. Играть с ним строго запрещалось, зато нужно было ходить на цыпочках, говорить шепотом. Он никак не мог понять, почему все восхищаются вечно орущим младенцем и так умиляются его пуканию и срыгиванию.

Сам Демьян никогда не вызывал умиления, даже будучи новорождённым. Неулыбчивый хмурый ребёнок будил в людях смешанные чувства, близкие к неприязни. Молодые мамы сразу же сравнивали с ним своих малышей и радовались, что их чадо умеет улыбаться. Даже в детстве он не был ласковым и своими прямолинейными репликами ставил людей в неловкое положение.

Подрастая, Глеб демонстрировал всё то, что не удавалось Демьяну. Он с лёгкостью находил общий язык и со сверстниками, и с людьми намного старше него. Достиг успехов в футболе, выступал в театральном кружке и успевал хорошо учиться. Демьян привык считать себя «черновиком», заго-

товкой перед рождением второго ребёнка. Ревность к брату смешивалась с гордостью за его достижения и мучительной любовью. Сначала он был его нянькой, а потом самым его преданным поклонником.

Родители не пытались скрыть неравномерность своей любви к детям. Успешный и красивый Глеб даже подростковый возраст преодолел без стандартных трудностей. Обошлось без изнурительной борьбы с прыщами, лицевая растительность почти сразу обрела густоту, мышцы вполне успевали за ростом костей. Всё, что превратило Демьяна в изгоя, обернулось для брата достоинством. Несмотря на то что Демьян был старше на четыре года, после двадцати лет Глеб догнал его по росту, многие даже путали, кто из двух братьев младший. Компанейский, весёлый Глеб легко заводил друзей и не знал проблем в общении с девушками.

Когда братья покинули родительский дом, у них почти не осталось общих интересов, круг друзей различился кардинально, единственное, что сближало, – это любовь к мотоциклам.

Демьян оставил железного коня почти пять лет назад и пересел на машину. Родители вздохнули с облегчением – пристрастие сыновей к быстрой езде погружало их в состояние непроходящего стресса. Стоило автобусу застояться в очередной пробке, Демьян с тоской вспоминал о запертом в отцовском гараже мотоцикле.

После пятницы, закончившейся пропажей дорогих часов, визит Яны не выходил из головы. Ее повод навестить его

в два часа ночи выглядел смехотворным и крайне неубедительным, хотя она прекрасно справилась с ложью, не выдав её ни мимикой, ни стандартными непроизвольными реакциями тела. Понедельника он ждал с нетерпением, с трудом пережил воскресенье и ни словом не обмолвился Иннокентию о пятничных событиях.

Морозящий дождик загнал большинство студентов под крышу института. Холл пропитался влажностью и духотой, паркет в коридорах покрылся татуировками грязных следов. Демьян быстро поднялся на второй этаж, машинально отвечая кивком на приветствия студентов. Открыв дверь, он столкнулся с виноватым, растерянным взглядом Виктора. Мужчина отвлекся от беседы с Софьей Даниловной и поздоровался.

Демьян молча кивнул и поставил на стол ноутбук. Стол лаборантки пустовал, стрелки на часах приближались к восьми. Диплодок ощупывала двери хищническим взглядом. Прихода нерадивой работницы она ожидала не меньше, чем психолог. Наклеывался ещё один повод для очередной докладной.

Яна стремительно вбежала в комнату, на мгновение замерла у дверей. Не поднимая взгляда, она едва слышно пробормотала:

– Доброе утро.

Запихнув спортивную сумку в шкаф, она выровняла книги на столе и включила компьютер.

Софья Даниловна подплыла к Яне и громко хлопнула по столешнице стопкой бумаг.

– Опять опоздали.

Яна подняла на неё уставший взгляд.

– Вы слышали про апельсиновую диету?

– Не слышала. Что за диета? – заинтересовалась преподавательница. – Она эффективна?

Яна отклонилась назад, её пальцы принялись перебирать цветные ручки в подставке.

– Все знаменитости на ней сидят. Хотите, распечатаю вам информацию из интернета?

– Пожалуй, можно. – Софья Даниловна подтолкнула стопку исписанных бумаг в сторону Яны и повелительно произнесла: – К завтрашнему дню мне нужны тесты для четвертого курса. Сделай как-нибудь в виде таблицы. Ну, ты знаешь, стандартный вид. Я тут ещё статью приготовила, это, правда, не к спеху – к концу недели напечатаешь.

Как обычно, она не утруждала себя вежливостью.

Когда преподаватели разошлись, Демьян немного задержался и, подойдя к Яне, навис над столом.

– Откуда вам известен мой адрес?

Яна не шевельнулась, продолжая пристально вглядываться в экран компьютера. Щёки слегка порозовели и тут же побелели, а вот голос прозвучал почти ровно:

– Карина говорила.

Демьян подался вперёд. От его взгляда не укрылось уча-

щённое дыхание Яны.

– Давайте на обеденном перерыве сходим в кафе.

Яна отвлеклась от компьютера и посмотрела в окно. Пейзаж не изменился и так же мало радовал, но, в отличие от собеседника, не прожигал рентгеном. Она прекрасно понимала, что все старания выглядеть спокойной в любом случае тщетны, но попытаться стоило.

– Вы приглашаете меня на свидание? – Она часто заморгала, избегая прямого взгляда Демьяна.

– Я бы так это не назвал. Поесть в любом случае сможете. Это отнесите к плюсам.

– Минусов у обеда, видимо, будет больше, – невесело заключила Яна.

– Большинство из тех, с кем приходилось общаться, полагают, что я хороший собеседник. Уверен, что скучно нам не будет.

Демьян направился к выходу, но уже у двери развернулся и мягко заметил:

– Карина не знает, где я живу.

Кафе «Конфитюр» находилось в квартале от института, потому пользовалось популярностью у студентов. Именно по этой причине большинство преподавателей его игнорировали. Появление психолога в обществе лаборантки, естественно, не осталось незамеченным. Девушки перешептывались и таинственно улыбались, отмечая краем сознания зарождение новой сплетни.

Демьяна не слишком заботили косые взгляды: ещё в школе он оброс шкурой бегемота и научился игнорировать их. Яна нервничала, но не по причине внимания посторонних (это также давно стало для неё незначительным неудобством), а из-за предстоящего разговора. Демьян не выглядел как человек, которого можно легко обмануть или отвлечь истерикой.

Он выбрал столик у окна и отодвинул стул, приглашая спутницу присесть. Яна опустилась на мягкую подушку опасно, словно на игольницу, и обречённо склонила голову. Дождавшись официантку, Демьян сделал заказ на двоих, даже не глядя в меню, и отклонился на спинку.

– Я не планирую вас четвертовать. – Он попытался улыбнуться. – Наверняка вы догадываетесь, что у меня есть пара вопросов.

Яна подняла взгляд, её взгляд напоминал гладь моря с зарождающейся в глубине бурей.

– Я могу солгать?

– Можете попробовать, – вежливо разрешил Демьян. – Почти всегда мне удается распознать ложь. Подсознание всегда правдиво, лжёт только сознание. Хотя вы преуспели в таланте лицедейства.

Подошла официантка с подносом и аккуратно расставила на столе тарелки с едой и чашки с горячим чаем. Дождавшись, когда девушка отойдет на пару шагов, Демьян продолжил:

– Вы очень натурально лжёте, когда вам безразлично, что вы это делаете. Когда не волнует сам факт лжи и она не имеет для вас значения. В этом вас можно сравнить с опытным актёром. Но в большинстве случаев, в том числе сейчас, вы подтверждаете тезис: всё на лице написано.

Яна придвинула к себе тарелку и принялась за еду. Тело предавало её, выражая эмоции и страхи, которые она рассчитывала скрыть.

– Спрашивайте, – решила она продолжить беседу.

Демьян разрезал отбивную на маленькие, почти одинаковые кусочки, перемешал салат и приступил к допросу:

– Зачем вы приходили ко мне ночью?

Бисеринки пота выступили на лбу Яны, взгляд снова заметался по лицам посетителей кафе. Она не хотела лгать, но сказать правду боялась. Отчасти, чтобы не показаться сумасшедшей, но больше из-за того, что после признания симпатия Демьяна, если она вообще была, увянет однозначно.

– Вы не поверите.

– Позвольте самому решать, во что верить. – Он нанизал на вилку кусочек мяса.

Яна покорно склонила голову и призналась:

– Я думала, вам грозит опасность.

– Почему? – На мгновенье его лоб нахмурился, и он сам ответил на вопрос: – Из-за моей гостыи. Но откуда вы узнали о ней?

Яна с удивлением почувствовала в груди зарождающуюся

ревность. Она кололась и раздувалась, словно рыба-ёж.

– Меня предупредил ваш брат, Глеб.

Мгновенье Демьян выглядел как стоп-кадр в кино. Даже голос прозвучал словно издалека:

– Мой брат умер семь лет назад.

– Я знаю, – сдержанно призналась Яна.

– Вы себя со стороны не слышите, – безучастно отчеканил Демьян. Он отложил вилку в сторону и залпом выпил всё ещё довольно горячий кофе. – Он умер.

– Я знаю, – снова повторила Яна. Стиснув кулаки, она глубоко вздохнула и выпалила: – Он пришёл ко мне во сне и предупредил, что девушка, с которой вы познакомились, – воровка. Один раз она даже убила мужчину, которого ограбила. Её разыскивают.

Яна неотрывно смотрела на собеседника, пытаясь уловить хоть тень эмоций на его лице, но оно выглядело совершенно непроницаемым.

– Вы мне не верите, – обречённо подытожила она.

– Вы верите в то, что говорите, – задумчиво откликнулся Демьян. – Меньше всего вы похожи на сумасшедшую.

Яна не ожидала, что он так спокойно отреагирует на её слова. Его глаза слегка сузились – это было единственное выражение эмоций.

Демьян достал бумажник и оплатил счёт за двоих, потом встал и, не глядя в сторону притихшей Яны, сказал:

– Она украла мои часы. Это неприятно, но не смертельно.

Я пока ещё не решил, как относиться к вашему признанию.

– Не стоило вам рассказывать об этом, – откликнулась Яна, выходя из кафе вслед за спутником.

Демьян оглянулся и дождался, когда она поравняется с ним.

– Не нужно разыгрывать огорчение. Себя вам не обмануть. Если бы вы хотели скрыть это, то легко придумали бы более простую причину для ночного визита. Можно было разыграть неожиданно обуявшую вас страсть. Чувствовали бы себя неловко, но не настолько, как сейчас.

Яна даже приостановилась от такой наглой прямоты.

– Зачем же, по-вашему, мне нужно выставять себя ненормальной?

Демьян развернулся, вплотную приблизился к возмущённой Яне и слегка наклонился.

Люди, словно вода, струились и обтекали застывшую посередине тротуара пару.

– Вам нужен единомышленник. Ваше подсознание уговаривает вас разделить эту ношу со мной, потому что я вам нравлюсь, и вы не хотите, чтобы между нами были подобные секреты.

Яна слегка отступила и хотела было возмутиться, но неожиданно растеряла воинственный настрой и буквально выдавила из себя слова:

– Наверняка вы поклонник Фрейда.

– Не угадали, – категорично заявил Демьян, – его теория

довольно спорна.

Он жестом предложил продолжить движение. Яна легко успевала за его размеренным шагом, сопровождающимся постукиванием тросточки. Когда они достигли ворот института, она коснулась локтя Демьяна, привлекая его внимание.

– Я могу доказать, что не сумасшедшая, – отчеканила она, всматриваясь в его прозрачные глаза. – Когда ко мне придет очередной призрак, я возьму вас с собой.

Взгляд Демьяна сместился на тонкие, но необычайно цепкие пальцы, сжимающие его предплечье. Он благосклонно глянул на Яну.

– Это будет интересный эксперимент.

– Только учтите, это почти всегда случается ночью, иногда под утро.

– Может, ваш брак из-за этого и распался? – необдуманно произнёс Демьян и тут же пожалел о собственных словах.

Яна застыла с выражением муки на лице. Она произвольно отступила, складывая руки на груди, и жестко сказала:

– Вы хреновый психолог.

Принятие дара прошло через три стадии. Первая, самая ранняя, родилась из мучительного осознания того, что, пока Яна не обращала внимания на свои сны, умирали люди.

Она боялась призраков с размытыми лицами, но ещё больше боялась не успеть спасти обречённых на смерть людей. Каждый раз, когда её вмешательство ничего не меняло, Яна впадала в уныние и теряла аппетит. Из этого состояния мог вывести только очередной сон, закончившийся благополучным спасением.

В одиннадцать лет Яна посмотрела фильм о супермене и решила, что её способности тоже что-то вроде суперсилы. Из маминой плиссированной юбки она сшила себе плащ, угоновила купить ей красные колготки и синие гольфы. Только вот трусы поверх одежды смотрелись чудно, поэтому эта деталь костюма разнилась с оригиналом. Яна даже придумала себе новое имя «Призрачная спасительница». Мама боялась её снов не меньше, чем она сама, но охотно поддерживала игру в супергероя, видя, как это помогает дочке справиться с тяжёлыми снами. Григорий Николаевич с самого начала отнёсся к способностям Яны как к дару от Бога и даже пропускал рабочие смены, помогая ей разыскивать обречённых людей.

Последняя и самая затянувшаяся стадия принятия дара, в которой Яна пребывала и по сей день, напоминала работу. Не любимую, а ту, которую посещаешь с горькой обречённостью: уйти ведь нельзя, потому что перестать спать невозможно. Иногда наступали периоды подъёма и осознания собственной значимости, сменявшиеся ещё более глубокой тоской.

Яна записывала в блокнот имена всех людей, которых просили спасти, и самих призраков, если они успевали назваться. Список тех, кому удалось помочь, занимал гораздо больше места, чем трагические неудачи, но Яна всё равно казнила себя за ошибки, ведь их ценой почти всегда оказывалась человеческая жизнь.

Вскоре она начала замечать, что призрачные гости редко являлись случайными людьми. Многих она знала лично, с некоторыми была знакома через друзей или родственников. Иногда, заметив знакомое лицо в автобусе, в кафе или больнице, она сразу же вспоминала, что это те самые люди, которых удалось спасти. Она сталкивалась с ними каждый день, но не обращала внимания, пока не вмешивалась в их судьбу.

В школьные годы почти все спасённые жили в черте Краснодар. Только пару раз пришлось выехать в соседний поселок. Когда Яна проводила каникулы у бабушки, то добавлялись и призраки из станицы. Раньше помогал отец, но, став студенткой, Яна всё чаще справлялась сама, добираясь домой на такси или общественном транспорте. Машину она не водила, даже водительских прав у неё не было. Последнее время это приносило много неудобств, и она подумывала о собственном автомобиле. Осталось найти время на обучение и побороть страх перед дорожной суетой.

На втором курсе института Яне стал являться странный призрак. Капризная дама приходила несколько ночей подряд и требовала забрать из химчистки её брюки. Сны и раньше

повторялись, но очень редко. Из-за такого пустяка ни один гость не навещал ее так настойчиво. Яна переживала, что призрак отнимает время и мешает другим к ней обратиться. Пришлось идти в химчистку за дорожными штанами.

Когда ночью с субботы на воскресенье к Яне пришёл Глеб, она разозлилась, услышав, что брату призрака грозит ограбление. По сравнению со спасением чьей-то жизни это казалось ерундой.

В этот раз беседа проходила на вершине горы. Кустистые облака, словно сладкая вата, липли к высокой острой траве и низкорослым деревцам, мокрыми языками облизывали плечи и спину. Порывистый ветер толкал к отвесному краю горы, заставлял пятиться. Яна зябко повела плечами и обвела взглядом пятачок поляны. Напротив неё завис удлинённый сгусток тумана. Он быстро уплотнялся, обретая человеческие черты. Прежде чем облако оформилось окончательно, она слышала дребезжащие старческие голоса. Протяжные, грустные, похожие на мотив заунывной колыбельной, они проникали в сознание с ощущением материальности, словно в уши вливали сироп. Яна не сразу разобрала в этом пении отдельные слова, но, когда недостающие фрагменты пазла выпали, даже не удивилась: «Помогите, помогите».

Призрак сделал шаг вперёд и протянул руку.

– Спаси моего брата.

Сильный порыв ветра сбил с ног и потянул Яну к краю. Она даже испугаться не успела, когда поняла, что не падает,

а парит в воздухе. Мягко приземлившись прямо на стул, она осмотрела изменившуюся панораму. Открытая терраса с маленькими столиками и полосатыми зонтиками простиралась до самого горизонта. Бесконечное кафе тянулось на несколько километров во всех направлениях. Посетители повернули головы в сторону Яны. Одинаковые лица растянулись в неправдоподобных гротескных улыбках, вместо глаз – тёмные провалы.

Напротив неё на стуле материализовался призрак. Он наклонился вперёд и продолжил разговор, словно их беседа не прерывалась падением.

– Мой брат в опасности. Девушка, что сейчас находится рядом с ним, ограбит его. Она знакомится с одинокими мужчинами, оглушает их и обворовывает квартиру.

Яна недовольно нахмурилась.

– Какое мне дело до воровки? Переживёт ваш брат ограбление. Она же не убийца?

Размытое лицо призрака дёрнулось, руки сжались в кулаки.

– Может, и не переживет. Эта девушка один раз уже убила, неумышленно, но не особенно мучилась угрызениями совести. Пожалуйста, помогите Демьяну.

Яна резко отпрянула, уверенная, что ей послышалось.

– Демьяну? Вы говорите – он ваш брат? Как вас зовут?

– Глеб. Я разбился на мотоцикле семь лет назад. Родители не переживут, если потеряют ещё и его.

– Где он живет?

– Улица Строительная, дом восемьдесят восемь, квартира двадцать четыре.

– Как его отчество? – спросила Яна, заметив, что призрак уже растворяется.

Он наклонился вперёд, цепляясь тающими пальцами за край столешницы, и без того размытое лицо исчезло вслед за телом, но последнее слово вплелось в грустную колыбельную голосов, заставив Яну вздрогнуть.

– Владленович.

Яна зажмурилась и выпала в реальность.

Она не ожидала от своего тела такой реакции. В животе словно образовалась чёрная дыра, засасывающая туда клетки по молекулам, пальцы мелко подрагивали, волосы на затылке в прямом смысле встали дыбом.

Расслабиться Яна смогла, только когда увидела Демьяна живым и невредимым. Как только страх за его жизнь утих, в голову просочились версии для оправдания своего ночного визита. Одна бредовее другой. Правда, и та, что прозвучала, была далеко не лучшей. Яна сразу же поняла, что Демьян не поверил ей, и без навязчивых вопросов не обойдется.

Следующий день Яна почти полностью потратила на доведение своего тела до изнеможения. Сначала два часа единоборств помогли притупить воспоминания о ночном походе, потом тренажёрный зал и стрельбище связали мышцы усталостью и обеспечили глубокий сон.

Утро понедельника наступило неумолимо. Яна ожидала встречу с Демьяном, но меньше всего хотела думать о вопросах, возникших в его голове. Решив действовать по ситуации, она, как обычно, направилась на утреннюю тренировку, а уже потом на работу.

После признания Яна, как ни странно, испытала облегчение. Демьян не производил впечатление импульсивного человека, поэтому хотелось верить, что доказать правдивость его слов не составит труда. Главное, чтобы он увидел всё своими глазами.

Впервые Яна ожидала очередной сон с предвкушением. Именно теперь, когда она ждала посещения призрачного гостя, они решили сделать перерыв. Ночи проходили в напряжённом ожидании, заснуть удавалось с трудом. Днём она старательно избегала Демьяна, ограничиваясь короткими рабочими беседами. Но он сам не стремился общаться, только смотрел подолгу и пристально, будто напоминая, что ждёт доказательств.

До конца недели Яна ни разу не опоздала на работу, чем огорчила Софью Даниловну, лишив возможности выплеснуть недовольство. Пришлось преподавательнице переключиться на Карину и продолжить войну против коротких юбок и болтливости молодой коллеги.

Попрощавшись с преподавателями, Яна задержалась на ступеньках в поисках телефона. Присутствие Демьяна она почувствовала спиной, словно прикосновение тёплого ветра

к затылку. Такое же приятное ощущение накатывало в детстве, когда мама расчёсывала волосы, перебирая пальцами пряди.

Демьян приблизился почти вплотную и, дождавшись, когда Яна обернётся, поинтересовался:

– Как выглядел мой брат?

– Высокий, наверное, как вы. Волосы светлые с рыжим отливом, – задумчиво перечислила она, одновременно вспоминая. – Насчёт лица не могу точно сказать, они всегда размыты...

– Ничего конкретного, – закончил за неё Демьян и, обогнув застывшую Яну, спустился на первый этаж. Подняв лицо вверх, слегка улыбнулся. – Будем ждать доказательств.

7 глава. Семья

Едва переступив порог родительского дома, Яна втянула носом аромат свежей выпечки. Анастасия Константиновна строго соблюдала ритуал воскресного семейного обеда. Стол накрывался праздничной скатертью, в центр водружалась хрустальная ваза с букетом цветов. Флорой еженедельно обеспечивал Григорий Николаевич. Это тоже была своего рода традиция. Без праздников и без поводов он дарил жене цветы. Обычно ориентировался на сезон – конец осени привнёс в дом колючие шары хризантем.

Яна не понимала этой традиции: регулярность напрочь убила очарование подарка, превратив его в обязанность. Анастасия Константиновна молча принимала букет от такого же молчаливого мужа и сразу же расправляла его в вазе. Со стороны это больше напоминало передачу в тюрьме или деловое соглашение.

Родители Яны никогда не проявляли своих чувств прилюдно. Даже безобидный поцелуй в щёку не выносился на всеобщее обозрение. Они не держались за руки и не обнимались. Яна привыкла к такой сдержанности и считала это нормой, пока в пятнадцать лет не увидела, как общаются между собой родители подружки.

В старших классах Яна зачитывалась книгами о любви, рыдала над слезливыми мелодрамами и втайне мечтала о

страсти, как в молодёжных комедиях. В этих фантазиях неизменно присутствовали поцелуи и прикосновения, томные взгляды и буря чувств. Ничего из перечисленного не наблюдалось у её родителей. Поначалу это озадачило и даже опечалило Яну. Она твердо уверилась, что мама вышла замуж по расчёту и втайне до сих пор любит другого мужчину, а папа, скорее всего, воспринимает свою жену как друга, от того и не стремится нежничать.

Гораздо позже, став замужней дамой, Яна осознала, что сдержанное проявление чувств не всегда говорит об их отсутствии. Вырастая из подростковых заблуждений, она стала замечать, что родители часто заканчивают друг за друга предложения, используют одинаковые жесты, досконально знают привычки друг друга и предугадывают действия. Не успевал Григорий Николаевич попросить пульт, как Анастасия Константиновна вкладывала его в раскрытую ладонь.

Их любовь оказалась спокойной и глубокой, больше рассудочной, чем сердечной. В статусе жены Яна поняла, что очень похожа на маму. Эмоциональность и стремление к внешним проявлениям чувств в муже её раздражали, но она благосклонно списывала это на возраст. Если Павел обнимал или целовал её прилюдно, она чувствовала себя неловко и поспешно выскальзывала из-под его руки. Когда-то она хотела быть порывистой и нежной, совершать сумасшедшие поступки и удивлять непредсказуемостью избранника, но оказалось, что она сдержана в чувствах и дозирует ласку, словно

лекарство.

Яна аккуратно повесила пальто и привычно направилась на кухню за тарелками.

– Что на обед?

Анастасия Константиновна отвлеклась от плиты и мягко улыбнулась:

– Свинина в рукаве и салат с печенью трески.

Яна кивнула, мысленно отмечая ещё одно неоспоримое доказательство любви родителей друг к другу. Сколько она помнила, мама никогда не ела мяса, но всегда готовила его для мужа и не настаивала на изменении меню.

Разложив натёртые до зеркального блеска ножи, Яна пересчитала их.

– Мам, у нас гости ожидаются?

Анастасия Константиновна выглянула из кухни.

– Да разве это гости! Соседка с сыном придут.

Яна удивлённо округлила глаза.

– Серега Тютин? Он в городе? Мам, надо было сразу сказать, я бы в парикмахерскую заглянула и надела что-нибудь понаряднее! – Она придирчиво оглядела мятые джинсы и клетчатую рубашку. – Ну, блин, сюрприз.

– Я думала, ты вообще не приедешь, если узнаешь, что я его пригласила.

Яна обречённо опустила плечи.

– А ты в каком виде хотела бы встретить одноклассника после тринадцати лет разлуки?

Анастасия Константиновна приблизилась к дочери, внимательный взгляд прошёлся по невысокой фигуре дочери.

– Ты бы платье всё равно не надела. Возьми мою косметику, нарисуй приличное лицо. Брюки ещё не поздно погладить.

– Это джинсы, – поправила Яна, уходя в родительскую спальню.

Старательно подводя край века чёрным карандашом, Яна печально отметила сеточку морщин и тёмные круги под глазами. Тридцать – не тот возраст, когда можно пренебрегать кремами для лица и регулярным сном. Добавив жизнерадостных румян и подкрасив губы, она все-таки выгладила джинсы и собрала волосы в хвост. Раньше Яне никогда не приходилось жалеть, что мамины гены так слабо проявились во внешности, но сейчас, рассматривая желтоватую смуглую кожу, раскосые чёрные глаза и жёсткие волосы, ей хотелось обладать утончённостью балерины и мягкими блондинистыми локонами.

Сергей Тютин в школьные годы слыл знаменитым. Естественно, знал о поразительном сходстве с Бредом Питтом⁷ и пользовался популярностью у любительниц голубоглазых блондинов с пухлыми губами. Такие парни редко обращают

⁷ Бред Питт – американский актер и продюсер. Питт был дважды назван «Самым сексуальным мужчиной среди ныне живущих» журналом «People», став единственным человеком, кто более одного раза удостоился такой чести. Он постоянно присутствует в списке самых сексуальных мужчин по результатам опросов женщин по всему миру.

внимание на тихих одноклассниц, не посещающих дискотеки и не использующих мат в качестве связующих слов.

Если бы Яна не вмешалась в судьбу Сергея, он, наверное, никогда бы и её не заметил. В этом случае утверждать, что она спасла ему жизнь, было бы неверно, всё вполне могло закончиться благополучно и без вторжения одноклассницы.

Ночью Яну навестила родственница юноши и рассказала, что вечером следующего дня её внук спрыгнет с железнодорожного моста, чтобы доказать друзьям свою смелость. Это был не просто глупый поступок, но и по-настоящему опасный. Под водой скрывались металлические опоры и лом. Ходили слухи, что однажды парень и девушка, которым родители запретили встречаться, спрыгнули оттуда и разбились. У молодых пар даже вошло в привычку оставлять цветы в том месте, где стояли влюблённые перед роковым шагом. Сергей поспорил, что у него хватит смелости сделать это и остаться невредимым. Это сулило повышение авторитета в компании и наверняка вызвало бы очередной прилив девичьих симпатий.

Яна весь день обдумывала предстоящий разговор, пытается изобрести, как убедительнее отговорить Сергея от прыжка. В школе они практически не общались, он разве что ластик пару раз попросил и списывал химию на контрольных. К последнему уроку она решила и сразу после звонка остановила одноклассника в коридоре. Гостью из сна, естественно, упоминать было нельзя, пришлось уповать на адекват-

ность Сергея. Он даже не скрывал, что просьба соседки не ходить на железнодорожный мост его удивила не меньше, чем то, что Яна знала о предстоящем прыжке. Отмахнувшись от неё, он вяло обещал быть осмотрительным и никому ничего не доказывать.

Яна караулила одноклассника весь день и, естественно, не упустила момент, когда в соседнем дворе скрипнула калитка и Сергей направился в сторону реки. Так и не придумав, как остановить парня, Яна просто села на велосипед и сбילה его. Она пострадала гораздо больше Сергея. Он ободрал кожу на локтях, порвал джинсы на коленях и заполучил синяки, а Яна сломала палец на ноге и заработала сотрясение мозга. Ему пришлось нести её на руках домой и вызывать скорую. На мост он в тот вечер так и не попал.

Почувствовав себя благородным рыцарем, Сергей навещал Яну в больнице. До конца одиннадцатого класса они дружили. Именно с ним Яна поцеловалась первый раз. После школы Сергей уехал в столицу и родной город забыл на тринадцать лет. Первое время Яна скучала по нему и рисовала в воображении его триумфальное возвращение на дорогой иномарке и с шикарным букетом роз. В её мечтах он обязательно был знаменитым актёром, выбравшим в спутницы жизни ничем не примечательную Яну. Со временем привязанность утихла и симпатия к однокласснику забылась, как старый трёхколёсный велосипед, брошенный на чердаке.

Вернувшись в столовую, Яна заметила быстрый критиче-

ский взгляд матери и расстроилась: косметика, видимо, не слишком улучшила ее фасад.

Анастасия Константиновна старательно избегала смотреть в сторону Яны, пальцы проворно складывали из салфеток белых лебедей.

– Когда ты последний раз ходила на свидание? – Мама, упорно скрывая в голосе заинтересованность, спросила безразлично, словно узнавала о погоде на завтра.

Яна подошла к окну, лоб коснулся холодного стекла.

– Я всё ждала, когда эта тема вновь всплывет. Так ты Тютиных пригласила на сватовство? Сергей – очередной претендент на мою руку?

Анастасия Константиновна принялась расставлять бумажных птиц на тарелках, попутно поправляя разложенные дочкой столовые приборы.

– Яночка, ты моложе не становишься. Я где-то слышала шутку, что у женщины после тридцати больше шансов попасть в руки террориста, чем выйти замуж. Только это не шутка вовсе, а грустная действительность.

– Мам, ты знаешь, я вовсе не затворница и, если честно, выгляжу хорошо для тридцати лет. Без твоих навязчивых стараний сплавить меня в замужнюю жизнь, справлюсь самостоятельно. – Яна раздражённо фыркнула, припоминая, что подобный разговор стал традицией наравне с воскресными обедами.

– Ты из дома вообще выходишь? Когда с подругами по-

следний раз виделась? – продолжила наступление женщина, не отвлекаясь от салфеток.

Яна опустила взгляд, её плечи поникли. С большинством подруг она давно не разговаривала. Они были свидетельницами её прежней жизни, замужества и материнства. Некоторые друзья были общими с Павлом. Он до сих пор входил в этот круг общения, отчего Яне пришлось сменить друзей. Становилось больно от необходимости наблюдать взросление их детей, ровесников её сына. Стоило ей отвернуться, по коже скользили жалостливые взгляды. Подруги старались не рассказывать при ней об успехах своих малышей, а со временем даже перестали привозить их на посиделки. Они действительно думали, что, если не будут упоминать их в беседах и показывать, Яне станет легче. Естественно, эти ожидания не оправдались. Не прошло и года, как их дороги окончательно разошлись – разные темы, разные проблемы разделили когда-то дружных женщин непреодолимой стеной. Яна нашла новых знакомых, не знающих о ее трагедии.

Яна не могла взять в толк, отчего мама регулярно расковыривает незаживающую рану и упорно посыпает специями. Неужели она не может понять, что вычеркнуть из жизни столько лет просто невозможно?

Какое-то время в комнате висела густая, буквально осязаемая тишина. Вернулся Григорий Николаевич. Едва переступив порог комнаты, он заметил одинаково хмурые лица любимых женщин.

– Девочки мои, опять не смогли договориться, что из салфеток складывать?

Они одновременно кивнули, словно в эту ложь хоть кто-то в комнате поверил.

Не успела Яна придумать правдоподобную отговорку, как ожил звонок, оглашая трелью квартиру. Анастасия Константиновна быстро скинула фартук и поспешила к двери.

В коридоре раздались радостные звонкие голоса, один из них показался Яне до боли знакомым, сердце ускорило, кровь прилила к лицу. Она обернулась, когда гости зашли в комнату. Сергея она узнала не сразу. Бред Питт порядком поистрепался. Он больше не выглядел как секс-символ, скорее, как располневшая женщина. Даже грудь выпячивалась через рубашку не меньше, чем на второй размер. Волосы нимбом обрамляли круглую голову, слегка прикрывая поблескивающую лысину на макушке. Только глаза, плутовские и хитрые, остались прежними и глядели с незнакомого лица с нежностью и опаской одновременно.

Яна несмело сделала шаг в сторону бывшего одноклассника. Она даже не представляла, как сильно тринадцать лет могут внешне изменить человека.

– Привет, – голос сорвался на писк, выдавая волнение.

Сергей быстро преодолел разделяющее их расстояние и крепко обнял Яну.

– Янковский, ты совсем не изменилась! Я, оказывается, соскучился по тебе.

Стоявшие поодаль матери беседующих одноклассников мельком переглянулись.

Анастасия Константиновна обвела стол рукой.

– Присаживайтесь, будем обедать. Яна полдня готовила, ждала гостей.

Яна страдальчески закатила глаза, предугадывая сценарий предстоящей беседы. Мама будет рекламировать её успехи на поприще кулинарии и домоводства, приукрашивая хобби дочери до невероятных талантов, кое в чем беззастенчиво привирая.

Почти сразу стало ясно, что соседке и ее сыну известно о событиях из жизни Яны, оттого они так осторожничают в выборе вопросов. Яна и Сергей украдкой переглядывались, оба чувствовали себя неловко из-за откровенного сватовства.

К десерту Яна совершенно точно решила, что бывшие чувства к однокласснику спят непробудным сном, да и он сам не проявлял никаких признаков симпатии.

Будто случайно Анастасия Константиновна предложила соседке посмотреть новые сорта орхидей на балконе, а Григорий Николаевич ушёл на улицу покурить. Оставшись наедине с Сергеем, Яна немного расслабилась и свободно выдохнула.

– Спорим, моя мама сделала больше попыток выдать меня замуж.

– Даже спорить не буду. Моя – чемпион по сводничеству. Тяжело быть единственным сыном и не оправдывать надеж-

ды мамули.

Яна придвинула к себе блюдо с тортом и отрезала большой кусок. Анастасия Константиновна полчаса назад уверяла гостей, что её дочка ест как канарейка, а сладкое вообще не уважает.

– Будешь? – спохватилась она и протянула тарелку Сергею.

– Хватит уже. Сама, что ли, не видишь: из-за всех этих тортиков я на рынке женихов не очень-то высоко котируюсь.

– Да ладно... – начала Яна успокоительную лживую фразу и резко остановилась. – Честно говоря, я не ожидала, что ты так изменился. Ты же теннисом занимался?

Сергей неопределённо махнул рукой.

– Когда это было! Это ты из спортивных секций не вылезала, а я так – баловался, девчонкам нравятся спортсмены. Нужно было соответствовать.

Яна неловко заёрзала на стуле. Слишком уж откровенный разговор у них получался после стольких лет разлуки.

– А сейчас? Не хочешь соответствовать? – осторожно поинтересовалась она.

Сергей хмыкнул и пожал плечами.

– Я знаю, как выгляжу. Хотел бы я вернуться в школьные годы, – мечтательно вздохнул Сергей, ныряя в воспоминания. – Почему мы не ценили то, что у нас было? Куча свободного времени, молодость, амбиции, никакого страха перед будущим, красота, в конце концов!

Сергей улыбался, но в его словах чувствовалась горечь. Яна наигранно рассмеялась:

– Серега, тебе только тридцать. Вся жизнь впереди. Женисься, детей заведёшь. Похудеть, между прочим, тоже не поздно, – нравоучительно напомнила она и подумала: «Демьян бы мигом разобрался в клубке комплексов одноклассника и дал бы дельный совет».

– Я в Краснодар насовсем перебираюсь. Устроился в библиотеку работать. Никогда бы не подумал, что это так интересно! – Его глаза загорелись, подтверждая последнюю реплику. – Твоя мама говорила, что ты в институте работаешь. Ну как?

– Скучно, зарплата маленькая. Что бы там мама ни говорила, это не результат глубокого самоанализа и альтруистического стремления сеять доброе и вечное. На самом деле я не хочу работать вообще, лучше я буду домохозяйкой и многодетной матерью. – Яна не ожидала от себя такой честности и сразу же смутилась.

Сергей замер, не зная, как реагировать на слова Яны. От необходимости подбирать ответ спасли вернувшиеся родители. Беседа снова стала поверхностной и подчеркнута вежливой. Не только Яна разочаровалась, но и Сергей, по-видимому, не ожидал, что его школьная любовь угасла без права на реинкарнацию.

Яна с трудом дождалась окончания вечера, записала номер телефона одноклассника и уехала домой.

Приняв душ, она укуталась в тёплое одеяло и попыталась уснуть. В голове продолжали вертеться обрывки фраз. После встречи с Сергеем остался горький осадок, словно возвращаешься в родное, знакомое с детства место и понимаешь, что небо не такое уж и голубое, а деревья не такие высокие, как представлялось в воспоминаниях. Если первая любовь не стала последней, путь она продолжает жить в сказочном мире, где обожаемый одноклассник – знаменитый актер, устилающий дорогу лепестками роз, а не обрюзгший, разочарованный жизнью дядька.

Поднимая гриф, Яна внимательно рассматривала своё отражение в зеркале. Мышцы рельефно выделялись под футболкой, демонстрируя результат регулярных тренировок. Живот плоский, ноги сильные и мускулистые. Так она не выглядела даже в студенческие годы. Только вот самую Яну отражение не радовало. Она видела то, что не могли заметить поверхностные наблюдатели: следы бессонных ночей у кровати ребёнка, морщинки от смеха в компании любимого когда-то мужа и скорбные складки у рта, появившиеся на утро после смерти сына.

Она была женой, была матерью, а сейчас вернулась на старт. Яна представляла, как мирно течёт и перетекает из статуса в статус её жизнь: сначала невеста, потом жена и,

наконец, мама. Следующим шагом виделось освоение роли родительницы первоклассника, затем – выпускника, дальше хорошо было бы стать свекровью и бабушкой.

А теперь всё заново. Она одинока, и впереди череда знакомств и неудачных свиданий. Больше всего расстраивала необходимость заново узнавать человека, аккуратно по миллиметру продвигаться в раскопках характера и неизбежно скидывать розовые очки. Пугала неотвратимость играть роль правильной женщины, оправдывать ожидания в виде регулярного ужина, приятной внешности и тихого нрава. Неминуемы первые разочарования, когда избранник наконец-то сам покажет своё нутро.

Когда-то начало отношений интриговало Яну. Мимолетные взгляды, случайные прикосновения и первые поцелуи рождали бурю эмоций и жуткие перепады настроения. Даже незначительные знаки внимания вызывали кипучую ответную реакцию. Это напоминало болезнь аллодинию, аномально повышенную чувствительность кожи к различным раздражителям. Именно так Яна себя и ощущала на первом этапе развития отношений.

Она сама не заметила, как изменилась. Теперь хотелось спокойствия и уверенности в партнёре, возможности быть собой, в лоне семьи довольствоваться удобной одеждой и отсутствием макияжа. Идеальным вариантом она считала такую духовную близость с мужем, когда он воспринимается как часть собственного тела. Родной, понятный и жизненно

необходимый.

Закончив тренировку, Яна быстро приняла душ и поспешила на работу. Не стоит давать Диплодоку повод к написанию очередной докладной.

У двери кафедры Яна приостановилась. Из комнаты доносился взволнованный голос Карины и более приглушенные голоса других преподавателей. Она осторожно проскользнула в помещение и сразу же направилась к своему столу. Спорящие не обратили на неё внимания и продолжили препирательства, только Демьян молча кивнул, приподнимая в улыбке угол рта, и продолжил напирать на раскрасневшуюся Карину:

– Я не считаю отношения между преподавателем и студентом преступными, но неудобными и сложными однозначно. Разные статусы, а зачастую, и возраст.

Девушка фыркнула и надменно оглядела коллегу с ног до головы.

– Любые отношения мужчины и женщины – это сложно. Что за пещерные предрассудки? Вы случайно с Диплодом не из одного динозаврового яйца вылупились?

– Необдуманнные скоротечные романы, которых у вас было не меньше пяти, подрывают авторитет среди студентов. После этого удивляетесь, что не можете заставить обращаться к вам на «Вы»? – едко заметил Демьян.

Карина опешила от прямого замечания и даже немного растерялась. Приняв оскорблённый вид, она всё же продол-

жила спор:

– У студентов есть неоспоримый плюс – они, может, и зелёные, но зато эмоциональные и мало напоминают снулых черепах, замкнутых в собственном мире, словно в панцире!

Демьян сдержанно промолчал и перевёл взгляд на Виктора. Мужчина прекратил мять лист герани, начал перебирать скрепки, рассыпанные на подоконнике.

– Я бы хотел согласиться с вами, Карина, – не успела победоносная ухмылка расцвести на лице молодой преподавательницы, как Виктор продолжил: – но не могу. Отношения со студентами недопустимы, губительны для имиджа и с точки зрения этики непозволительны. Совершенно непозволительны.

Он взволнованно описал круг рукой и, наконец, опустил суетливую кисть в карман, но даже там пальцы не успокоились и, судя по шевелению ткани, выбивали дробь на бедре.

Психолог слегка прищурился, отмечая неестественную бледность собеседника, и неожиданно обратился к Яне:

– Яна, вы что думаете?

Она подняла глаза над краем монитора и, глядя только на Демьяна, ответила:

– Разные статусы, возраст – разве это преграда? Я склоняюсь к точке зрения Карины. – Яна прекрасно осознавала, что лжёт, но хуже всего, что это понял Демьян.

Карина радостно взвизгнула.

– Янка, я подарю тебе патент на копилку-пылесос!

Спор прервал звонок на первую пару. Преподаватели послушно потянулись к двери.

Демьян сделал шаг в сторону стола Яны и тихо заметил:
– Кошмары последнее время вас не мучают.

Яна рассеянно заправила за ухо прядь волос и, не поворачиваясь в сторону Демьяна, обронила:

– Высыпайтесь, пока есть такая возможность. Я же обещала взять вас на ночную прогулку.

Карина пристально посмотрела на Яну, но та не заметила этого внимательного взгляда. Ухмылка скривила губы девушки, она резко отвернулась и вышла из комнаты.

Когда до конца рабочего дня оставалось пятнадцать минут, Яна выключила компьютер и уставилась на настенные часы. Стрелки медленно двигались по циферблату, цепляясь и спотыкаясь, словно оттягивая момент освобождения. Дождавшись шести часов, она взяла сумку и направилась к выходу. Дверь распахнулась, заставив Яну отступить назад. К её счастью, в помещение вернулась не Софья Даниловна, а Карина.

– А ты ещё здесь? – Она преградила путь.

Яна поправила ручки сумки на плече и обошла препятствие.

– Ненадолго. Ухожу уже.

– Не понимаю, чем он тебя привлёк?

Вопрос догнал Яну у двери и ткнулся между лопаток, словно дуло пистолета.

Она повернулась и недоуменно посмотрела на Карину.

– Кто привлёк?

Карина нервно передёрнула плечами и оттянула воротник рубашки.

– Ты прекрасно поняла, о ком я говорю.

Яна не успела ответить. Воздух за её спиной зашевелился, приятно согревая теплом.

– Вы неправильно задаете вопрос: чем мы привлекаем друг друга? Так будет точнее, – Демьян вошёл в комнату и остановился в шаге от Яны. – Природа позаботилась об этом давным-давно. Наши генотипы, видимо, настолько разнятся, что потомство от нашего союза будет иметь очень высокие шансы на выживание. Мы идеально подходим друг другу с точки зрения физиологии. Непроизвольные реакции тела на запах, голос, прикосновения – яркие сигналы этой симпатии.

Яна изумлённо замерла, приоткрыв рот. Карина давно привыкла к прямоте Демьяна и не испытала такого шока. Нахмурившись, она язвительно заметила:

– Самое ужасное признание, которое я когда-либо слышала. Ты как железка бесчувственная: анализируешь, холодно рассуждаешь. Как же мне повезло, что такой робот не оказал мне честь своей любовью! – Она выбежала из комнаты, задев Яну плечом, так что та отшатнулась, и наступив на ногу Демьяну.

Подняв взгляд, Яна почувствовала себя до безобразия смущённой.

– Это было потрясающе, – честно призналась она.

Поспешно спрятав улыбку, она поспешила вслед за выбежавшей преподавательницей.

8 глава. Доказательства

Набрав полную ванну с ароматной пеной, Яна устроилась в объятиях тёплой воды и прикрыла глаза, отрешаясь от действительности. Когда вода начала остывать, Яна приподнялась и взялась руками за край ванны. Пальцы соскользнули, стопы резко взмыли вверх, а голова тут же опустилась под воду. Яна зажмурилась, хватая ртом мыльную жидкость, и открыла глаза.

– Ну я и неваляшка.

Она повернула кисти ладонями вверх, пытаясь понять, почему они так чешутся. Белая пена таяла, постепенно открывая жуткое и завораживающе зрелище. В центре каждой ладони между линиями судьбы и жизни зияли алые дыры. Когда руки полностью очистились от пены, Яна поняла, что раны шевелятся и под складками ткани виднеются зубы. Рты открывались с человеческой артикуляцией, но вместо звуков они выплевывали кровавые сгустки. Женщина судорожно хлопнула по поверхности воды и с опаской снова посмотрела на ладони: слегка сморщенная кожа, чёткие синеватые линии и никаких жутких ртов.

«Всякая хрень мерещится!» – подумала Яна, вытираясь полотенцем. Закутавшись в махровый халат, она легла на кровать. Дрожь мелко сотрясала тело, словно в кожу впивались острые иглы. Едва веки потяжелели и мысли туманом

рассеялись в голове, как окно сотряслось под настойчивыми ударами. Яна вскочила, мигом скидывая дрёму, и уставилась на балкон. Плотно прикинув к прозрачной перегородке, за стеклом стоял мужчина. И без того смазанные черты лица дождь превратил в месиво, не давая опознать странного гостя. На сутулых плечах, словно на вешалке, висела мокрая насквозь джинсовая куртка.

Яна сделала шаг вперёд, боясь приблизиться к незнакомцу, и протянула руку. В этот момент стекло треснуло и осыпалось градом осколков у её босых ног. Мужчина беспрепятственно вошёл в комнату и сразу же начал разговор:

– Спаси её. Мою дочку изнасиловали и оставили умирать на обочине дороги в лесополосе.

– Где?

Гость на мгновенье задумался и быстро выпалил:

– Трасса в сторону Славянска. Не доезжая до Елизаветинской, там будет ответвление дороги вправо. Метрах в тридцати от трассы.

Яна вздрогнула и плотнее запахнула халат.

– Кто это сделал?

Призрак не успел ответить. Дождь смыл его, словно акварельный рисунок, оставив на полу радужную лужу.

Холодный ветер забрался под халат, леденя кожу влажными поцелуями, Яна отступила вглубь комнаты, стараясь укрыться от непогоды, и зажмурилась.

Открыв глаза, она оглядела ванную комнату. Вода осты-

ла, превращая купание в бодрящую процедуру, шея затекла от неудобного положения. Яна быстро выбралась из холодной воды и растёрла полотенцем кожу. Потратив на одевание несколько минут, она вызвала такси и выбежала из квартиры.

Уже в машине Яна нашла в записной книжке номер Демьяна и приложила трубку к уху. Сердце колотилось в горле и пульсировало в ушах, искажая гудки. Услышав бодрое «Алло», она облегчённо выдохнула:

– Демьян? Это Яна.

Короткая пауза, и трубка снова ожила:

– Добрый вечер.

– Мне нужна ваша помощь, – она сразу же перешла к делу.

– Надеюсь, вы избавились от свидетелей и утопили в речке пистолет? – поинтересовался он.

– Мне приснился сон...

– Где вы? – серьёзно спросил Демьян.

– Я сейчас еду на такси, через десять минут буду проезжать недалеко от вашего дома. Если есть машина, давайте пересядем на ваш транспорт, ехать придётся за город.

– Остановитесь у молодёжного театра, я буду ждать вас там, – коротко инструктировал Демьян и отключился.

Яна расплатилась с таксистом и выбежала из автомобиля. Оглядев улицу, она заметила Демьяна у ярко-оранжевой хищной машины. Выглядел этот транспорт слишком уж футуристично и совершенно не вязался с обликом консервативного психолога.

Она приблизилась к машине.

– Нужно торопиться.

Демьян молча открыл дверцу, приглашая Яну сесть на заднее сиденье, и опустился рядом. Пристегнувшись, он кивнул в сторону водителя.

– Это Иннокентий, мой друг. Вы не против? Я временно без машины, а ваш звонок застал его у меня в гостях.

Яна щёлкнула застёжкой ремня и, глядя прямо на дорогу, серьёзно проинструктировала водителя:

– Перед Елизаветинской будет ответвление дороги вправо, там, в лесополосе, девушка. Её изнасиловали.

Иннокентий громко охнул, но промолчал и послушно завёл автомобиль.

Всю дорогу Яна нетерпеливо ёрзала на сиденье, впившись пальцами в его край, каблучки выбивали на полу дробь. Она даже не пыталась скрыть волнение и страх. Пристальный изучающий взгляд Демьяна оставила незамеченным, а вежливые попытки Иннокентия завязать беседу – безответными.

Пока машина не выехала за город, в салоне висела гнетущая мрачная тишина. За Краснодаром Иннокентий всё-таки смог вытянуть из Яны несколько скупых предложений:

– Демьян не изволил побаловать меня толковым разъяснением. Сказал, что потребен мой тарантас, и что-то набурчал насчёт ваших сновидений.

Яна быстро заморгала, выныривая из своих мыслей.

– Естественно, вы считаете меня сумасшедшей. – На витиеватость фразы нового знакомого она даже не обратила внимания.

Демьян перевёл внимательный взгляд с друга на собеседницу.

– Видимо, не раз вас принимали за таковую, – он хотел коснуться кисти Яны, но резко отдернул пальцы и сжал кулак. – Иннокентий – врач, это ещё одна причина, по которой я воспользовался его помощью.

Яна кивнула, продолжая пристально всматриваться в темноту за окном, разрезаемую светом фар.

Когда вдалеке показался указатель с надписью: «Елизаветинская», Кеша заметил грунтовую дорогу, теряющуюся в темноте деревьев. Машина резко затормозила, откидывая пассажиров сначала вперёд, затем на кресла. От стремительного движения Яна прикусила язык. Освободившись от тисков ремня, она выбежала из автомобиля, на ходу извлекая из сумки фонарик.

Луч света дергался и прыгал, выхватывая из темноты стволы деревьев, высокую траву. В неровном рассеянном свете земля напоминала поверхность чужой планеты. По размокшей от дождя почве прошло стадо коров, копыта оставили следы, застывшие в виде маленьких кратеров.

Яна медленно продвигалась вперёд, спотыкаясь о края этих лунок. Ноябрьский студёный ветер охлаждал кожу, ластясь влажными прикосновениями. Тёплая кофта продува-

лась насквозь и, казалось, почти не согревала, а мокрые после душа волосы не успели просохнуть и сковали голову ледяным шлемом. Яна с горечью подумала, что вполне может заболеть.

К свету фонаря и фар машины добавился узкий луч от фонаря-брелока Демьяна.

Яна вышла немного вперёд, мужчины разошлись в стороны, их шаги шуршали в нескольких метрах от неё. Около получаса тёмную лесополосу оглашали крики трёх голосов.

Демьян сосредоточенно обходил деревья, присматриваясь к кустам. Ещё в дороге он перестал сомневаться в словах Яны. Она на самом деле была напугана и одновременно собрана. Так естественно изображать эти эмоции было сложно.

Прежде чем тонкий луч фонарика набрёл на жуткую находку, Демьян наступил на женский сапог. Не успел он понять, что чавкнуло под ботинком, как взгляд остановился на видневшейся в траве оголённой спине.

– Она здесь! – крикнул он в темноту, приближаясь к девушке.

Яна и Кеша прибежали почти одновременно. Яна первая скинула оцепенение и деловито, словно не осмысливая ужас ситуации, опустилась на колени рядом с девушкой. Сразу же проверила пульс и дыхание.

– Она жива. Без сознания, наверно.

Иннокентий не мог пошевелиться и отвести взгляд от разорванной одежды и следов крови на голых ногах. Он даже

не осознавал, что плачет.

Демьян отодвинул Яну в сторону и осторожно приподнял обмякшее тело девушки.

– Кеша, не стой столбом, заводи машину.

Мужчина быстро заморгал и попятился.

– Нужно скорую вызвать.

– Нет времени, – встряла Яна. – Мы быстрее доведем ее до больницы.

Уже у машины Кеша встряхнул головой и засуетился:

– А вдруг у неё переломы серьезные, её же трогать нельзя было!

Демьян осторожно уложил девушку на заднее сиденье, прикрыл практически обнажённое тело своим пальто.

– Поздно уже говорить. Садись за руль, – он развернулся к Яне. – Ты с ней, придерживая на поворотах.

Автомобиль резко тронулся. Всю дорогу к больнице в машине висела густая напряжённая тишина. В салоне пахло кровью и бедой. Водитель судорожно сжимал руль, словно держался за спасательный круг, и бормотал слова молитвы. Иннокентий никогда не отличался особенной набожностью и даже не подозревал, что знает наизусть хоть одну молитву. Оказалось, что слова «Отче наш» легко выплыли из закров памяти, успокаивая и вселяя надежду на хороший исход ночной поездки.

Яна воспользовалась мобильным интернетом, чтобы найти больницу в Елизаветинской. Демьян снова осторожно

взял девушку на руки и внёс в небольшой холл в отделении скорой помощи. Иннокентий и Яна, словно телохранители, молча следовали по пятам.

Увидев ночных посетителей с жуткой ношей, дежурный врач кинулся навстречу и открыл двери.

– Что с ней?

Яна вышла вперёд и, опережая спутников, пояснила:

– Мы нашли её в лесополосе на подъезде к Елизаветинской, в пятидесяти метрах от указателя, дорога уходит вправо. Скорее всего, изнасилована. Мы не знакомы, обнаружили девушку случайно. Позвоните в полицию, пока не пошёл дождь и не смыл следы и улики.

Вошла медсестра и бегло оглядела ночных посетителей. Лицо её нахмурилось, губы сжались в тонкую линию. Девушку тут же отправили в палату, оставив спасителей дожидаться местного участкового.

Яна устроилась на жёстком сиденье и плотно запахла кофту. Её трясло от пережитого напряжения и от холода, но мысли, как ни странно, текли размеренно. Сердце согревала торжествующая мысль, что в этот раз она успела.

Демьян снял тёплый кардиган и укутал её плечи.

– Надеюсь, этих ублюдков поймают.

Кеша сел на соседнее кресло и сложил руки на коленях, словно первоклассник.

– Жуть жуткая... – Его глаза словно остекленели и глядели внутрь себя. – Как можно такое сделать с девочкой? Она

же ребёнок совсем. Лет пятнадцать, не больше. Её мать, наверное, места себе не находит!

Никто не ответил на его реплику. Демьян подумал, что человек как самое жестокое животное способен на любые гадости, особенно когда подключается стадное чувство, а на фоне алкогольного или наркотического опьянения извращённое воображение может предложить и не такое гнусное развлечение.

Яна не вслушивалась в разговор мужчин и прикрыла глаза. Подбородок коснулся груди, и она незаметно соскользнула в сон.

Домой она вернулась только под утро. Дотошный полицейский заставил детально описать всё увиденное на месте преступления и даже снова отвез троицу в лесополосу. В этот раз удалось обнаружить вещи девушки и даже выпотрошенную сумку. Насильники проявили осторожность и украли телефон своей жертвы и всё, что могло указывать на её личность.

Пока Демьян уверял полицейского, что в лесополосе они оказались совершенно случайно, по зову мочевого пузыря, девушка пришла в сознание. Она назвала своё имя, а вот имена тех, с кем накануне вечером гуляла, отказалась озвучивать.

Друзья направились к машине, Яна последней покидала больницу. Уже в дверях она столкнулась с высокой молодой женщиной в узком красном платье и с ярким макия-

жем. Она пошатывалась и одёргивала подол, избегая поворачиваться в сторону людей. Вдохнув запах жуткого перегара, Яна поняла, почему дама так старательно отворачивается.

Буквально ввалившись в холл, женщина громко воскликнула:

– Где моя дочь?!

Яна приостановилась и оглянулась на мать изнасилованной девушки: потасканный, неопрятный вид, вульгарное платье – и всё это приправлено парами алкоголя. Скорее всего, до ночных походов дочки ей не было дела, и она занималась устройством собственной личной жизни. Или ещё хуже – зарабатывала, а яркий макияж и откровенный наряд – просто рабочий костюм.

Горькая усмешка скривила губы Яны. Она резко развернулась и направилась к автомобилю. В машине она приникла лбом к стеклу и закрыла глаза. Предотвращая расспросы Демьяна, Яна решила притвориться спящей и даже намеренно громко засопела. Сейчас она не была готова к неизбежному допросу. К тому же голова раскалывалась, а в носу хлюпало, предвещая зарождающуюся болезнь.

Как обычно, в утренние часы автобус лопался от переизбытка пассажиров. Люди плотно утрамбовались в салоне, только на задней площадке было немного свободнее. Де-

Демьян знал эту особенность общественного транспорта и занял своё излюбленное место – между поручнем и раздвижными дверями. Его мысли витали далеко от переполненного выстуженного автобуса.

С Иннокентием он расстался меньше часа назад. Успел только принять душ, выпить кофе и сразу же отправился на работу. Демьян слегка улыбнулся, вспомнив изумлённое лицо друга. Несмотря на бессонную ночь, Кеша, вернувшись в город, не отправился в постель, а решил выплеснуть на Демьяна поток эмоций:

– Ты вообще разумом постиг, что случилось? Это же чудо! Если твоя зазноба не склонна ко лжи, то её призрачные посетители доказывают существование загробной жизни!

Иннокентий взволнованно мерил шагами комнату и размахивал руками. Демьян расположился в кресле и вытянул ноги. Мельтешения и разглагольствования друга не отвлекали, скорее подтверждали его собственные измышления.

– Похоже, она и правда видит эти сны. Откуда ещё она могла узнать, где искать девушку? И, кстати, между нами ничего нет. Яна ещё не готова принять свою симпатию.

Кеша приостановился и смерил друга взглядом.

– Это божественное провидение. Яна – господень проводник!

– Ты ещё святой её назови. Это действительно странно и необычно. Нужно будет расспросить её подробнее об этих снах, – задумчиво пробормотал Демьян.

Кеша долго и высокопарно восхвалял Яну, сыпал теориями и догадками, обещал регулярно посещать церковь и, наконец, креститься.

Сейчас, вспоминая потрясённое состояние друга, Демьян только мысленно улыбался.

Толкнув дверь кафедры, он приостановился на пороге и окинул взглядом комнату.

– Доброе утро, – его брови слегка нахмурились, когда он заметил пустующий стол Яны.

Софья Даниловна перехватила его взгляд и поспешила укоризненно заметить:

– Лаборантка опять опаздывает. Не могу понять, куда завкаф смотрит? Такое попустительское отношение к обязанностям непозволительно!

Демьян автоматически кивнул, будто бы соглашаясь с нападками Диплодока, и напрягся, ощутив, что сзади кто-то стоит. Карина обошла его, старательно избегая прикосновения и нарочно игнорируя, обратилась к другим преподавателям:

– Яна заболела. Позвонила мне утром, чего-то там прохрипела, накашляла в трубку и объяснила, что не сможет прийти. Арсению Павловичу она уже звонила, – Карина вонзила взгляд в Софью Даниловну и добавила специально для нее: – Уважительная причина, не так ли?

Диплодок гневно насупилась, подняла взгляд в потолок, чтобы не смотреть на Демьяна, и недовольно выпалила:

– Я, между прочим, с температурой под сорок лекцию на прошлой неделе читала, собственный почерк разобрать не могла от головной боли. Вот это называется ответственностью!

Виктор не сдержался и хмыкнул, остальные, как обычно, не стали задевать любительницу пошуметь и молча закивали в знак солидарности.

Демьян оглядел пустой и на удивление аккуратный стол лаборантки и осторожно вытянул из нижней книги закладку. Тонкий прямоугольник бумаги оказался измятой и вновь расправленной визиткой частного детского сада.

Не глядя в сторону воодушевленно вещающей преподавательницы, он безразлично констатировал:

– Если вдруг мне станет плохо и я скончаюсь, выносите мое тело не раньше пяти, чтобы не нарушать рабочий распорядок.

Софья Даниловна отклонилась назад, левая бровь задёргалась, приподнимаясь:

– Не смешно.

Карина ехидно ухмыльнулась и не удержалась от возможности поддеть Демьяна:

– Для мужиков идеальным вариантом были бы запонки, бьющие током, как только их носители брякали бы какую-нибудь тупость. С ремнем было бы ещё круче. Слажал – на, получи двести двадцать!

Диплодок кровожадно ухмыльнулась, представляя корчи

ненавистного Демьяна под разрядами тока.

Не желая наблюдать мимику Софьи Даниловны, Демьян поспешно отвернулся и вышел из комнаты.

После двух лекций и одного семинара у него наконец-то появилась возможность реализовать созревший за время занятий план. Узнать адрес Яны не составило труда. Арсений Павлович с пониманием отнёсся к желанию навестить заболевшую лаборантку и быстро продиктовал ему улицу и номер дома.

Прежде чем отправляться в гости, Демьян купил пакет лимонов, упаковку зеленого чая и букет цветов.

Демьян не торопился. На автобусе добрался до ближайшего парка, где около часа бродил по дорожкам и дышал свежим воздухом. Небо потемнело и загрохотало раскатами грома, обещая разверзнуться ливнем. Только получив крупной каплей по уху, Демьян приподнял воротник пальто и побрёл по указанному на клочке бумаги адресу.

Дверь квартиры тарацилась на него стеклянным глазком и неприветливо дышала холодом. Демьян вдавил кнопку звонка и отступил на шаг назад, давая возможность хозяйке квартиры разглядеть незваного гостя. Только после третьей попытки послышался скрежет проворачиваемого ключа, из-за двери выглянула растрёпанная Яна. Одной рукой она стискивала на груди полы махрового халата, другой держалась за ручку.

– Демьян? Я думала, мне показалось, – она громко чих-

нула. – Извините, кажется, я простудилась и не жду посетителей.

В доказательство чихнула ещё два раза и чуть прикрыла дверь.

Демьян выставил вперёд ладонь.

– Будет проще и быстрее, если вы пустите меня сразу, без долгих уговоров и жеманства. Я не собираюсь посягать на вашу честь.

Яна на мгновенье задумалась и, отступив назад, широко распахнула дверь.

– Проходите.

Оставив гостя в коридоре, она побрела на кухню, даже не оглядываясь.

Демьян разулся, снял влажное пальто, расправил примятый букет. Когда он вошёл на кухню вслед за Яной, она зажигала конфорку под чайником.

– Это правильно. Нужно жидкости пить больше, – нравоучительно заметил он.

Демьян водрузил на стол пакет с лимонами, мокрые цветы и принялся распаковывать чай. Бегло оглядев узкую кухню, взял заварочный чайник, прополоскал и насыпал заварку. Отодвинул Яну в сторону, достал тарелку, нож и нарезал лимон. Приподняв букет, вопросительно уставился на Яну:

– Где можно взять вазу?

Она опустила на табурет и, выглядывая из-за скомканного платка, сказала:

– Вы тут, как у себя дома, хозяйничаете, может, и вазу найдёте?

Демьян продолжил смотреть на неё, едва заметно приподняв бровь, но не сдвинулся с места.

Не дождавшись ответа, Яна достала невысокую стеклянную вазочку из нижнего шкафа.

Демьян расстегнул манжеты на рубашке и закатал рукава. Аккуратно обрезал ножки цветов и расправил их в вазе.

– Не знаю, какие цветы вам нравятся. Решил с розами не рисковать. Последнее время дамы хотят быть оригинальными и утверждают, что их не любят.

Яна рассматривала своё отражение в ложке, пытаясь пригладить волосы.

– Это мне, что ли? – Она недовольно поморщилась и отложила ложку в сторону, немного подумала и опустила её в сахарницу. – Можно было и без цветов. А розы я, кстати, люблю. Жёлтые.

Демьян поставил вазу на подоконник и налил в кружки чай. Яна и в этот раз позволила ему самому найти посуду и сервировать стол нехитрыми припасами из холодильника.

Он сделал глоток горячего напитка, оценил его крепость и наконец ответил:

– Положено дарить цветы.

– Вы их не дарили. Словно к себе домой притащили. – Яна уселась на табурет с ногами и натянула на колени халат.

Демьян не смотрел в её сторону и оглядывал комнату.

Дверца холодильника терялась под разноцветными магнитами. Шторы, сиденья табуреток и яркие дверцы шкафчиков в одной цветовой гамме, стол накрыт клетчатой скатертью. Дорогие красивые ножи на подставке никак не вписывались в деревенский стиль кухни. В сушилке для посуды среди столовых приборов виднелась ярко-зелёная пластиковая ложечка с пухлым мишкой на ручке.

– У вас уютно. Много мебели и всякой мелочевки, но уютно. Вы давно в разводе?

Яна напряглась, пальцы сжали ручку чашки.

– Вы не на работе. Не надо этой психологической хрени.

– Вы же не можете отключить зрение или слух, так и я не могу перестать быть собой, – он пожал плечам, – вчерашняя прогулка не прошла для вас бесследно. Температуру мерили?

– Да, мамочка, – насмешливо ответила Яна. Она снова попыталась пригладить волосы и покусала губы, чтобы они стали ярче. Воспалённые глаза и красный нос не добавляли обаяния.

Демьян делал вид, что не замечает попыток прихорашивания, и тактично отворачивался, якобы разглядывая уже изученную обстановку.

– А вы знали, что лимоны могут сорвать выступление духового оркестра?

– Конечно, знала.

– Серьёзно? – искренне удивился Демьян.

– Впервые слышу.

– Был такой случай. Дети ели лимоны в первом ряду партера, а музыканты не смогли играть из-за того, что захлебывались слюной.

– Это один из тех бредовых фактов, которыми захламлён ваш мозг?

– Вам ли не знать, что такое хобби? Я коллекционирую интересные факты. Невредное увлечение, и память тренирует.

Дождавшись, когда Яна допьёт чай, он встал и сделал приглашающий жест рукой.

– Вам нужно прилечь.

Яна нехотя поднялась и послушно побрела в зал. Демьян догнал её спустя несколько минут с очередной порцией горячего чая. Поставив кружку на журнальный столик, он взял плед со спинки дивана и накрыл Яну. Аккуратно подоткнул края покрывала под ноги, укутывая девушку, как ребёнка, и вручил ей кружку с чаем. Проявив столько внимания, умудрился ни разу не прикоснуться к самой Яне.

Сев в кресло напротив, Демьян привычно «просканировал» комнату. Просторное помещение пестрело от обилия настенных украшений. Несколько картин, вышитых бисером, две акварельные, один натюрморт из соломки и дощечка с выжженным замком довершали творческий хаос. Полки прогибались под тяжестью книг, в основном серий. Легкомысленные мягко-обложечные романы соседствовали с тол-

ковым словарем и собранием сочинений Достоевского. Не меньше десяти кулинарных книг о кухнях разных стран.

На подоконнике выстроилась батарея керамических осликов и кособоких разноцветных вазочек. Казалось, что у этого обиталища не меньше пяти хозяев, захламляющих его результатами своих увлечений. Там, где у большинства людей стоит телевизор, прямо напротив дивана, расположилась добротная беговая дорожка. А плоский небольшой экран терялся на стене, притворяясь одной из картин.

Наконец, Демьян остановил взгляд на Яне.

– Как это происходит?

– Вы о моих снах? – Она сделала последний глоток и отставила чашку в сторону.

Демьян кивнул, продолжая мельком рассматривать обстановку.

– Вы же знали, что я спрошу об этом.

Яна натянула плед выше, её взгляд скользнул вверх, ныряя в воспоминания.

– Я вроде объясняла уже. Во сне ко мне приходят призраки и предупреждают, если кому-то из их близких грозит смерть или опасность. Бывает, из-за мелочей, если для самих привидений это важно.

Демьян внимательно слушал, не отрывая заинтересованного взгляда от Яны.

– Давно это с вами?

– Говорите словно о болезни, – недовольно пробормотала

Яна. – Мой папа считает, что это божий дар, а мама до сих пор не определилась.

– А вы как считаете? – Его прозрачно-голубые глаза пытливо всматривались в её лицо, улавливая нюансы настроения.

– Я думаю... – уверенно начала Яна и резко оборвала саму себя.

– Почему вы остановились? – удивился Демьян.

– Не хочу вам говорить. Вы изучаете меня, словно я микроб. С этими вашими психологическими штучками: косо смотрит – врёт, скрестила руки – защищается.

Демьян слегка наклонился вперёд.

– Вы не врётё. Я вижу сигналы несколько другого порядка. Их интерпретация мне льстит, – он неожиданно улыбнулся, и его лицо тут же изменилось, став приятным и даже симпатичным. – Для вас это как работа?

Яна кивнула.

– Вроде того. Призраки приходят ко мне с тех пор, как я стала запоминать свои сны. Не каждую ночь. В этом странном даре нет регулярности, – она замолчала и спустя минуту неохотно добавила: – Не всегда удается помочь.

Демьян задумчиво почесал подбородок.

– Мой брат говорил что-нибудь, кроме того, что мне грозит опасность?

Яна не успела и слова сказать, как он сам ответил:

– Видимо, этот вопрос уже не раз задавали, и ответ отри-

цательный.

– Призраки приходят на короткое время, словно врываются из загробного мира и очень торопятся сказать главное. Подробности не особенно делятся, – словно оправдываясь, объяснила она.

– Я так понимаю, это не семейное?

Яна устало откинулась на подушки и прикрыла глаза.

– Нет. Я не потомственная ясновидящая Матрона, внимающая духам в десятом поколении. Не знаю, откуда этот дар и за что он мне. В моем роду такое больше не встречалось. Бабушка, правда, говорила, что в юности знала девушку с такими же странностями, как и у меня...

Демьян наградил её ещё одним пристальным взглядом и нехотя поднялся с кресла.

– Мне пора. Выздоровливайте, – заметив попытку Яны встать, он приказал: – Не провожайте меня.

Яна скинула плед и сделала шаг вперёд.

– Нет уж. Хочу убедиться, что вы ушли.

Она дождалась, когда Демьян наденет пальто, и открыла дверь.

– Вы вообще зачем приходили?

Демьян расправил узел шарфа и переступил порог.

– Софья Даниловна передавала вам привет и стопку лекций, что нужно набрать к следующему понедельнику. Я оставил их на кухне в пакете с лимонами.

Не дав Яне возможности выплеснуть возмущение, он сам

захлопнул дверь и помахал рукой, уже стоя на лестничной площадке.

9 глава. Язык цветов

Яна сама не догадывалась, как сильно изменилась за последние два года. То, что раньше казалось важным, потеряло смысл, прежние привычки канули в прошлое, оставив после себя пустоту и море свободного времени.

Когда Яна забеременела, первая мысль, посетившая её голову, звучала так: «Что скажет муж?» Собственная радость приутихла от ожидания недовольства со стороны супруга. Павел не удивил, когда предложил повременить с ребёнком и подумать об аборте. Яна твердо решила родить, но целый месяц увиливала от прямого разговора, обещая «разобраться с этой проблемой». Ещё месяц понадобился ей, чтобы уверенно заявить: у них будет малыш. Павел довольно быстро смирился, а когда узнал пол ребёнка – неподдельно обрадовался.

Яна всегда придавала большое значение мнению окружающих. Она и раньше старалась выглядеть «как все», не раздражать своим видом и поведением людей. Во время беременности эта черта характера обострилась и превратилась в мнительность. Сначала её волновало, что на ранних сроках она мало напоминала даму в интересном положении – скорее располневшую, запустившую себя женщину. Когда выпуклый живот спутать с лишним весом было уже невозможно, Яна наконец-то осознала, что прежняя спортивная фи-

гура исчезла года на два. Неспособность самостоятельно надеть обувь и выбраться из душевой кабинки пугала её, но ещё больше ужасала мысль, что всё это видит муж. Она боялась, что перестала быть стройной и сексуальной, а превратилась в неповоротливого, вечно уставшего бегемота.

С восьмого по девятый месяц Яна полностью уверилась, что беременность не красит женщину и тот, кто сказал: «Беременная женщина не может быть некрасивой», нагло соврал – по доброте или по глупости. Может, просто никогда не видел даму на сносях. Нос превратился в картошку, губы – в валики, пальцы – в сосиски. Радовало только то, что Яна так и не столкнулась с токсокозом, даже первый триместр не приходилось сгибаться над унитазом.

Обручальное кольцо перестало надеваться на палец в начале седьмого месяца. Яна молча страдала от сочувственных, а порой и осуждающих взглядов прохожих и случайных собеседников. Ей казалось, что все только и думают о том, что она мать-одиночка, и провожают пристальными взглядами.

Яна так сильно зависела от чужого мнения, что, даже разговаривая по телефону при посторонних, говорила о близких с уточнением их статуса относительно её самой, чтобы тем, кто стал случайным свидетелем разговора, всё было понятно. Если наступали на ногу или толкали – молча сносила оскорбления, если обсчитывали в магазине – неловко улыбалась, но опять же молчала. Ей не хотелось, чтобы думали

о ней плохо, считали её склочной или грубой.

День, когда Яна впервые вышла на улицу в мятой одежде и оскорблением ответила на оскорбление, совершенно стерся из памяти. Она словно превратилась в другого человека, обросла защитным панцирем, потеряв чувствительность к волнениям и перипетиям мира. Мелкие повседневные раздражители стали настолько незначительными, что даже многократные увольнения она воспринимала как неудобства и не более. Теперь Яна легко отделяла важное от второстепенного, не тратя силы на переживания из-за пустяков.

Раньше она бы никогда не позволила себе отпуск из-за простуды, боясь подвести кого-нибудь из коллег или накопить дела. Теперь же, получив от Арсения Павловича добро на отгул до конца недели, Яна принялась самозабвенно болеть. С чистой совестью куталась в халат и валялась на диване, периодически делала вылазки на кухню за чаем и супом.

Уже в среду Яна отправилась на утреннюю пробежку и выкатила из-под шкафа гантели. Насморк её не слишком беспокоил, главное, что самочувствие стремительно улучшалось. Воспользовавшись свободным временем, она выучила десяток новых слов на японском, пришила все оторванные пуговицы, наконец-то вымыла окна и побродила по просторам интернета.

Так Яна узнала название цветов, что принёс Демьян. Оказывается, мелкие белые цветочки – это фиалки и на языке цветов их подношение значит: дай мне шанс, ярко-алые цве-

ты в букете – азалии, их значение не менее трогательное: позаботься о себе ради меня. Яна сильно подозревала, что Демьян прекрасно осведомлён о тайном смысле преподнесённого букета. Сам же даритель после понедельника ни разу о себе не напомнил. Яна несколько раз брала телефон, пристально рассматривала номер Демьяна и откладывала трубку в сторону.

В четверг мобильник разрядился, и она благополучно забыла о связи с внешним миром. На следующий день, ближе к вечеру, она всё-таки поставила телефон на зарядку.

Яна планировала навестить непутевую мамашу Шалюкову и убедиться, что с ребёнком всё в порядке. Она уже обулась и взялась за ручку двери, когда услышала пиликанье – сигнал о пропущенных звонках. На мгновение она задумалась, потом опустилась на колени и, задрав стопы, поползла в комнату на четвереньках. Отсоединив зарядку, Яна тем же способом вернулась в коридор и только там посмотрела на экран. Телефон злобно подмигивал пропущенным звонком от Демьяна. Яна раздражённо фыркнула, стукнула кулаком по двери и вышла на лестничную площадку.

Она спускалась по лестнице, прижимая трубку к уху. На первом этаже с досадой обнаружила, что сердце колотится вовсе не от быстрой ходьбы. Наконец, в телефоне что-то щелкнуло, знакомый низкий голос прозвучал, словно через слой ваты:

– Добрый день, Яна. Нужно иногда заряжать телефон.

Она не успела ответить – вышла из подъезда и замерла: прямо перед ней стоял Демьян. От неожиданности Яна отступила назад, потом шумно выдохнула и спрятала телефон в кармане.

– Караулите, что ли?

Демьян неопределённо пожал плечами и тоже убрал трубку. Бледное солнце осветило его плечи, спрятав выражение лица.

– Делать мне нечего.

Яна опустила взгляд, скрывая довольную улыбку.

– Вы на машине?

– Нет. Я сейчас не вожу. Из-за ноги.

Яна обошла его и вышла на тротуар. Пройдя несколько шагов, остановилась и оглянулась.

– Вы идёте?

Демьян медленно приблизился к Яне, нарочно сильно прихрамывая.

– Куда мы едем?

Она ехидно ухмыльнулась:

– Примените свою дедукцию!

Поравнявшись с Яной, он нехотя пояснил:

– Я могу сказать, куда вы не идете. Не на помощь очередному обречённому, не на тренировку и не на свидание. В любом случае цель довольно далеко от дома, но раз вы не спешите, поедем на маршрутке.

– С вами приятно иметь дело, – фальшиво восхитилась

Яна.

Маршрутку долго ждать не пришлось. Через пять минут машина мчала пассажиров по мокрой дороге. Яна нетерпеливо ёрзала на сиденье, а Демьян сидел напротив ровно, словно ученик за первой партой, и не сводил с неё глаз. Кроме них в салоне оказались ещё влюбленная пара и пенсионерка. Молодые люди не обращали внимания на окружающих и самозабвенно целовались, бабушка укоризненно цокала и покачивала каракулевой шапкой.

Яна слегка наклонилась вперед.

– Изучение языка цветов – это ещё одно ваше хобби?

Демьян сдержанно улыбнулся, мысленно отмечая, что в присутствии Яны с ним такое случается всё чаще и чаще.

– На востоке придают большое значение составлению букетов. Это искусство называется Селам.

– Вы рассчитывали на мою догадливость? – Она недоверчиво взглянула на собеседника.

– Я рассчитывал на ваше любопытство, – простодушно признался Демьян.

Яна отвернулась к окну и через несколько минут пробурчала:

– Представьте, что я дарю вам жёлтую гвоздику⁸.

Демьян непроизвольно перевёл взгляд на целующуюся парочку и уверенно заявил:

⁸ Желтая гвоздика на языке цветов означает отказ.

– Когда-нибудь вы захотите подарить мне омелу⁹.

Оставшиеся полчаса пути они преодолели в молчании. Яна судорожно пыталась вспомнить, что вычитала в интернете о значении омелы, но память подсовывала обрывки фраз о тюльпанах. Демьян многозначительно молчал, уголки губ едва подрагивали в лёгкой улыбке.

Когда маршрутка остановилась, он первый вышел на остановку и придержал дверь. Подал пенсионерке руку, помогая ей спуститься с подножки, пропустил молодых людей и протянул руку Яне. Она сделала вид, что не заметила этого жеста, и самостоятельно вылезла из автомобиля.

Почти стемнело, фонари и светящиеся витрины отгоняли приближающуюся ночь, контрастируя с тёмными участками тротуара.

Яна уверенно и быстро дошла до улицы Батарейной и вошла во двор дома номер сорок два. Демьян молча следовал за ней с небольшим опозданием. Дойдя до мусорных баков, она резко остановилась, её руки непроизвольно сжались в кулаки, плечи ссутулились. Яна встряхнула головой, отгоняя тягостные воспоминания, и подняла взгляд на горящие окна многоэтажки.

Демьян стоял немного в стороне, ожидая объяснений или дальнейших действий. Его взгляд бродил по дверям подъездов и опознал знакомый силуэт. Через двор крадущимся шагом шёл Виктор. Он постоянно оглядывался и нервно те-

⁹ Омела на языке цветов означает «поцелуй меня».

ребил воротник пальто, старательно прикрывая им лицо, но расстояния в тридцать метров оказалось достаточно, чтобы быть узванным.

Увидев коллег возле мусорных контейнеров, он изменил траекторию, стараясь отдалиться, и ускорил шаг.

Демьян дёрнул Яну за рукав.

– Там Виктор. Похоже, от нас убегает.

Яна нашла взглядом удаляющегося мужчину и близоруко прищурилась.

– Вроде не он.

– Он, – уверенно заявил Демьян и подтолкнул её в спину, – давайте догоним и побеседуем.

Нагнать Виктора удалось только возле машины. Он уже взялся за ручку двери, когда над ним нависли две тени. Виктор резко развернулся и замер.

Демьян поправил узел шарфа и внимательно его оглядел.

– Марина наверняка рассчитывала, что ты женишься... – Он мельком посмотрел на Яну и, переведя взгляд на побелевшее лицо мужчины, едко процедил сквозь зубы: – Ты требовал, чтобы она сделала аборт?

Виктор вздрогнул, его пальцы судорожно сжались на брелке с ключами.

– Я не понимаю, о чём вы говорите. Я просто навещал её. Я же куратор.

– Ты немного неверно истолковал свои обязанности куратора.

Яна переводила взгляд с одного мужчины на другого, молча ожидая окончания неприятной беседы. Они тоже затихли, рассматривая друг друга. Яна первой решилась нарушить затянувшуюся паузу:

– Что с ребёнком?

Виктор сжался, опустил взгляд.

– Нормально всё. С ним родители Марины. Они хорошие люди, – с трудом выдавил он из себя несколько фраз. – А вы что тут делаете? – На самом деле его больше всего интересовало, почему они вместе и что их связывает.

Яна непроизвольно приблизилась к Демьяну, будто заражаясь от него спокойствием и уверенностью.

– Мы-то как раз проведать Марину собирались. Я переживала за ребёнка. Демьяна Владленовича я попросила составить мне компанию в качестве психолога.

Виктор поспешно проскользнул в салон автомобиля и приоткрыл окно, так что видны были только его глаза.

– Суда не будет. Родители Марины нашли хорошего юриста. Он догадался сослаться на постродовую депрессию.

– Тебе лучше уволиться из института, – спокойно, без угрозы в голосе констатировал Демьян. – Думаю, не сработаемся.

Виктор поспешно спрятал виноватый взгляд.

– Не говорите на работе. Я сам уволюсь.

Демьян медленно кивнул и ответил:

– Завтра же подай заявление. Радуйся, что Шалюкова со-

вершеннолетняя.

Мотор нервно заурчал, и машина резко тронулась. Виктор торопился скрыться с глаз свидетелей своего позорного поступка.

Демьян и Яна проводили взглядом удаляющийся автомобиль и переглянулись.

– Боюсь спрашивать, что сделала Марина.

Яна вздрогнула, словно от холода, и медленно зашагала в сторону остановки.

Демьян нагнал её под козырьком магазина и невесело предположил:

– Хотела убить ребёнка?

Яна развернулась, её глаза смотрели пристально, не мигая.

– Она выбросила свою дочку в мусорный контейнер.

– Что сделала? – Демьян произвольно сглотнул.

– И не в первый раз, кстати. Я не знаю, кто был отцом первого ребёнка, но сильно сомневаюсь, что дело тут в послеродовой депрессии.

Демьян слегка отклонился назад. По его щекам медленно расплзалась смертельная бледность.

– Они с Виктором подходят друг другу, – невесело пошутил он.

Всю обратную дорогу к дому Демьян молчал и не тормозил задумчивую Яну светской беседой. Она, казалось, забыла о его существовании и вела себя странно. Периодически

вздрагивала, оглядывалась и хмурилась.

Проводив Яну до дверей подъезда, Демьян остановил её.

– Кто вас преследует?

Она делано изумилась:

– Вы и преследуете.

Демьян попытался поймать её уклоняющийся взгляд.

– Вы словно ищете кого-то в толпе.

Яна сначала насупилась, непроизвольно пожала плечами, потом шумно выдохнула:

– Вы не против, если этой ночью или завтра я попрошу о помощи? Жаль, что вы не водите машину. Так было бы проще.

– Вы же говорили, что в этих снах нет регулярности? – недоуменно взглянул на собеседницу Демьян

– Это предчувствие. Не стопроцентная гарантия. Просто такое странное ощущение чужого присутствия. Будто кто-то взглядом затылок прожигает и дышит в висок.

Яна открыла дверь и замерла, словно ожидая какой-то точки в их беседе. Не хотелось просто так уходить. Но каких именно действий она ждёт от Демьяна, Яна и сама не могла объяснить.

На какое-то время повисла напряжённая тишина.

Демьян сам решил, как закончить разговор, и отступил назад.

– С вами жить, наверное, не очень удобно. Выспаться – главная мечта ваших мужчин, – лёгкая улыбка тронула его

губы, – звоните. Как-нибудь решим проблему транспорта.

– До свидания, – коротко попрощалась Яна и закрыла дверь перед носом Демьяна.

10 глава. Новый сон

Этот сон пришёл под утро. Спокойная ночь закончилась сразу же, как началась очередная какофония красок и звуков. Ноги Яны утопали в горячем песке, солнце немилосердно жарило, над головой парил огромный стервятник. Песок в нескольких метрах зашевелился, пошёл рябью. Сначала на поверхности появилась сморщенная кисть, потом вторая, судорожно сжимающая горсть раскалённых песчинок. Яна наблюдала, как из ямы в песке медленно выползает старик. Едва он отряхнулся, как вслед за ним показалась ещё одна гостья – дряхлая старуха со спутанными кудрявыми волосами.

Яна бегло осмотрела делегацию призрачных гостей, не задерживаясь взглядом на их размытых лицах. Их одежда была не просто старой, а какой-то несовременной, одновременно поношенной и совершенно им неподходящей. На женщине – длинное тёмное платье с кружевным воротничком, на старике – короткие брюки на подтяжках и белая рубашка, застегнутая под самое горло.

– Что вы хотите? – Голос Яны дрогнул, когда она поняла, почему эти призраки кажутся знакомыми. Именно они пытались прорваться в её сны, когда приходили другие просители.

Кудрявая старуха взяла спутника за руку и сделала шаг вперёд.

– Спаси нашу сестру.

– Ей грозит опасность, – добавила гостья. – Она купила таблетки, но не те, что прописал врач. В аптеке ошиблись. Вроде бы безобидное лекарство, но при высоком давлении оно может привести к остановке сердца.

Яна пыталась рассмотреть размытые лица.

– Где живёт ваша сестра?

– Улица Лагерная, дом двенадцать. В Славянске.

– Где? – Яна изумлённо округлила глаза. – В Славянске-на-Кубани? Это же километров сто от Краснодара.

Призраки недоуменно переглянулись.

– Меньше. Она пьёт таблетки, когда у неё давление повышается. Когда это произойдёт – неизвестно. Может, уже утром она достанет злополучную упаковку. Пока бог милостив, – рассудительно объяснила старушка.

Яна не успела задать следующий вопрос, песок вихрем закрутился вокруг призрачных гостей, поглощая их и утягивая вниз, словно болотная жижа. Бесхвостые ослы сузили круг, их шершавые бока буквально тёрлись о ноги Яны. Она брезгливо отдергивала ладони, ожидая, когда странный сон закончится.

Это произошло как обычно неожиданно, будто её вытолкнули из жаркого помещения в прохладу вечера.

Она села на кровати, оглядывая комнату рассеянным взглядом. За окном зарождался новый день. Предраассветные сумерки прилипли к стеклу, не пропуская первые скудные лу-

чи солнца.

Яна вытерла пот со лба, рукой нащупала на тумбочке телефон и набрала номер по памяти.

– Демьян?

Трубка щёлкнула и через секунду ожила.

– А кому вы звоните?

– Папе римскому, – раздражённо фыркнула Яна.

– Куда ехать? – сразу же перешёл к делу Демьян.

Прижав трубку к уху плечом, она направилась в ванную, попутно собирая спутанные волосы в хвост.

– В Славянск. Вроде не так срочно, как обычно, но помощь всё равно нужна.

После некоторой заминки Демьян ответил:

– Сейчас почти восемь часов. К девяти, максимум в десять, я за вами заеду. Позавтракаем в дороге.

Он отключился, не дожидаясь согласия Яны.

Она привела себя в порядок и принялась готовить бутерброды. На всякий случай взяла сменную одежду и зубную щётку, не забыла и про травматический пистолет. Застегнув сумку, она спустилась вниз и приготовилась ждать на скамейке у подъезда.

Демьян всегда отличался пунктуальностью и в этот раз прибыл в назначенное время. Ярко-оранжевая машина, словно хищная рыба, всплыла во двор и плавно остановилась напротив Яны. Стекло опустилось, Демьян махнул рукой, призывая поторапливаться.

– Доброе утро, Иннокентий, – Яна тепло улыбнулась водителю и перевела взгляд на Демьяна. – Задерживаться не планирую, просто подстраховалась. Кстати, большую часть места занимают бутерброды и термос.

Кеша расплылся в довольной улыбке.

– Яночка, благодетельница ты наша. Этот змей извлёк меня прямо из опочивальни и водрузил на коня. Маковой ро-синки во рту не было.

– Ты же собирался сесть на диету. Начни сегодня. Это, так сказать, пинок судьбы, – сказал Демьян и, развернувшись к попутчице и серьёзно спросил:

– Кого и от чего спасать будем?

– Женщина купила лекарства, которые могут загнать её в могилу. У неё высокое давление, и, если она их примет, может случиться инфаркт.

Иннокентий удивлённо присвистнул:

– Кто ж ей спонсировал чудо-таблетки? Эскулап, что ли, впал в маразм? Это даже ветеринар ведаёт...

Яна качнула головой, продолжая в упор смотреть на Демьяна.

– Я не знаю. Сон был очень странный. Родственники этой бабушки выглядели как пришельцы из другого времени. Одежда, причёски и обувь... – Она замаялась, пытаясь подобрать слова.

Кеша первый пришёл на помощь:

– Винтажная?

– Не современная однозначно, – согласилась Яна. – Но это не самое странное. Раньше так далеко мне выезжать не приходилось. Просители и обречённые почти все жили в пределах Краснодара или в ближайших поселениях.

– Необычно, – подтвердил Демьян.

На какое-то время в салоне повисла тишина. Яна откинулась на спинку и прикрыла глаза. В движущемся транспорте на неё всегда накатывала дрёма. Иннокентий бросил полный грусти взгляд на тяжёлую сумку, втиснутую между пассажирами, и с наигранным равнодушием уставился на дорогу. В машине заманчиво пахло колбасой и свежим кофе.

Демьян дал Яне время заснуть и не тревожил её почти двадцать минут, но, убедившись, что она так и не задремала, решил нарушить тишину:

– Вы называете призраков гостями или посетителями.

Яна приоткрыла веки и встретилась взглядом с льдистыми глазами Демьяна. Приподнявшись в кресле, она расправила на себе одежду.

– Какая разница, как их называть? Пусть будут гости, раз приходят ко мне.

Кеша насторожился и притих, не желая пропустить ни слова интересной беседы. В зеркале заднего вида мелькнул озабоченный взгляд Демьяна. Кеша знал, что значит такое выражение на его лице.

– Вы думаете, что души являются в ваши сны?

Яна непроизвольно отклонилась, её плечи напряглись.

– Опять этот ваш обвинительно-пытливый тон. – Её глаза прищурились.

– Не может быть, чтобы вы не задумывались о природе необычного дара, – Демьян снисходительно улыбнулся.

– Задумывалась. Пыталась найти в интернете информацию. Чаще всего таких, как я, называют медиумами. Но, если честно, я ни разу не наткнулась на нормальное доходчивое объяснение. Только в одном всё сходится: привидения навещают меня через сны. Многие философы и даже учёные считали, что сны – это какое-то особое измерение, пространство между жизнью и смертью. Видимо, в моих снах стенки между реальностями тонкие, вот и ходят ко мне призраки пообщаться.

– Вы меня в трепет вводите своими живописаниями, – откликнулся Кеша. – Так безмятежно об этом повествуете, сиречь винную карту озвучиваете.

Демьян не отрывал пытливого взгляда от Яны, на друга вообще не обращал внимания.

– А если это вы гостя? – Его голос был возмутительно спокоен, даже вкрадчив.

Яна насторожилась:

– Я вас не понимаю.

Демьян кинул взгляд в сторону водителя.

– Кеша, за дорогой следи, извертелся весь, – он развернулся к Яне. – Будьте любезны, достаньте бутерброды.

Яна послушно расстегнула сумку и протянула Иннокен-

тию бумажный сверток, потом перевела взгляд на Демьяна.

– Театральная пауза затянулась. Объясняйте.

– Когда вы рассказали мне о своих снах, я перелопатил весь интернет... – Он на мгновение замолчал и всмотрелся в лицо Яны. – К счастью, я наткнулся на упоминание о книге, выпущенной ещё в восьмидесятых годах в Швейцарии. Электронного варианта нет, сам труд не переводился на русский. Хотя какой там труд, так, брошюрка. У меня есть знакомый в Германии. Он по моей просьбе раздобыл эту книжицу в библиотеке и отсканировал. Позавчера я закончил ее читать. Всё-таки подзабыл немецкий, года три уже не практиковался в иностранных языках. Автор книги описывает жизнь своего сына с рождения и до кончины и утверждает, что его отпрыск регулярно виделся с призраками. Он выдвинул теорию, что душа его сына покидала тело во время сна и улетала в царство Аида. Позже он нашёл подтверждение этой теории в самих снах. К тому же им удалось разговорить парочку призраков. Сын научился вызывать эти сны и путешествовать в мире мёртвых, когда ему заблагорассудится. Получается, что во время сна ваша душа высвобождается от оков плоти и бродит по просторам мира мёртвых. Так что это вы гостья, – подытожил Демьян.

Яна смотрела на него, слегка прищурившись, в её глазах плескалось недоверие и даже страх. Она непроизвольно отодвинулась к самой двери и скрестила руки.

Демьян слегка наклонился вперёд и протянул руку, желая

коснуться Яны, но резко передумал и отдернул пальцы, будто обжёгся.

– Вы боитесь и не верите мне.

– Спокойнее верить, что я брожу в собственных сновидениях, а привидения иногда прорываются в нашу реальность. – Яна отвернулась и сжала руки ещё плотнее, словно желая укрыться от слов Демьяна.

– Правда не так уютна.

– Довольно обрушивать на меня шокирующие известия, – вмешался в разговор Иннокентий. – А ты, товарищ, мог бы явить миру корректность и сообщить такую новость без наскока, как-нибудь аккуратнее.

Яна постаралась выползти из угла, в который сама себя загнала, и выпрямиться.

– Мне никогда не удавалось поговорить с призраками нормально, они так быстро исчезают.

Демьян слегка улыбнулся.

– Не они исчезают, а вы, – его голос прозвучал покровительственно, – ваша душа возвращается в тело.

– Если то, что я видела, ожидает меня после смерти – я боюсь умирать ещё больше, чем раньше. Мне там вообще не понравилось. Какой-то хаос и бред.

Кеша интенсивнее заёрзал в кресле.

– Любопытство всё внутри изъело, да лучше не знать, какие страсти ждут за чертой.

– Если вам страшно – это нормально, – мягко заметил Де-

мьян, искоса поглядывая на Яну.

– Не страшно мне. Ни капли, – легко солгала она и для достоверности широко улыбнулась.

– Большую часть времени вы лжете хуже ребёнка. Так что не пытайтесь это делать. До любого из трёх видов идеальных лжецов вам далеко. – Демьян отвернулся и с нарочитым интересом принялся рассматривать пейзаж за окном, ожидая вопроса.

Яна не заставила себя долго ждать. Молча переглянулась с Кешей и громко спросила:

– Что ещё за три вида?

Демьян приосанился и мгновенно вошёл в роль преподавателя:

– Первый тип довольно распространён. Я называю представителей этого вида – вралю-любители. Они лгут постоянно, везде и всегда, потому что им просто нравится это делать. Второй тип – лгуны без совести. У таких индивидов крайне извращённые понятия о морали, поэтому ложь – это просто способ существования. Им не стыдно, что они лгут. Лгуны-актёры вживаются в роль настолько, что даже тело транслирует ложь, словно правду. Они не думают, что лгут, просто в этот момент живут чужой жизнью.

– Позёр, – насмешливо обозвал друга Кеша и быстро перевёл разговор на другую тему: – Не доводилось бывать в Славянске, всё мимо да мимо.

Яна протянула Демьяну бутерброд.

– Я тоже не была там. Почти затворница. За пределы Краснодара редко выезжала.

– Наслаждайтесь поездкой, – снисходительно бросил Демьян и занялся бутербродом.

11 глава. Дом с привидениями

Славянск встретил гостей дождём и двойной радугой. Преодолев мост, Кеша свернул в ближайший проулок и развернулся к притихшим пассажирам.

– Куда конкретно путь держим?

Яна быстро выпалила заученный адрес.

– Улица Лагерная, дом двенадцать.

– Вондэфул! Как будем рыскать? – саркастично поинтересовался водитель.

Демьян оглядел лица попутчиков с одинаковым вопросом в глазах.

– Язык, как говорится, доведёт... далеко, – поучительно напомнил он.

– Куда? До Буэнос-Айреса? – Кеша явно был настроен пессимистично.

Яна молча вылезла из машины и оглядела улицу. Всего в двух кварталах от того места, где они остановились, расположился городской рынок, поэтому людей, несмотря на пасмурную погоду, бродило достаточно. Ближе всего находились две женщины среднего возраста.

Яна подошла к ним и приветливо улыбнулась:

– Добрый день. Не подскажете, где найти Лагерную улицу?

Женщины поочередно вздрогнули от студеного ветра и

недружелюбно прищурились.

– Лагерная? Нет такой, кажется, в городе, – Одна из дам обернулась к спутнице и более уверенно подтвердила: – Точно нет.

– Не помню, чтобы слышала такое название, – подвела итог её собеседница.

Яна поблагодарила за скудную информацию и вернулась к машине. Мужчины тоже покинули салон и уже ждали её.

– Вам не особенно помогли, – истолковал Демьян выражение лица Яны.

– В чём проблема? Купим карту, – воспрянула она духом. Демьян сам поразился, как он раньше не вспомнил о таком простом способе поиска.

В ближайшем киоске Кеша купил карту города и, вернувшись в салон, развернул её на коленях. Демьян и Яна нависли над ним, не рассчитывая на внимательность Иннокентия.

Хватило и десяти минут пристального изучения карты, чтобы окончательно растеряться. Лица всех вытянулись, Иннокентий даже присвистнул.

– Улочка канула в безызвестность. Беда-беда, огорчение. Яна с надеждой посмотрела на Демьяна. Раньше ей не приходилось сталкиваться с проблемой на начальном этапе «спасения».

Демьян слегка отклонился и достал телефон.

– Вроде как в век интернета живем, товарищи. Всё-таки мы с вами динозавры похуже Диплодока. Привыкли поль-

зоваться старинными методами. Любой подросток сразу же полез бы в сеть. У них вообще телефон – это продолжение руки.

– Ну и что там? – нетерпеливо заёрзала Яна.

– Где улица скрылась? – подключился к допросу Кеша.

Демьян изобразил рукой жест, призывающий помолчать и не мешать ему. Через несколько минут он оторвал взгляд от экрана. Его лицо выражало крайнюю степень озадаченности.

– Такой улицы нет, – безрадостно начал он. Предупреждая возможное возмущение собеседников, пояснил: – Сейчас нет. Её переименовали в улицу Дзержинского. Довольно давно.

Яна первая открыла дверь машины и поторопила спутников.

– Эта улица, я так понимаю, есть на карте? Поехали, не было бы поздно.

Улица Дзержинского, бывшая Лагерная, одной своей половиной пронзала город, другой, словно лента, прильнула к руслу реки. Эта часть улицы меньше всего напоминала городской ландшафт. Невысокие дома, буйная растительность и приусадебные участки, местами выходящие прямо к дамбе реки, даже дорога не везде была асфальтирована.

Яна приникла к окну, высматривая номера на заборах. После десятого показалось заросшее вьюнком кирпичное здание на высоком фундаменте с плотно закрытыми ставнями и без таблички. Машина проехала ещё немного и затор-

мозила напротив симпатичного домика с ухоженным садом. На подоконнике, слегка прикрытая шторкой, стояла деревянная дощечка с криво выведенной цифрой четырнадцать.

Кеша развернулся к спутникам и слегка приподнял брови.

– Вот та обитель с привидениями и заколоченными окнами – явно то, что мы ищем.

Сетчатый забор разделял уютный сад и заросший двор на два разных мира. Яна внимательно оглядела пёстрые клумбы и сравнила их со старыми скрюченными яблонями в соседнем дворе. Жаль, что эти дома нельзя поменять номерами.

Из окна светлого ухоженного дома, соседствующего с мрачной обителью под нужным им номером, доносилась прерывистая мелодия с «запилами» электрогитары:

*Черные сказки белой зимы
На ночь поют нам большие деревья.
Чёрные сказки про розовый снег,
Розовый снег даже во сне.
А ночью по лесу идет Сатана
И собирает свежие души.
Новую кровь получила зима
И тебя она получит,
И тебя она получит...¹⁰*

Дослушав куплет до конца, Демьян вышел из машины и

¹⁰ Песня группы Агата Кристи «Сказочная тайга»

направился к калитке, Яна схватила сумку и догнала его, борясь с желанием развернуться и бежать от этого дома без оглядки.

– Мрачновато, – заключила она.

– Потрясающая берлога. Такая атмосферная и ужасающая, – восхищённо пропел Кеша. Он уже припарковал машину на обочине и теперь любовался заброшенным зданием.

– Обычный старый дом, – спокойно подытожил Демьян и обратился к Яне: – Как вы поступаете в таких случаях? Представляетесь медсестрой, работником ЖЭКа или вваливаетесь без предупреждения?

– Вваливаюсь, обычно времени катастрофически мало. Давайте просто зайдём. Может, мы уже опоздали.

Яна смело толкнула незапертую калитку. Через двор вела узкая протоптанная тропинка, под одной из яблонь виднелась почерневшая от старости собачья будка, рядом лежала цепь, заканчивающаяся пустым ошейником. Сбоку дома прилепились высокие ступеньки с деревянным резным навесом, перекосившимся и разбухшим от осадков. Яна смело пересекла двор и поднялась на крыльцо.

Входная дверь оказалась также не заперта. Яна посмотрела на спутников, застывших на первой ступени.

– Ждите тут. Позову, если что.

Демьян промолчал, а Кеша разочарованно вздохнул.

Изнутри дом не выглядел таким древним и нежилым, в нос тут же ударил запах борща и кошачьей мочи. Яна помор-

щилась и прошла дальше. Прихожая вела в длинный тёмный коридор, перетекающий в просторную комнату без двери. Из боковых комнат показались любопытные кошачьи мордочки всех возможных окрасок. Животные с интересом уставились на незваную гостью блестящими круглыми глазами.

– Хозяйка! Есть кто дома? – Яна сделала ещё шаг и замерла в нерешительности. От дурного предчувствия внутренности сковал холод.

В широком дверном проёме мелькнула тень невысокой женщины.

– Кто там? Галя? Заходи. – Хозяйка вышла немного вперёд и прищурилась, пытаясь разглядеть в темноте коридора силуэт.

Яна облегчённо выдохнула.

– Здравствуйте. Я никак не могла дозваться. С вами всё хорошо?

Пожилая женщина медленно пересекла коридор и, приблизившись почти вплотную к Яне, щёлкнула выключателем. Жёлтая лампочка осветила лица.

Хозяйка, побряхтывая, наклонилась и взяла на руки полосатого кота. Её голубые выцветшие глаза внимательно оглядели Яну, губы сложились в приветливую улыбку.

– Здравствуйте. Вы вместо Гали? Подождите минуточку, я принесу платёжки.

Яна отступила назад, разглядывая странное лицо пожилой

женщины. Возрастная акромегалия¹¹ основательно поработала над ним, вытянув нос и уши до карикатурных размеров. Практически мультяшная баба-яга, только глаза спокойные.

– Вы, наверное, меня с кем-то путаете. – Яна не успела придумать правдоподобную причину бесцеремонного вторжения, как услышала за спиной шаги.

– Мы по поводу комнаты. На заборе висело объявление, что вы сдаёте жильё для студентов, – вмешался Демьян, избавляя Яну от необходимости сочинять причину их вторжения.

Добродушное лицо хозяйки накрыла тень недоверия. Она придирчиво оглядела Демьяна:

– Что-то вы на студента не очень-то похожи.

Он попытался улыбнуться, чтобы выглядеть дружелюбным.

– Мы и не студенты. Проездом всего на сутки. У вас тут вид великолепный. Речка практически за домом начинается, рыбалка, наверное, хорошая.

Хозяйка недоверчиво прищурилась и крепче прижала к груди кота. Минуту она колебалась, потом её лицо расслабилось, вновь став благодушным

– Сдавала раньше, только в этом году никто не позарился на моё ветхое жилище. Далеко от института, хотя беру

¹¹ Возрастная акромегалия – патологическое увеличение отдельных частей тела, связанное с повышенной выработкой соматотропного гормона (гормона роста). У взрослых людей проявляется укрупнением черт лица (носа, ушей, губ, нижней челюсти), увеличением стоп и кистей рук.

немного. Хотя какой-то доход. Сами понимаете – пенсия копеечная. Меня Анастасией Павловной зовут.

Яна оглянулась и, поймав взгляд Демьяна, удивлённо приподняла брови. Он едва заметно кивнул и снова обратился к хозяйке:

– Очень приятно, Анастасия Павловна. Меня зовут Демьян, это Яна. С нами ещё один спутник – Иннокентий. Раз с проживанием дело решённое, схожу в машину за вещами.

Хозяйка растерянно кивнула, провожая высокий силуэт неожиданного постояльца.

– Рыбалка тут никакая. Ради удовольствия можно посидеть на берегу с удочкой, но улов с гулькин хвост будет. Раньше-то, конечно, совсем другая история была, – она переложила кота на другую руку и побрела по коридору. Уже у дверей комнаты вспомнила о госте и оглянулась. – Дверь справа. Располагайтесь и приходите на кухню.

Не дожидаясь возвращения мужчин, Яна направилась к указанной двери. Едва сделав шаг в комнату, она несколько раз чихнула. В воздухе кружилась пыль, а затхлость и сырость пропитали помещение насквозь. Задвинутые ставни пропускали несколько полосок света полуденного солнца, едва освещающих широкую комнату. Только спустя несколько минут Яна смогла разглядеть обстановку. Первая комната, довольно широкая, представляла собой что-то вроде общей гостиной. Диван с потёртой гобеленовой обивкой занимал треть помещения, напротив него расположилось гро-

моздкое кресло с выломанным подлокотником. Единственной красивой вещью, несмотря на древность, оказался круглый журнальный столик на высокой ножке.

Яна провела рукой по гладкой столешнице, оставляя в пыли дорожки, и снова чихнула.

– Будьте здоровы. – Демьян остановился в дверях, пытаясь привыкнуть к темноте.

– Нужно ставни раскрыть, а то склеп какой-то.

Он поставил сумку на пол и снова вышел. Через несколько минут за окнами послышались скрежет и сопение, мрачная комната наконец расцвела красками. На синих обоях стали заметны изображения маленьких солнц и радуги. Оказалось, что обивка дивана не такая уж и тёмная, а кресло так вообще ярко-красное. Демьян заглянул в окно и, встретившись взглядом с Яной, неожиданно подмигнул ей.

Вхождение Кеши в новые апартаменты ознаменовалось серией сочных чихов.

– В этой реальности пылесос ещё не изобрели, – он бегло оглядел обстановку и, заметив круглый столик, восхищённо воскликнул: – Шедевр! Какая изумительная штукавина. Прелесть!

Его пальцы любовно погладили холодную столешницу.

Демьян поставил на диван сумку и опустился на продавленную гобеленовую поверхность.

– Ты как Голлум¹². – Он с облегчением выпрямил больную

¹² Голлум – вымышленное существо, один из ключевых персонажей произведе-

ногу и помассировал её.

Кеша направился к одной из двух дверей, выходящих из комнаты в противоположные стороны.

– Где тут можно свою буйную головушку поместить? Опочивальня где?

Помещение оказалось узким и таким же пыльным, большую часть комнаты заполнял ещё один древний диван. Впритык к нему расположился шкаф, дверца которого при открытии упиралась в подлокотник и протерла дорожку на блеклой обивке.

– Переночевать можно, но, боюсь, клопы представляют тут господствующую расу.

Яна направилась к другой двери и после осмотра комнаты вынесла такой же неутешительный вердикт.

– Тут тоже, скорее всего, есть подобные квартиранты, – она повернулась к Демьяну. – Зачем вообще было снимать жильё? За день уложимся вполне.

Демьян нехотя поднялся, осмотрел будущие спальни и только потом ответил:

– Вы собирались перевернуть аптечку хозяйки вверх дном? Придумали, как изъять опасное лекарство?

– Нет ещё, – нехотя призналась Яна. – До вечера разберусь.

дений [Джона Р. Р. Толкина](#) «Хоббит, или Туда и обратно» и «[Властелин Колец](#)». Особенно известно присловье Голлума «Моя Прелесть» ([англ. My Precious](#)). Так он называет Кольцо (а в «Хоббите» – и самого себя).

– Уверен, что так. Кеша в ночь не поедет. Утром отправимся в Краснодар, – спокойно отчеканил он и остановился рядом с другом. – В той каморке кровать больше, значит, мы с тобой тут спим, даме предоставим хоромы с диваном.

– Хорошо, что я щётку зубную взяла, – еле слышно проворковала Яна.

Иннокентий картинно всплеснул руками.

– А я олух, только гребнем ридикюль и заполнил.

– В городе есть магазины, – равнодушно заметил Демьян, – считайте, что это незапланированный отпуск, и наслаждайтесь. Я позвоню на работу, вы, Яна, вроде как на больничном, а мне придется придумать незапланированную командировку.

Вещи не стали раскладывать. Мужчины отправились за покупками, а Яна пошла на кухню.

Анастасия Павловна ожидала прихода Яны, попивая остывший чай, её сухая ладонь с длинными паучьими пальцами покоилась на пушистом боку толстого кота.

– Чаю? – она кивнула на пустой табурет.

– С удовольствием.

Хозяйка налила в высокую стеклянную кружку кипяток и подвинула к госте сахарницу.

Яна опустила в воду чайный пакетик и присмотрелась к собеседнице. Невысокая, словно высохшая, женщина с пергаментной кожей, разукрашенной пигментными пятнами. Мясистый крупный нос на скуластом лице выглядел словно

инородный элемент и добавлял неуместной комичности, вызывая ассоциацию с клоуном.

Яна уже давно смирилась со своим неумением угадывать возраст людей, но с Анастасией Павловной это оказалось ещё сложнее, словно она впала в безвременье: такая внешность могла принадлежать как шестидесятилетней, так и восьмидесятилетней женщине.

– У вас дом такой большой, как вы с ним управляетесь?

Старушка пожала плечами.

– Никак. Сами видите – он в ужасном состоянии. Силы нете, чтобы порядок наводить. А двор вообще как сады Эдема, словно его не касалась рука человека.

– Тяжело, наверное. А Галя, с которой вы меня перепутали, ваша внучка?

Женщина глубоко вздохнула, её рука замерла над спиной животного.

– Нет. Галя – добрая девушка из соцзащиты. Помогает понемногу: продукты покупает, коммуналку оплачивает. Внуков у меня нет, – её голос наполнился болью, глаза увлажнились.

Яна придвинулась к старушке и погладила кота на её коленях.

– Простите. Не хотела вас расстраивать.

Анастасия Павловна вымученно улыбнулась.

– Всё нормально. Это я к старости такая чувствительная стала, чуть что – реву. – Её рука снова принялась ласкать ко-

та. – В коридоре веник есть и ведро с тряпкой, а то комнаты пылью заросли. Чистое постельное бельё я вам вечером принесу. Этого добра навалом. Галя мне всё перестирала, перегладила. А мне много не надо, вот и лежат пододеяльники, моль кормят.

Яна брезгливо оглядела захламленную кухню. Помещение выполняло ещё и функцию кладовки: по углам расположились картонные коробки с картофелем и овощами, у холодильника – два жестяных ведра с помидорами и орехами.

– Спасибо вам. Можно вашей кухней воспользоваться, чтобы ужин приготовить?

Анастасия Павловна заёрзала на табуретке.

– Конечно, – после заминки хмуро поинтересовалась: – Извините за прямоту, просто я всякий срам не приемлю, но кто вам эти двое мужчин?

– Друзья, – прямо ответила Яна, выдерживая пытливый взгляд хозяйки, – коллеги по работе.

– Ну-ну, – не очень-то поверила Анастасия Павловна, но пытаться не стала. – Не хочу показаться невежливой, но проживание оплатить лучше сегодня. Триста рублей с человека.

Яна молча достала кошелёк и отсчитала названную сумму.

– Голова что-то разболелась, у вас анальгина не найдётся?

Анастасия Павловна спихнула с колен ленивого кота и потянулась к подоконнику.

– Да вот утром пила, пластинку тут и оставила. Бери.

Яна разочарованно сникла. Похоже, местоположение ап-

течки пока останется неизвестным. Придётся придумать себе ещё какую-нибудь болезнь.

– Спасибо. Пойду, приберусь.

Пока мужчины отсутствовали, Яна сумела превратить затхлый музей в жилое помещение. Открыла окна и запустила освежающий сквозняк, изгнала пыль и собрала паутину. Не дожидаясь вечера, принесла чистое постельное бельё и застелила кровати.

Когда пришло время ужина, друзей всё ещё не было. Яна снова наведлась на кухню и остановилась в нерешительности перед грязной плитой. Она надеялась, что её попутчики привезут продукты, поэтому сейчас могла рассчитывать только на чай. Голод уже подкрался и сдавил желудок спазмами.

Прежде чем успокоить организм горячим напитком, пришлось как следует отмыть чашку. Клеенка на столе липла к рукам и требовала не просто протереть её, а скорее выбросить и постелить новую. Яна никогда не относилась к людям, склонным к стерильности, но неопрятность этого жилища будила желание засыпать всё хлоркой.

Яна не стала садиться на стул и подошла к окну. Заросший сад буквально вваливался в комнату, корявые ветви плотно приникали к стеклу, протягивали руки через открытую форточку. В переплетении деревьев виднелся соседний ухоженный двор. На скамейке расположилась соседка Анастасии Павловны. Её круглое, словно тарелка, лицо страдальче-

ски сморщилось, губы вытянулись, и она исторгла длинный пронзительный вой. Яна вздрогнула и хотела уже бежать на помощь, когда поняла, что вой – это песня и, судя по прерывистому, безбожно перевернутому мотиву, – веселая песня. Периодически старушка прикладывалась к бутылке водки, закусывала сочным помидором и продолжала заунывно поскуливать.

Яна увлеклась наблюдением и не сразу услышала, что к ней кто-то обращается:

– Где бабуля? С ней всё в порядке?

В дверях стояла невысокая темноволосая женщина с мужской фигурой. Она пытливо осмотрела застывшую у окна Яну и задала вопрос ещё раз.

– Здравствуйте. Хозяйка вышла куда-то, а вы не Галя, случайно?

– Галя. Ты-то кто? Постоялица? – Она поставила на пол сумку и быстро выложила на стол покупки. – Давно у неё никого не было. Надолго?

Широкие ладони женщины уперлись в бока, тяжёлый взгляд остановился на растерянном лице собеседницы.

– А что? – недоверчиво поинтересовалась Яна. Ей не понравилось, как легко эта командирша перешла на «ты», хотя по виду она едва ли старше неё.

– Если надолго – будешь помогать по дому, – бескомпромиссно отрезала Галя, даже не предполагая отказ. – Обижать бабулю не рекомендую. Она за себя постоять не может, если

что, я тебя из-под земли достану.

Неожиданная и глупая угроза прозвучала на удивление естественно.

– В мыслях не было такого. Я тут на день всего, и последнее, о чём думала, – это обидеть хозяйку.

– То-то. Помоги продукты разложить. Как зовут?

– Яна.

Галина выставила на полки банки и стала распихивать макаронны. Периодически её взгляд возвращался к Яне, брови хмурились. Намеренно громко посопев, она снова пошла в наступление:

– Ты это того, о семье её не расспрашивай. Тема болезная.

Яна помимо воли заинтересовалась:

– Тогда лучше вы скажите, чтобы я случайно ничего лишнего не сболтнула.

Галина по-хозяйски налила себе чай, уселась на табурет и приготовилась к обстоятельной беседе.

– Кратко. Скоро бабуля придёт, – она выглянула в коридор и, убедившись, что разговору никто не помешает, продолжила: – Несчастливая она баба. Одна совсем на свете осталась. В послевоенные годы была семья, но там такая трагедия разыгралась. Меня тогда, ясное дело, не было ещё, люди рассказали. Её родители покончили жизнь самоубийством, а других детей похитили. Ещё говорили, что замужем она была, но тоже ничего хорошего не вышло. Муж и сын отравились грибами. Так-то.

По ходу ужасающего повествования глаза Яны расширялись больше и больше. Сколько бед свалилось на одного человека? Способно ли вообще сердце вынести столько горя?

– Ужас, – только и смогла выдавить она.

Галина выплеснула в раковину недопитый чай и направилась к двери.

– Может, потому бабуля такая сострадательная к другим. Никогда не встречала человека добрее. Пока инсульт не разбил её, она всё время кому-то помогала, собирала вещи для неимущих, организовывала всякие акции благотворительные. – Она прислушалась к шагам в коридоре и тут же нацепила неискреннюю улыбку. – Анастасия Пална, здрасте. Я вам продукты принесла и за платежками.

Хозяйка прошла в комнату и опустилась на табурет, ещё тёплый после Галины.

– Спасибо тебе. Вы, смотрю, познакомились уже. – Взгляд старушки пытливо прошёлся по застывшим лицам гостей.

Глаза Галины суетливо перебегали с предмета на предмет, щёки вспыхнули.

– Я пойду уже. Коммуналку оплачу завтра, занесу книжки.

– Платёжки на комод у вешалки, – коротко инструктировала Анастасия Павловна.

Уже в коридоре прозвучало громкое: «До свидания». Хлопнула входная дверь.

Яна поспешно покинула кухню, чтобы избежать возмож-

ной беседы с хозяйкой. Едва она вошла в съёмные комнаты, как вернулись мужчины.

– Яночка, мы провианта прикупили и кое-что из мелочевки, – Кеша поставил на диван объёмный пакет и с видом фокусника извлёк из него леопардовое покрывало. – Знаю, пошлятина, но всегда мечтал о таком.

– Симпатичное, – вяло похвалила Яна.

Демьян примостился на краю подоконника и выглянул в окно. Не поворачиваясь и ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

– Расследование никак не продвигается.

– Я даже ничего не успела объяснить, – удивилась Яна. – Ночью я видела сестру и брата хозяйки, древних, как и она. А тут узнала, что их ещё в детстве похитили, значит, призраки должны были быть детьми, а эти почему-то нет. Ещё у неё был единственный сын, который умер много лет назад. Семьи у неё нет, вообще история жуткая.

Иннокентий перестал любоваться своим пятнистым приобретением.

– Как всё это занимательно. Я трепещу.

– Давайте просто спасём ей жизнь и вернёмся в Краснодар, – Демьян подошёл к столу и принялся выкладывать продукты. – Но сначала поужинаем.

Демьян отправился в душ, а Кеша прилип к планшету, решив посмотреть пропущенный выпуск «Модного приговора¹³». Яна вышла в яблоневый сад и тут же пожалела о желании подышать свежим воздухом. С соседского двора продолжала литься песня, собаки на улице «подпевали» алкоголичке, делая мелодию еще оригинальнее и невыносимее.

Яна села на деревянную скамью под деревом и зябко поёжилась. Мокрые сумерки легли на плечи холодным покрывалом, небо очистилось от туч и выплонуло горсть звезд.

– Красивый вечер, – в тени яблони стояла Анастасия Павловна. – Я люблю этот дом и ненавижу одновременно.

Яна подвинулась, освобождая место. Она оставила странное признание без ответа. Анастасии Павловне и не требовались ободряющие реплики, только возможность очередной раз выговориться.

– Галя, наверное, вам рассказала, какая я бедная и несчастная.

– В общих чертах, – не стала отпираться Яна.

Старушка изучающе всмотрелась в её лицо и сжала рукой край фартука.

– Страшно звучит, но в годы войны я была по-настоящему

¹³ «Модный приговор» – телепрограмма о моде, стиле и красоте на Первом канале.

счастлива. Мой отец был горбун, да ещё и хромой, поэтому на фронте ему делать было нечего. Мать страдала эпилепсией, тогда её называли припадочной. Радости в этом мало, но именно из-за этого они остались в городе и жили в этом доме. У меня была сестра, чуть младше меня, брат-подросток и ещё двое малышей – брат и сестричка. Крепкая любящая семья. А потом началась жуть. Я была старшей и уже в четырнадцать работала. Тогда все, кто мог, работали. – Она замолчала, справляясь с эмоциями, и спустя минуту снова заговорила: – Их похитили. Кто и зачем – непонятно. Кому нужны были дети в тяжёлые послевоенные годы? Для чего? Родители не оправились от этого горя. Однажды я вернулась домой и не застала их. Искала, звала, никто не отвечал. Нашла я их вечером, когда пошла за дровами в сарай. Они повесились.

– Мне очень жаль, – произнесла Яна банальную фразу.

– Дело давнее, просто в старости только и остается, что вспоминать. К сожалению, приятных и тёплых воспоминаний мало.

Заунывная песня за забором неожиданно стихла, отчего тишина показалась слишком глубокой, словно пропал слух. Яна привстала, пытаясь разглядеть в пяточке освещённого фонарем крыльца пьяную певунью, но та оказалась намного ближе. Круглое лицо прижалось к сетке, и уродливые вмятины исказили его черты.

Соседка сморщилась и смачно сплюнула прямо под ноги Анастасии Павловне. Потом громко рассмеялась, демон-

стрируя редкие зубы, и запела строчки из песни, которая ознаменовала приезд в этот мрачный дом:

*А ночью по лесу идет Сатана
И собирает свежие души.
Новую кровь получила зима.
И тебя она получит,
И тебя она получит...*

Яна невольно отшатнулась от пророчествующей соседки. Анастасия Павловна невозмутимо пожала плечами.

– У неё не в порядке с головой. Но она безобидная, – она тяжело поднялась, опираясь на трость. – Я пойду. Поздно уже.

Яна поспешно вскочила.

– У вас случайно нет чего-нибудь от давления. А то скакнуло вверх. Наверное, потому и голова разболелась.

– Пойдём в дом, – коротко ответила старушка, осторожно пробираясь по неосвещённой тропинке к дому.

На кухне Анастасия Павловна села на табурет и пристроила свою трость у окна.

– Погляди на холодильнике в коробке из-под обуви.

Яна послушно достала яркий объемный ящик с обтрёпанной крышкой и поставила на стол перед хозяйкой.

Пытливый взгляд Анастасии Павловны остановился на руках квартирантки, суетливо терзающих край футболки.

– Какое лекарство вы обычно пьёте?

Яна растерялась и не сумела это скрыть.

– Обычно? Обычно не пью. По-разному бывает. Я вообще здоровая, но давление иногда скачет. А вы чем лечитесь?

Старушка открыла коробку и принялась перебирать пузырьки и блистеры с таблетками.

– Раньше пила верапомин или нифекипин, Галя посоветовала попробовать новое – меторидин, – она достала тёмный пузырёк и прищурилась, пытаясь разглядеть название. – А вот он. Недавно купила, ещё не пила.

Яна взяла лекарство опасно, словно паука, и вслух прочитала название:

– Методрин¹⁴, – развернув инструкцию, она быстро пробежала глазами по мелким буквам и судорожно вздохнула. – Это не меторидин. Это другое, противоположное ему лекарство, если принять его при высоком давлении, может произойти инфаркт или инсульт.

Лицо Анастасии Павловны вытянулось, руки задрожали.

– О Боже...

Яна встала и выкинула опасные таблетки в урну. Немного помедлив, положила ладонь на вздрагивающее плечо пожилой женщины.

– В аптеке, наверное, ошиблись. Вы же знаете, какие почерки у врачей, им бы шифровки передавать.

Анастасия Павловна слегка развернулась и проводила

¹⁴ Такого лекарства не существует.

взглядом роковой пузырьк. Её морщинистая сухая ладонь накрыла руку Яны.

– Как после этого не верить в божий промысел? Вас совершенно точно Бог послал. Значит, нужна я ещё на этой земле, рано мне ещё червей кормить.

Яна неловко высвободила кисть и отступила к двери.

– Хорошо то, что хорошо кончается. Я пойду. Спокойной ночи.

Вернувшись в комнату, Яна устало опустилась на диван и закрыла глаза. Она ожидала наступления состояния тёплого счастья и спокойствия, как обычно бывало, когда туманный сон заканчивался спасением человека. Но в этот раз ощущения оказались смазанными и нечёткими, к тому же голова на самом деле разболелась. Из смежной комнаты доносилось равномерное похрапывание. Мужчины не стали дожидаться её и уснули в персональной берлоге.

Яна быстро приняла душ и закрылась в своей каморке. Сон бродил рядом, то накатывая дрёмой, то отступая, словно морская волна. В голове ворочались неприятные мысли, перед глазами всплывал оживленный воображением рассказ Анастасии Павловны. Яна боялась представить, в какую чёрную бездну погружается человек, потерявший столько родных людей. Несмотря на то что спасти никого уже было не нужно, ощущение надвигающейся угрозы и чужого взгляда никуда не делось, наоборот – усилилось. Любой шорох или скрип вызывали животный безотчётный страх, покрывая ко-

жу липким потом.

Поворочавшись на продавленном диване почти час, Яна накинула кофту поверх футболки и достала из сумки верное средство успокоения – травматический пистолет. Тяжесть оружия в ладони создавала иллюзию безопасности.

Вернувшись в общую комнату, Яна села на диван, подбрав под себя ноги, пистолет положила на подлокотник, чтобы в случае опасности легко дотянуться. Дневные звуки стихли, ночь приклеилась к окну, словно смола. Яна с изумлением обнаружила, что слышит, как шуршит листва. Тени от деревьев легли на пол, сплетая жутковатое чёрное кружево, картинка с каждым дуновением ветра менялась, предлагая воображению самому определиться, что это: жуткая рожа или огромный паук.

На круглом столике в лунном свете поблескивала пузатая бутылка и стопка пластиковых стаканчиков. Кеша не ограничился леопардовым пледом и прикупил любимый виски. Он всячески пытался соответствовать образу утончённого аристократа, а потому вечерняя порция виски со льдом должна была приблизить его к состоятельным британцам.

Яна не то чтобы ненавидела алкоголь, просто её желудок не дружил с крепкими напитками. Вместо приятного охмеления и лёгкости она получала тошноту и головную боль.

Она передвинулась по дивану к столику и, приподнявшись на колени, взяла бутылку.

– Лучше разбавлять.

Яна вздрогнула, пальцы скользнули по холодному стеклу, едва не упустив бутылку.

Демьян подхватил сосуд и вернул на столик.

– У Кеши дурной вкус, – он осторожно опустился в кресло напротив и выпрямил ногу. – Кошмары?

Он не выглядел сонным, к тому же был полностью одет, только рубашку не заправил в брюки.

Яна снова поджала обнажённые ноги и устроилась на диване.

– Я думала, это вы автор храпа.

Тени в уголках губ Демьяна сдвинулись, обозначая улыбку, только в неярком свете луны она выглядела скорее зловещей.

– Я тоже так умею.

– Значит, основная мечта ваших женщин – выспаться.

Демьян хмыкнул и скрестил руки на груди.

Яна натянула кофту на колени, пытаясь укрыться от сквозняка, и снова посмотрела на Демьяна, он не отводил от неё изучающего пристального взгляда.

– Расскажите о себе.

Яна раздражённо тряхнула головой.

– Да вы обо мне больше можете рассказать, чем я сама.

– Могу, – легко согласился Демьян, – просто соблюдаю правила вежливости.

Она нетерпеливо заёрзала и спустя некоторое время осмелилась спросить:

– Ну и что вы думаете обо мне? Только честно.

– О честности могли бы не просить. Это как раз и несложно, – медленно начал Демьян, – вы были замужем, но недолго, несчастливый брак. Мозоли на ладонях, мышцы в тонусе – регулярные занятия в тренажёрном зале и, скорее всего, какие-нибудь единоборства. Практичность – основная черта, об этом говорит удобная одежда, обувь на низком каблуке и отсутствие длинных ногтей. Эмоциональность соседствует со сдержанностью. В качестве хобби – рисование, вышивка, чтение книг, стрельба, иностранные языки и ещё целый букет не таких явных. Разнообразие увлечений говорит о непостоянстве и быстрой смене предпочтений. Жесты нарочито сдержанны и замедлены. Когда вы уверены, что никто не смотрит, – суетливы, даже хаотичны. Холерик с жёстким воспитанием. Постоянно ведёте внутренний монолог, чтобы не озвучивать большинство своих мыслей. Энергию выплёскиваете через физическую активность, отсюда разнообразие именно спортивных навыков. Вы явно из тех, кто плачет над фильмами и книгами, и влюбляется в вымышленных персонажей. Потрясающе приспособливаетесь к любым условиям.

Яна широко улыбнулась и расслабилась.

– Это всё? Ничего шокирующего или неприятного.

Демьян наклонился вперёд, крепко сжал уцелевший подлокотник кресла. Его цепкий взгляд сковал собеседницу.

– Это только малая часть. Я ведь не беспристрастный судья, оттого и не хочу обидеть.

– Что вы хотите этим сказать? – Яна тоже подалась вперёд.

– Не стройте из себя дурочку, вы прекрасно понимаете, о чём я говорю. Неужели так важно это озвучить?

Яна резко отклонилась назад и встала. Сделав решительный шаг вперёд, неожиданно замерла напротив собеседника.

– С вами неприятно говорить, вы грубый и слишком прямолинейный. Поверьте, я к вам не питаю никакой симпатии.

Демьян сдвинулся на край кресла. Одним резким движением он притянул Яну за руку. Она слегка пошатнулась и замерла, касаясь ногами его коленей. Под тёплыми пальцами Демьяна кожа на запястье слегка покалывала.

Не отрывая внимательного взгляда от Яны, он притянул её ещё ближе и провёл ладонью по обнажённой ноге, рука медленно скользнула по бедру, поднимаясь выше, приподняла край футболки, пальцы принялись рисовать замысловатые узоры на коже. Несколько минут Демьян молча наблюдал за реакцией Яны на его ласку. Когда она отвела взгляд, он отклонился назад, но запястье не отпустил.

– Карина думает, что я ничего не знаю о любви. На самом деле всё примитивно. Математика уровня пятого класса сложнее, чем эта банальная биохимия. Зрачки расширены, пульс тарыхтит, как отбойный молоток, видно даже сквозь кожу, дыхание участилось, губа прикушена, – спустя секунду добавил: – Тебя выдает твое тело.

Яна раздражённо фыркнула, пытаясь скрыть подступившую к горлу обиду. Она заметила внезапный переход на

«ты», и это ещё больше разозлило. Опустив взгляд ниже, она ехидно ухмыльнулась.

– Тебя тоже.

– Это просто физическое возбуждение, не больше.

Яна высвободила запястье из цепких пальцев Демьяна и отступила от кресла на пару шагов.

– С чего ты решил, что у меня не физиология, а нечто большее?

Не дожидаясь ответа, она обошла Демьяна и, скрывшись в своей камере, плотно прикрыла дверь. Через несколько секунд Яна вспомнила, что забыла на диване пистолет. Придётся возвращаться и смазать эффект своего красивого гордого ухода.

Демьян неподвижно сидел в кресле и даже не смотрел в её сторону. Только коснувшись ручки двери, она услышала за спиной дружелюбное пожелание спокойной ночи.

12 глава. Пожар

Яна шла по длинному коридору с мягкими жёлтыми стенами, под ногами хрустела стеклянная крошка, хотя ни одного разбитого окна не было на сотни метров в обе стороны. Прямо из пола росли люстры с пластиковыми плафонами в виде нарциссов. Сначала послышался шорох, затем замигал свет. Впереди, в глубине коридора, возникла чёрная точка. Казалось, до неё бесконечно далеко, но приближалась она с поразительной скоростью.

С каждым метром паника Яны увеличивалась. Точка преобразовалась в размытый контур огромного монстра, а за несколько шагов оформилась в гигантского носорога. Животное резко остановилось, его рог навис над головой Яны всего в паре сантиметров, глухое рычание прозвучало над самым ухом. Носорог открыл рот – и оттуда хлынула кровь, неестественно красная и густая. Не успела Яна опомниться, как уже плавала в этой бордовой тягучей жидкости, а животного и след простыл. Руки вязли в кровавом сиропе, держаться на поверхности становилось всё труднее.

Стараясь не захлебнуться, она подняла лицо вверх и набрала полные лёгкие воздуха. Зажмурилась и тут же открыла глаза. Ни коридора, ни кровавого моря не было. Яна сидела в центре круглого цветка с мясистыми фиолетовыми лепестками, цветок казался огромным как диван и источал тошно-

творный запах гнили. В нескольких метрах от жуткого растения клубился туман. За несколько секунд размытые образы превратились в стариков. Это были знакомые призраки из предыдущего сна. Кудрявая пожилая дама шевельнулась первой и оглядела поляну. Наткнувшись взглядом на Яну, она подбежала к ней и затараторила:

– Спаси деток. Около железнодорожных путей в погребе дома заперты похищенные дети. Они умрут от голода, если ты ничего не сделаешь.

– Назови адрес, – громко попросила Яна.

– Улица Садовая, первый дом.

– Что за дети, как их зовут?

Призраки не успели ответить. Первым растворился старик за спиной говорившей, и уже через секунду растаяла и она.

Яна зажмурилась, ожидая окончания сна, и почти сразу почувствовала толчок в грудь. Когда она открыла глаза, перед ней предстала унылая узкая комната. Судя по яркому свету, льющемуся из окна, утро уже не было ранним. Яна вскочила и, натянув кофту, выбежала из комнаты. На диване с планшетом на коленях расположился Иннокентий. Увидев Яну, он приветливо улыбнулся и хотел пожелать доброго утра, но она его опередила:

– Где Демьян?

– Чай заваривает на кухне, – озадаченно пролепетал он.

– Позови его, – отдав распоряжение, Яна возвратилась в

свою каморку и быстро оделась. Когда она вернулась в общую комнату, Демьян и Кеша ждали её на диване.

– Мне приснился сон. Нужно спасти детей, запертых в погребе. Дом рядом с железнодорожными путями.

Из дома они буквально выбежали, едва не перетоптав спящих под ногами котом.

Яна заняла место рядом с водителем и, крепко сжав пальцы на рукоятке пистолета, прокричала адрес. Наученный недавней ошибкой, Демьян сразу воспользовался интернетом и нашёл нужный дом. В дороге Кеша молча сопел, давя педаль газа. Демьян, словно статуя, застыл на кресле.

– Если кто-то похитил детей, тут нужно полицию вызывать. Одного пистолета может оказаться мало.

– Вызовем на месте, – отмахнулась Яна, не отрывая взгляд от петляющей дороги.

Через несколько поворотов грунтовка легла вдоль железнодорожных путей, у крайнего дома машина затормозила. Яна первой покинула салон и схватилась за ручку калитки. Но не успела она открыть её, как услышала взволнованный голос Демьяна за спиной.

– Это не тот дом. Смотри номер. Второй!

Яна отступила и нашла взглядом табличку, на ней действительно красовалась двойка.

– Но он же крайний! – Она растерянно оглядывалась, пытаясь понять, куда мог исчезнуть целый дом.

– Успокойся, – Демьян приблизился к воротам и постучал

по ним кулаком. – Хозяева, есть кто дома?!

Через несколько минут на пороге дома показалась женщина. Она поспешно вытерла руки полотенцем, её брови недовольно сдвинулись к переносице.

– Что такое?

Демьян вплотную приблизился к забору и попытался изобразить на лице дружелюбие.

– Добрый день, мы ищем первый дом на Садовой улице.

Женщина недоверчиво оглядела странную компанию, но ответила довольно спокойно:

– Мой дом и есть первый.

Кеша остановился рядом с другом и изумлённо уточнил:

– Многоуважаемая дама, вот та табличка доносит до нас немного другую информацию.

Женщина оглянулась на номер дома и пожала плечами:

– Дом второй. Но он первый на улице.

Яна нетерпеливо топталась на месте, но в разговор не вступала, её взгляд скользил по многочисленным пристройкам, рука, сжимающая пистолет, слегка подрагивала.

Лицо Демьяна снова скривилось в подобии улыбки.

– Странная нумерация.

Женщина перекинула полотенце через плечо и медленно разъяснила:

– Сразу за моим домом улица изгибается, почти за двором, рядом с дорогой, и находился первый дом. Он сгорел года три назад, сейчас на том месте только поляна, заросшая

травой. Даже фундамента не осталось, строение было старое, саманное.

– А подвал был?

– Какой подвал? Я же говорю, дом старый, саманный.

Яна отступила к машине и растерянно покачала головой. между двором и дорогой находилась широкая поляна, заросшая сорной травой, в нескольких местах поверхность земли вздымалась небольшими пологими холмами, но ни следа от сгоревшего здания не осталось. Она прошла вперёд и устало опустилась на траву, не обращая внимания на обильную росу, пропитавшую джинсы.

– Раньше такое случалось? – Голос Демьяна словно пробивался сквозь вату, с усилием доходя до сознания Яны.

– Такое?

Она внимательно рассматривала протянутую к ней ладонь, не понимая, что делать с рукой Демьяна. Он наклонился и взял Яну под локоть, рывком поставил на ноги.

– Призраки раньше ошибались?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Я не понимаю. Дом сгорел три года назад, никаких детей тут быть не может. – Она послушно побрела вслед за Демьяном, не отпуская тёплую ладонь.

Иннокентий ждал у машины, постукивая каблуком о колесо.

– Изволили явиться. Что далее?

Демьян открыл перед Яной дверцу и глянул на друга по-

верх стекла.

– Возвращаемся в дом с привидениями.

Пока Яна принимала душ, друзья сервировали простенький завтрак в общей комнате. Хозяйка предлагала поесть на кухне, но Демьян не смог пересилить ощущение гадливости от неряшливой комнаты, а вездесущие коты его раздражали. Поставив чайник, он принялся искать чашки.

Анастасия Павловна недоверчиво поглядывала на высокого неулыбчивого гостя и отворачивалась. Наглость и уверенность, с которой он хозяйничал на кухне, вызывали в ней неприязнь. Демьян же спокойно вымыл кружки и даже попросил соду, чтобы оттереть годовые кольца от чая. Вернувшись в комнату, он обнаружил Яну в кресле, а друга – у окна с зеркальцем. Кеша старательно ловил удобный ракурс, чтобы придать своей причёске привычный лоск.

Демьян поставил кружки на столик и сел на диван.

– Хозяйка какая-то подозрительная и напряжённая.

– Несчастливая женщина. Неудивительно, что она ко всем относится с подозрением.

Кеша уложил чёлку гелем и удовлетворенно зацокал языком.

– Её нужно на «Модный приговор» – и будет вполне себе симпатичная бабуленция.

Демьян отхлебнул глоток чая и задумчиво пробормотал:

– Она так смотрит на меня, будто я её собаку пнул.

– Скорее, кошку, – Кеша сел на диван и закинул ногу на ногу. – Отчего все одинокие дамы – кошатницы? Так и рождаются кошмарные стереотипы.

Яна рассеянно разглядывала рисунок на деревянном столике, пока он не расплылся перед глазами. Словно на трёхмерной картинке выпукло выступили тёмные линии, причудливо переплетённые в странный символ. Она тряхнула головой.

– Эти призраки уже приходили ко мне. Мы приехали в Славянск по их просьбе, и Анастасии Павловне действительно угрожала опасность. В эту ночь они ошиблись, причем сильно. Мне не даёт покоя мысль, что привидения перепутали адрес и дети действительно где-то умирают.

Демьян отставил чашку в сторону и решительно заявил:

– Я думаю, нужно задержаться в этом городе и дожждаться следующего сна.

Кеша подпрыгнул на диване, по-бабьи всплеснув руками.

– В этой пещере доисторической? Тут ещё телевидение не изобрели! И тихо обречённо добавил: – Я тут и дня не протяну.

Яна вздрогнула от прикосновения сквозняка к затылку и твёрдо сказала:

– Не проходит ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я почти уверена, что сон будет уже сегодня ночью.

Демьян собрал грязную посуду на поднос, но не отнёс его на кухню, а вручил Яне.

– Собирайтесь, познакомимся с городом. Делать всё равно нечего.

Больше всего времени на сборы понадобилось Иннокентию. Он отказывался покидать дом, пока все детали костюма не будут идеально подходить друг другу и его настроению. Яна как обычно надела джинсы, накинула куртку и удручённо заметила, что и Демьян выглядит намного изысканнее её. Последнее время она мало обращала внимания на свой внешний вид, но сейчас впервые за долгое время захотелось вызывать в мужчинах не безразличие, а интерес. Разозлившись на саму себя за неуместные мысли, Яна быстро стянула волосы резинкой и выбежала на улицу.

Сегодня осень выглядела красивой. Жёлтые и красные цвета перемешались, словно стекляшки в детском калейдоскопе. По-летнему голубое небо отражалось в гладких, как стекло, лужах. Ветер наконец-то утих.

Яна не привыкла к такому количеству свободного времени. Тело требовало физической нагрузки, а руки – срочно чем-нибудь их занять. Кеша тоже нервничал и постоянно висел на телефоне, только Демьяна не волновало вынужденное бездействие.

Оставив машину на стоянке, компания направилась в центральный парк. Демьян подышал свежим воздухом около десяти минут и решительно заявил:

– Тут рядом музей и картинная галерея. Вы как хотите, а я немного приобщусь к культуре, альтернативы всё равно нет.

Кеша даже не оторвался от телефона, неопределённо махнул рукой и продолжил препирательства с невидимым собеседником.

Яна опустилась на скамейку и закрыла глаза.

Она поняла, что задремала, только когда из сна её вырвал мужской голос:

– Первейший способ скоротать время – устроить вояж по магазинам. Где-то в глубине вас спряталась женщина, – Кеша внимательно оглядел одежду Яны, – очень глубоко. Так вот, эта невольная затворница не может не любить такие мероприятия.

– Не хочу. Не собираюсь тратить жизнь на вещи, которые мне неинтересны.

Мужчина сел рядом и заглянул в лицо Яны.

– Демьяну нравятся женщины.

Яна недоумённо взглянула на Иннокентия.

– Надеюсь, что так.

– В классическом понимании этого слова. Женственный силуэт, длинные волосы, томный взгляд, плавные жесты. Вы ему нравитесь, и это странно. Я ведь знаю его с отрочества. Он никогда не отклонялся от определённого типажа.

Яна заинтересовалась.

– Давно знаете? Расскажите о его брате.

Кеша закинул ногу на ногу, поправил манжеты, отряхнул

брюки от несуществующих ворсинок, намеренно растягивая паузу.

– Его брат был замечательным. Редко в одном человеке совмещается столько добродетелей. Демьян его обожал. Наверное, вы заметили, к людям он очень строг и критичен, но брат для него был небожителем. Глеба все любили. Под его обаяние попадали даже собаки. Кажется, на него даже голуби никогда не гадили. Не представляю, как описать его. Бывают такие люди, которым много дано: таланты, внешность, удача.

Яна нахмурилась:

– Демьян, наверное, ему завидовал?

Кешу несказанно удивил этот вопрос.

– Никогда. Он его боготворил. Между ними не было соперничества. Вы не сравнивайте Демьяна с большинством людей. Он чужд надуманных комплексов и обычных пороков. Он любил брата, потому что тот был по-настоящему хорошим человеком.

– Как он умер?

Плечи Кешы ссутулились, он опустил голову и мрачно пробурчал:

– Разбился на мотоцикле.

В памяти Яны тут же всплыл образ из сна. Даже после смерти Глеб старался помочь брату. Она была единственным ребёнком в семье и поэтому едва ли могла представить привязанность, о которой говорил Иннокентий.

Немного помедлив, она задала ещё один вопрос:

– Демьян был женат?

Кеша слегка улыбнулся:

– Нет. С людьми он сходится проблематично и долго.

Яна неожиданно разозлилась:

– Ваш друг просто хам. Не умеет общаться, и ему совершенно всё равно, какое впечатление он производит на окружающих. Его не волнуют мысли и чувства других людей, а его привычка говорить правду всегда и везде, даже когда это неуместно или обидно, – простое ребячество и выпендрёж.

Кеша изумлённо приподнял одну бровь:

– Эко, вас зацепило.

Яна резко вскочила.

– Отвезите меня обратно, кажется, я нагулялась.

Кеша не стал спорить. По пути позвонил Демьяну и предупредил, что ему придётся добираться на такси.

Едва машина остановилась у ворот, Яна покинула салон, но в дом заходить не стала. Она обошла здание и села на скамейку под яблоней. Только сейчас Яна обратила внимание, что ни на одном дереве нет плодов – судя по всему, яблони давно не плодоносят. На земле не валялись даже гнилые или маленькие яблочки, только жухлая листва.

За сетчатым забором возилась соседка. Сегодня она не орала пьяные песни и выглядела почти вменяемой. Заметив Яну, старушка поставила грабли и нависла над хлипким забором.

– Девка, подь сюды.

Яна нехотя поднялась и приблизилась к сетке между участками.

– Здравствуйте.

Старушка заговорщически огляделась и поманила пальцем, заставляя наклониться ниже.

– Ты того, грибы не ешь. Отравит ведьма проклятая, она деточек кушает. И кошек её проклятущих гоняй, всюду уши. На реку не ходи – водяной утянет, а коли в подвал пойдешь – сатана твою душу выпьет.

Яна устало потёрла висок.

– Это всё? – не дождавшись ответа, развернулась и ушла в дом.

В коридоре пахло выпечкой, кошки сидели вдоль стены смиренно, как солдаты на построении, и ожидали угощение. Из-за двери кухни выглянула Анастасия Павловна. Увидев Яну, она помахала полотенцем.

– Заходи-заходи, чаю вместе попьём.

Яна чуть приостановилась, но потом решительно направилась на кухню.

– Ух ты, у вас тут пироги!

На столе красовался круглый каравай с плетёной косичкой.

– С грибами и картошкой. Любишь такое? – Анастасия Павловна широко улыбнулась, но, увидев напряжение на лице собеседницы, обиженно надула губы. – С Максимовной, небось, говорила?

Яна кивнула, догадавшись, что у злобной соседки такое отчество.

– Говорила.

Анастасия Павловна устало вздохнула и села за стол.

– Дай-ка угадаю: она поведала, что я отравила грибами своего мужа и сына и тебя тоже отравлю.

– Вроде того, – нехотя согласилась Яна.

– Это каким же образом магазинные шампиньоны нужно приготовить, чтобы они стали ядовитыми? – натянута засмеялась старушка. – Надоела она мне уже своими рассказнями. Раньше в милицию всё писала, что я отравительница и ведьма, а теперь стала моих квартирантов запугивать.

Яна налила в кружку чай и задумалась.

– За что же она вас так не любит?

Анастасия Павловна поспешно отвернулась, пряча мокрые глаза.

– Я у неё мужика увела. Толик мой за ней ухаживал, а потом на мне женился. Сердцу не прикажешь, как говорится. Максимовна до сих пор на меня зуб точит.

Яна задумчиво покрутила в руках кружку.

– Не прикажешь, к сожалению.

Хозяйка подпёрла руками подбородок и горестно простонала:

– Что ещё она говорила? О том, что я людоедка и детей консервирую? Это вообще её любимая страшилка.

– Что-то такое и правда сказала. Жуть.

Яна допила чай и сосредоточенно водила пальцем по ободку чашки. Она боролась с двойственным чувством: любопытство подстегивало разузнать ещё что-нибудь, но необъяснимый страх советовал прекратить расспросы.

Анастасия Павловна следила за сменой выражений на её лице, по-птичьи наклонив голову. Её глаза увлажнились, слеза прочертила дорожку по морщинистой щеке.

– Я всегда хотела большую семью. Думала, нарожаю ребятшек и смогу перекрыть все те смерти, что постигли меня в юности. Нас у матери было пятеро, а она хотела ещё детей. После рождения моего младшего братика Кости год за годом на нашу семью обрушивались несчастья. Новорождённые умирали в младенчестве, и ни один врач не мог понять почему. Представь, что творилось в те годы: разруха, голод, даже взрослому тяжело было выжить. Я устала хоронить своих братьев, – слезы потекли по щекам старушки, закапали на грязную клеенку. – А потом в течение недели я лишилась всего. До сих пор не могу простить родителей.

Яна сдвинулась вперёд и даже протянула руку, но опять, как и в прошлый раз, остановилась на полпути и положила ладонь на стол. Она не знала, что сказать, любые выражения сочувствия выглядели бы неестественно и попросту сотрясали бы воздух.

Анастасия Павловна вытерла щёки замусоленным полотенцем и натянуто улыбнулась.

– Если хочешь, возьми пирог, угости ребят.

– Спасибо. Я позже за ним вернусь.

Яна быстро вышла из кухни, в коридоре наступила на пару разноцветных хвостов и с облегчением захлопнула за спиной дверь. С каждой минутой ей всё сильнее хотелось покинуть этот жуткий дом. Здание насквозь пропиталось бедой, а его хозяйка была эпицентром печали. Горе буквально въелось в фундамент, отравляло воздух внутри комнат и оседало на коже терпкой пылью.

Накинув куртку, Яна снова покинула здание. Побродив по двору, она вышла на улицу и прижалась спиной к деревянному забору. Шершавые дощечки ещё хранили тепло, хотя солнце оставило после себя только узкую красную полосу на небе. Яна прикрыла глаза и вслушалась в окружающие звуки. С соседнего двора снова доносилось пение, на скамейке напротив шушукались две девушки, где-то за спиной мяукали кошки. По дороге зашуршали колеса машины, хлопнула дверца.

– Хватит уже от безделья страдать. Займите руки, успокойте нервы.

Яна открыла глаза и увидела, что Демьян протягивает ей книгу.

– Мы опять на «вы»? – Она взяла книгу, не касаясь пальцев собеседника, и прочитала вслух: – «Искусство оригами». Спасибо, что ли.

– Я чувствую дистанцию, что вы держите. Такое обращение будет удобнее, – он сделал приглашающий жест рукой. –

Я ужин привез, избавлю вас от необходимости демонстрировать кулинарные навыки.

– Надеюсь, не грибы?

Демьян удивлённо приподнял брови.

– Нет. Японская кухня вас устроит?

Яна кивнула и, отлепившись от забора, пошла в дом.

Кеша сидел у окна и, сосредоточенно поглядывая в складное зеркальце, выравнивал пинцетом линию бровей. Из планшета, лежащего на подоконнике, лилась приятная мелодия. Увидев друга, он отложил инструмент в сторону и обрадованно воскликнул:

– Ну, наконец-то! Сколько можно приобщаться к местной культуре? – Он принялся к аромату, вплывшему в комнату, и его улыбка натянулась до предела. – Японский бог!

Яна устроилась на диване с ногами и спрятала кисти в рукава.

– Тут такие сквозняки. Ноги мёрзнут, будто по колено в снегу хожу. Как Анастасия Павловна только не мёрзнет?

– Она кошками укрывается, – Демьян быстро и умело, как могут только закоренелые холостяки, сервировал столик. – Прошу к столу.

Ужин прошёл почти в полном молчании. Напряжение между Демьяном и Яной ощутимо висело в воздухе, сдабривая еду, словно приправа. Кеша поглядывал на них и нарочно весело делился впечатлениями о Славянске. Демьян даже не пытался вежливо поддерживать разговор, прикончил

свою порцию и откинулся на спинку кресла.

– Нужно поставить чайник.

Яна не сдвинулась с места, только ожесточённо нанизала последний ролл на палочку, как на шампур, и отодвинула тарелку.

Кеша обречённо вздохнул.

– Я поставлю.

Вернулся он через полчаса и даже не удивился, что его спутники сидели точно в таких же позах и не проронили ни слова.

– Эти кошки меня в гроб загонят. Ходят за мной, словно я котлета с гарниром, и зыркают, будто готовы напасть и раскарябать мою безукоризненную личность.

– От тебя пахнет роллами. Кошки тоже ценят японскую кухню. – Демьян подошёл к окну и уставился на голые ветви деревьев. Ветер доносил прерывистую грустную песню с соседнего двора.

Кеша пожал плечами.

– Кошки – это ладно. Соседка тут вообще баба колоритная. Опять проходит домашнее прослушивание на «Минуту славы¹⁵». Завывает, аж кровь стынет.

– Она ненормальная. Предостерегала меня от водяного в речке и от сатаны в подвале, – вспомнила Яна. – Вы как хотите, а я пошла спать.

¹⁵ «Минута славы» – шоу талантов, где любой человек может показать свои уникальные способности.

Она взяла книгу, подаренную Демьяном, и направилась в свою каморку.

Кеша проводил её задумчивым взглядом:

– Восемь часов как бы.

– Она спать не собирается.

В едва закрытую дверь с обратной стороны ударилось что-то тяжёлое.

Демьян удовлетворённо улыбнулся:

– Ей понравился мой подарок. Использовала не по назначению, но нервам помог.

Яна села на диван и укрылась пледом. Её взгляд бродил по узкой комнате и постоянно натыкался на книгу у двери. После нескольких минут внутренней борьбы она резко встала и подняла книгу. Сначала лениво перелистала страницы и отложила подарок в сторону. Раздражённо фыркнула и быстро, чтобы не передумать, снова протянула руку к подарку.

Уже через несколько минут её пальцы увлечённо гнули бумагу, пытаясь создать существо, хотя бы отдалённо напоминающее жабу. С третьей попытки из листа родился аист. Теперь Яна не могла остановиться. Через два часа кровать усеяли бумажные создания разной степени корявости. Яна безжалостно смяла неудачные экземпляры оригами, оставив только зайца и журавля, и прислушалась к тишине за дверью. Двадцать минут назад мужские голоса стихли, а планшет перестал монотонно бубнить.

Яна заглянула в общую комнату и, убедившись, что та

пуста, направилась в душ. Выйдя из него, она поёжилась: сквозняк не забыл приласкать обнажённые ноги. Укутав влажные волосы полотенцем, Яна накинула кофту и пошла на кухню. Коты бродили за ней по пятам, ластились к ногам и жалобно выпрашивали то ли еды, то ли внимания. Яна вскипятила воду и с кружкой горячего чая вернулась в общую комнату. Одно из самых настырных животных попыталось протиснуться вслед за ней, но она выдворила его и захлопнула дверь.

В свою каморку Яна возвращаться не стала, устроилась на диване, укутав ноги пледом. Тени деревьев снова легли на пол, побуждая продолжить вчерашнее ночное угадывание. В этот раз подвижные пятна сложились в кисть с растопыренными пальцами, слегка передвинулись и нарисовали лицо, искажённое криком. Яна вздрогнула и прижала кружку к животу.

Шаги за спиной не стали неожиданностью, но всё-таки напугали.

– Давно вы меня ждёте?

– Чай ещё не остыл, – не поворачиваясь, ответила она.

Демьян обошёл диван и расположился в кресле напротив.

– Вы сегодня без оружия?

Яна приподняла плед и продемонстрировала пистолет рядом с бедром.

Он скользнул взглядом по тёмному силуэту оружия.

– Я не пытался вас обидеть. Вчера вы, возможно, непра-

вильно меня поняли. Просто хотел быть честным, – он слегка наклонился вперёд, – может, на «ты»?

– Вам нужно мое разрешение? – Яна отставила кружку в сторону и подтянула плед.

Демьян молча рассматривал Яну. Его прозрачные глаза блестели в темноте, губы сжались в напряжённую линию.

– Я хочу вам помочь. Ваши страдания мешают вам наслаждаться жизнью, вы живёте в прошлом, в то время как настоящее проплывает мимо мутной пеленой.

Яна раздражённо выдохнула, пальцы сжали край покрывала.

– Давай договоримся: всю свою психологическую хреновеньку оставь в институте. Я не твоя пациентка.

– Выражение «Нужно выговориться – станет легче» имеет под собой научное обоснование. Если горе остается внутри неозвученным, оно растёт и пухнет, разъедая сердце, как невидимая болезнь. Слова легковесны, облечённая в них беда утекает наружу, снимая давление. Это правда.

Яна дёрнула подбородком и стиснула зубы, мешая подступившим словам прорваться наружу.

Демьян сдвинулся на край кресла и дотянулся до её сцепленных пальцев. Она вздрогнула, но руку не вырвала.

– Расскажите о своём ребёнке, – он попытался поймать её взгляд.

– Я не могу, – сдавленно прошептала Яна. – Не просите. Это слишком больно.

Повисла пауза, заполняемая шумным дыханием.

Демьян на мгновение задумался и решительно произнёс:

– Иногда я разговариваю с Глебом, как будто он рядом. И даже сам за него отвечаю. Он даёт мне советы, очень дельные советы. Сегодня он посоветовал быть с вами помягче.

Яна натянуто улыбнулась:

– Да ты псих.

Демьян смахнул волосы со лба и продолжил нарочито веселым голосом:

– Он всё умел, и всё у него получалось. Бездна талантов и море обаяния. Я всегда знал, что родители любят его больше. Самое странное, что я относился к этому как к должному. Потому что он был лучше меня. Ты бы в него точно влюбилась. Он никого не оставлял равнодушным. Я его боготворил, – он сглотнул и добавил уже не так весело: – А вот он стеснялся меня и старательно скрывал, что мы братья. Одноклассникам соврал, что меня усыновили и на самом деле я сын алкоголички и зэка. Он не унижал меня и не оскорблял прилюдно, просто игнорировал. Я ему был неинтересен. А знаешь, что меня гложет больше всего: я его сделал таким. Он с детства рос, ощущая себя центром вселенной.

– Не нужно накладывать на себя мнимую вину, – тихо отозвалась Яна.

– Она не мнимая. Дети привыкают к безграничной любви родителей и воспринимают её как привычное, иногда докучливое неудобство. А я сделал его своим кумиром и су-

масшедшим перфекционистом. Он хотел быть лучшим во всём. Любое отклонение от идеала вызывало в нём ярость, поэтому он никак не мог примириться с тем, что мы родственники. Я-то не особенно близок к совершенству.

Демьян произвольно сглотнул и отвернулся к окну. Яна попыталась поймать его уклоняющийся взгляд, она припомнила откровения Иннокентия в парке.

– Кеша знал твоего брата?

– Его никто не знал. Помнишь, я говорил об идеальных лжецах? Глеб был прирождённым актером. Он действительно мог быть кем угодно. Наверное, он сам не всегда осознавал, что примерил шкуру очередного персонажа, настолько естественно это выглядело. Я рад, что чаще других он играл роль образцового сына и лучшего друга. – Демьян на мгновение замешкался и добавил на тон ниже: – Но подлец из него также получался первосортный.

Яна замерла. Она не знала, как реагировать на такое признание. Впервые она видела этого холодного собранного мужчину таким уязвимым.

Демьян шумно выдохнул, нашёл взглядом собеседницу.

– Всё равно я никого никогда не любил больше, чем своего брата. У любого человека есть тёмная сторона, в природе не встречается чистое зло. Я ему только одного простить не могу – он охотно принимал участие в убийствах.

Яна вздрогнула. Ей показалось, что она ослышалась.

– Убийствах?

Демьян медленно кивнул.

– Догадываешься, насколько Глеб был популярным у слабого пола? Дамы сердца менялись у него регулярно. Женщины очень предсказуемы и неоригинальны в попытках удержать партнера. Пять раз, я точно знаю, он отправлял своих подружек на аборт. Он даже не думал, что это жестоко и вообще ненормально.

Яна отвела взгляд, смотреть на Демьяна стало невыносимо. В его глазах отражались призраки прошлого, искажая привычное знакомое лицо.

– Из-за этого ты назвал его убийцей?

Демьян не шелохнулся, сосредоточенно глядя на свои руки.

– Аборт – это убийство. И он был причастен к этому не меньше своих подружек.

Яна почувствовала, как по спине побежали мурашки.

– Ты так категоричен...

Демьян посмотрел на Яну, словно впервые увидел.

– Я не понимаю традиции считать возраст ребёнка от рождения. От зачатия было бы правильнее. Когда ребёнок приходит в наш мир – он уже сформированный человек. Родился он в семь месяцев или в девять – неважно, он человек, – раздельно по слогам произнёс он.

Яна почувствовала себя неудобно и заёрзала на сиденье.

– Благоразумнее предохраняться, – промычала она банальность, желая завершить неприятный разговор.

– Глеб, как и большинство мужчин, вообще не считал живым существом того, кто ещё не родился. Прочитал где-то, что до третьего месяца ребёнок называется плодом, и этим себя оправдывал. – Демьян присмотрелся к суетливости Яны и холодно поинтересовался:

– Почему ты так нервничаешь?

Яна с трудом выдержала прямой взгляд.

– Не могу с тобой согласиться. Не полностью. Бывают разные причины...

Она не успела договорить, как её перебил полный возмущения вопрос:

– Причины? Какие могут быть извиняющие причины для убийства? Я бы никогда не позволил женщине избавиться от моего ребёнка. Если бы тридцать семь лет назад моя мать нашла такие причины, я бы не сидел напротив тебя.

Яна встала и скинула плед.

– Я не хочу больше об этом говорить.

Она попыталась обойти кресло, но Демьян схватил её за кисть и потянул обратно.

– Не стоит засыпать с такими мыслями в голове.

Яна встала перед ним, остро ощущая его близость.

– Ты сам начал этот разговор. Если это такой способ ухаживания, то он просто ужасен. Ты когда-нибудь ведешь себя как нормальный человек?

Демьян отпустил ее тонкую руку и откинулся на спинку кресла, глядя на Яну снизу-вверх.

– Ухаживания? Почему женщины всё переводят в эту плоскость? Мужчины не животные, нас и другие вопросы занимают помимо секса. Но раз уж ты завела об этом разговор, будем придерживаться классической схемы. Сначала нужно пройти конфетно-букетный период.

Яна сделала ещё один шаг, на секунду замерла и резко опустила на колени напротив Демьяна.

– Ты действительно робот. Железный, бездушный.

Демьян положил руки на подлокотники.

– Возможно, это и подогревает твою симпатию.

Яна отрицательно покачала головой.

– Закрой глаза, – дождавшись, когда он выполнит её просьбу, продолжила: – Не это. Женщины тоже не животные. Ты, наверно, прав, и у нас с тобой может быть потрясающе жизнеспособное потомство, но от физического влечения я легко смогу отказаться. Мне не пятнадцать лет и даже не двадцать, на одних ощущениях любовь не построить. И если честно, ты не красавец.

Улыбка тронула губы Демьяна, но глаза он не открыл.

– Ты тоже, – он на секунду замялся, – не то чтобы некрасивая, у тебя непривычное лицо, иногда кажется, что глаза ненастоящие, кукольные. Кожа желтоватая, у русских такая бывает после болезни.

Яна фыркнула.

– Значит, физически я тебя все-таки не привлекаю.

– Только так ты меня и привлекаешь. Ты не особенно ум-

ная, не особенно честная. Обычный человек. Ну, кроме того, что ночами ты бродишь по загробному миру. Это твоя изюминка, правда, здоровенная, как чернослив.

Демьян открыл глаза и привстал на руках. Яна легко толкнула его в грудь, заставляя снова сесть.

– Дурак ты, – она быстро, будто обожглась, отдернула руку. – Не открывай глаза, я ещё не закончила.

Демьян послушно смежил веки и прислушался. До него доносилось приглушенное, едва сдерживаемое дыхание. Тонкие пальцы коснулись его волос, лба, обвели скулу, невольно тронули нижнюю губу.

– Можешь и дальше убеждать себя, что я идеальная самка для продолжения рода и не более, но я тебе интересна.

Пальцы Яны лёгкими касаниями спустились по шее к воротнику рубашки. Она медленно расстегнула три верхних пуговицы. Узкая ладонь скользнула под тонкую ткань. Сердце Демьяна ощутимо ускорило темп, на коже проступили мурашки. Яна придвинулась ближе и почувствовала на лице частое дыхание Демьяна.

Скользнув губами по щеке, Яна приблизилась к его виску и прошептала:

– Тебе со мной хорошо, ты улыбаешься.

Демьян едва заметно придвинулся, его пальцы перестали судорожно сжимать подлокотник и потянулись к Яне.

– Не трогай меня, – жёстко оборвала она движение.

Демьян нехотя положил руку обратно. Ладони Яны сим-

метрично погладили его плечи, поднялись выше и остановились. Запустив пальцы в отросшие на затылке волосы, она мягко провела рукой по его голове и замерла. Их губы почти соприкоснулись.

Демьян застыл в ожидании продолжения, но его не последовало.

– Поцелуй меня, – не выдержал он.

Яна резко отстранилась.

Опираясь на его колени, она поспешно встала и вышла из комнаты. Когда Демьян открыл глаза, дверь в узкую каморку была уже плотно притворена. Его губы непроизвольно растянулись в широкой улыбке, и он неторопливо принялся застегивать пуговицы на рубашке.

Яна проснулась внезапно, без переходов и полудремы. Привстав на локтях, она обвела взглядом тёмную комнату и прислушалась: в тишине раздавался вой. Ночь ещё висела в углах и пряталась над шкафом. Яна нащупала на подоконнике телефон и удивлённо посмотрела на экран: до рассвета оставалось около четырех часов.

Яна снова откинулась на подушку, но, почувствовав прикосновение к ноге, вздрогнула и резко села. Страх колкой рябью прокатился по спине и остановился на затылке, приподнимая волосы. Одеяло в основании кровати зашевелилось,

обозначая какой-то овальный и подвижный предмет.

Она рывком подтянула ноги к груди и выхватила из-под подушки пистолет. Пальцы судорожно сжали холодный металл, но дуло не дрожало. Горб на одеяле замер на несколько секунд и волной придвинулся ближе. Яна выпрыгнула из постели и резко откинула одеяло в сторону. Из темноты на неё смотрели немигающие жёлтые глаза. Кот лениво потянулся и спрыгнул на пол.

– Ну, ты и тварь, – зло прошипела Яна, глядя вслед удаляющемуся животному.

Она села на край кровати, голова тяжело поникла, кисти, сжимающие пистолет, свесились вниз между колен. Страх постепенно отступал, хотя кровь продолжала бурлить адреналином.

Вой усилился, но теперь к нему добавились новые звуки, словно кто-то танцует чечетку и пылесосит одновременно. Яна накинула кофту и вышла в коридор. Вездесущие коты кинулись в ноги, мешая идти, словно меховые кандалы. Она раздражённо отпихнула парочку, пугающе помахивая пистолетом.

– Кыш-кыш, пиявки лохматые.

Яне удалось пробраться на кухню и захлопнуть дверь. Опираясь на подоконник, она выглянула в окно, но соседки видно не было, да и сам источник звука находился в другой стороне. Протяжный вой, сопровождаемый дробью, доносился из этого дома.

Она оглядела комнату, взгляд упёрся в потолок и тут же опустился на пол. Её ноги слегка вибрировали в такт необычной мелодии. Яна с опаской села на грязный линолеум, положила рядом с ногой пистолет и прижала к полу кисти. В ладони, словно мелкие камешки, затарахтела дробная музыка. Что бы это ни было, источник находился в подвале.

Она медленно поднялась и отряхнула руки. Дверь в кухню скрипнула, пропуская в комнату настырных котов. Они ввалились, словно мохнатый монстр с множеством неподвижных глаз, и застыли у входа.

Яна схватила пистолет и выбежала в коридор, спотыкаясь о кошек. Только в своей комнатке она перевела дыхание. Укутавшись в одеяло, засунула под подушку руку, чтобы чувствовать оружие. В животе холодело от непривычного животного ужаса, но его источник оставался неясен. Яна не могла понять, отчего страх сотрясает её тело, а к горлу подступает тошнота. Вряд ли коты, хоть и в таком количестве, могли вызвать подобные ощущения.

Яна не заметила, как сон склеил ей веки, отгораживая стеной от иррационального страха.

Не прошло и часа, как она снова проснулась, но в этот раз не по своей воле. Едва она разлепила сонные глаза, как увидела перед собой взволнованное лицо Демьяна.

– Вставай. Горит дом соседки. Кеша уже вызвал пожарных, но огонь рядом, может и сюда перекинуться.

Дрёма слетела в одно мгновение. Яна вскочила, быстро

оделась и выбежала вслед за мужчиной. На улице было светло, но не от солнца, красные всполохи облизывали старый дом, добираясь до яблонь. Стекла треснули, выпуская наружу жадные языки пламени. Демьян взволнованно оглядывался в поисках друга. Ещё минуту назад он оставил Кешу с двумя вёдрами у колонки. Сейчас двор заполнили воюющие кошки. Они путались под ногами и орали оглушительней сотни младенцев. На крыльце соседнего дома мелькнула тень, огонь дрогнул и выплюнул новую порцию искр на ступеньки. Демьян перебрался через сетчатый забор и попытался приблизиться к горящему дому.

Яна дёрнулась вперёд и замерла.

– Ты сгоришь! Стой!

С соседних дворов бежали люди, к ору кошек добавились крики женщин, плач и громкие распоряжения подросших мужчин. Среди суматохи и шума Яна пыталась найти Анастасию Павловну. На фоне яркого огня чётко выделялась высокая фигура Демьяна, он не успел приблизиться к дверному проёму, как на пороге показался Кеша. Он двигался спиной вперёд и тащил обмякшее тело соседки. На его голову был накинут мокрый пиджак, касавшийся рукавами бесчувственного тела женщины.

Демьян кинулся к другу и помог перенести старушку через дорогу. Огонь сюда не дотягивался, но жар ощущался даже на земле. Прибитая изморозью трава подтаяла и превратилась в размокшую грязь. Яна подбежала к мужчинам

и опустилась на колени около соседки. Её ноги сильно обгорели, край юбки дымился, но лицо, не тронутое огнем, выглядело безмятежным. Веки женщины вздрогнули и приоткрылись. Мутный взгляд с трудом сфокусировался на лицах людей, губы зашевелились:

– Девять детей, – прохрипела она, глядя прямо в глаза Яне, – их было девять. Сатанистка треклятая.

Демьян перевёл озадаченный взгляд с женщины на Яну и переспросил:

– Кого девять?

Глаза старушки закрылись, вопрос она не услышала.

Улицу огласил вой сирен, скорая помощь подоспела быстрее пожарных.

Яна сидела на скамье вместе с друзьями, пока врачи не забрали обгоревшую соседку. Кеша медленно встал и побрёл к машине. Он выглядел замученным и отрешённым, но физически не пострадал. Не оглядываясь на спутников, он открыл дверцу и сел на водительское место. Его голова устало опустилась на руки, скрещенные на руле.

Демьян проводил друга хмурым взглядом и задумчиво посмотрел на свои ладони.

Яна заморожено наблюдала за огнем. Казалось, что у пламени была душа. Огонь нападал на пожарных и проворно отступал, чтобы неожиданно накинуться с другой стороны, боролся с людьми, пожирал деревянные стены и замахивался на ветки яблонь с соседнего двора.

Яна задумалась: почему она спала крепко и без снов, будто впала в безвременную тьму? Почему никто не предупредил, что человеку грозит беда? Опять это чувство безысходности. Она зябко поёжилась и поджала ноги. Пистолет упёрся дулом в изгиб бедра, но она не обратила внимания на это неудобство. Демьян не сдвинулся и не отвёл глаз от пожара, его ладонь накрыла кисть Яны, пальцы слегка сжались, словно он пытался приободрить её.

Недалеко от скамейки стояла группа женщин, они говорили громко, не нужно было даже прислушиваться, чтобы понять суть беседы.

– Спасли вроде. Чужак этот, квартирант вытащил.

– Выживет ли?

– Дай бог.

– А Павловна где?

– Так Павловна ж первая бросилась в горящий дом.

В разговор вмешался высокий мужчина с грустными запавшими глазами:

– Жизнь всё-таки штука заковыристая. Моя бабушка всю жизнь поносила соседку, обвиняла почему зря, столько кровушки ей испортила, а она... спасти её пыталась.

– Серёга, ты лучше в больницу езжай, узнай, может, что Максимовне нужно?

Мужчина кивнул и пошёл к припаркованной недалеко машине.

Разговоры внезапно стихли, головы всех присутствующих

повернулись в одном направлении. Из двора вышли врачи с носилками, на них лежала Анастасия Павловна. Её обгоревшие руки свешивались вниз, голова безвольно качалась из стороны в сторону.

Демьян резко встал, но, сделав пару шагов, замер, продолжая смотреть вслед белым халатам. Сзади бесшумно подошла Яна, её тонкая шершавая кисть коснулась его ладони, их пальцы переплелись.

– Она жива.

Демьян бросил в сторону Яны короткий взгляд:

– Надеюсь.

До рассвета они просидели в машине, наблюдая за пожарными. Пламя сопротивлялось, выхватывало деревья и заползало обратно, словно сказочный огненный дракон. Постепенно жар утих. К утру от дома остался чёрный скелет с проваленными стенами. Дом Анастасии Павловны почти не пострадал. Кирпичная стена, соседствующая со сгоревшим зданием, почернела, стекла на кухне закоптились. Ветви яблонь, ближайших к забору, обгорели до сердцевины и торчали, словно чёрные обглоданные косточки.

Кеша первый покинул салон и подошёл к распахнутой настежь калитке. Он не слышал, когда друзья догнали его и встали раздвоенной тенью за спиной. Оглядев двор, он произнёс с наигранной веселостью:

– Нам надобно покормить стадо котов.

13 глава. Альбом

Кеша накрывал на стол, напевая весёлый мотив. Его необъяснимая веселость никак не вязалась с ночными трагическими событиями. Покормив кошек, он принял душ, переделся в свежий строгий костюм и даже уложил волосы. Он сам вызвался сервировать стол и суетливо метался между комнатой и кухней, принося оттуда всё новые варианты завтрака. На столе уже разместились тарелки с гренками, омлетом и бутербродами, но, по его мнению, этого было всё ещё недостаточно. Демьян, в отличие от него, к внешнему виду подошёл не так строго. Он переделся, но бриться не стал. Впервые за время знакомства Яна увидела его со щетиной. Его подбородок словно посыпало жёлтым песком, темнеющим ближе к вискам. Поверх рубашки он надел тёмно-синий свитер, этот цвет делал его прозрачные льдистые глаза темнее.

Яна сидела на подлокотнике дивана и наблюдала за голубями на подоконнике. В её позе и жестах проявлялась намеренная беззаботность, слишком отрепетированная, чтобы быть естественной.

Когда Иннокентий решил, что еды достаточно, и ушёл за чайником, она решила на вопрос:

– С ним всё в порядке? Он какой-то странный.

– В отличие от тебя, Кеша не привык к близости смерти

и реагирует на неё совершенно по-человечески. Он её отрицает.

Яна передёрнула плечами:

– Надеюсь, все-таки о смерти речь не идет, и обе старушки выживут.

Демьян не стал дожидаться чая и, откупорив бутылку виски, плеснул в стакан янтарную жидкость. Понюхав, он скривился и протянул стакан собеседнице.

– Выпей.

Яна недоумённо приподняла брови.

– Кажется, ещё недавно ты пытался спасти меня от зарождающегося алкоголизма.

– Это не алкоголь. Лекарство от кашля. – Демьян встал и вставил стакан прямо в руку Яне.

Она не вернула стакан, но и пить не стала. Продолжала смотреть в окно, щекой ощущая пристальный взгляд.

Рука Демьяна коснулась её плеча, заставляя повернуться.

– Тебе не дают покоя слова соседки? – Его голос был ровным, но в интонации проскользнуло нетерпение.

– О детях? Она говорила «девять», но Анастасия Павловна рассказывала, что у неё было две сестры и два брата. Может, это очередной бред наряду с уверенностью в ведьмовской сущности хозяйки?

В комнату вернулся Иннокентий, в одной руке он нёс горячий чайник, в другой – вазу с конфетами.

Демьян снова сел в кресло и, дождавшись, когда его круж-

ка наполнится чаем, продолжил размышлять вслух:

– Ты с ведьмами когда-нибудь встречалась? Не думаю, что они существуют, но после твоих странных снов я и в наше-ствие НЛО уверую. Анастасия Павловна – подозрительная женщина, но на ведьму, пожалуй, не тянет.

Кеша возмущенно фыркнул и резко поставил кружку на стол, расплескав горячий чай.

– Хватит! Она при смерти лежит, а ты тут такое говоришь! – Он интенсивно жестикулировал, прерывисто дыша. – Нужно поехать в больницу и узнать, как она. Одинокая женщина, помочь ей некому.

Демьян кивнул.

– Съездим, – ему не давало покоя выражение лица соседки, когда она очнулась и увидела Яну. – Почему всё-таки де-вать?

Яна откусила большой кусок от бутерброда и потянулась за конфетой.

Демьян мягко отвёл её руку в сторону и прошептал так, чтоб слышала только она:

– Тебе нужно следить за фигурой. Мне ещё на тебя обна-жённую смотреть придётся.

Яна изумленно отклонилась назад, но попытку дотянуться до вазочки не повторила.

Иннокентий вытянул скрещённые ноги и закрылся от дру-зей планшетом, : только его рука то и дело путешествовала к вазочке с конфетами. Демьян придвинулся к нему и опустил

планшет.

– Если хочешь подтвердить, что Анастасия Павловна белая и пушистая, пройди по соседям, расспроси о ней. Сейчас это несложно. О пожаре все говорят, может, что и сболтнут.

– Вот и пойду, а тебе потом совестно будет.

Кеша нарочито медленно оправил одежду и вышел из комнаты.

Напряжение тут же заняло опустевшее место. Яна, скрепив руки, учащённо постукивала каблуком, вторя пульсу.

– Не понимаю, почему мы вообще остались в городе? Хозяйка в больнице, и наше пребывание здесь выглядит как-то странно.

– А тебе не кажется странным то, что здесь происходит? – Демьян непритворно удивился.

– Ты слишком мнительный, твоя профессия сделала тебя параноиком, – излишне весело отозвалась она.

Демьян прищурил глаза.

– Ты так не думаешь. Зачем произносить заведомую ложь? С тех пор как мы в Славянске, не произошло ни одного тривиального события. Всё странно: твои ошибочные сны, соседка с манией преследования, прошлое Анастасии Павловны.

Яна глубоко вздохнула и, глядя прямо в глаза Демьяну, сказала:

– На самом деле в судьбе каждого человека есть что-то

трагическое. В зависимости от того, как рассматривается жизнь, события видятся по-разному и акценты вины расставляются неодинаково. Вам ли не знать, – она встала. – Вы тут можете лелеять страшные подозрения, а я пойду спать.

Демьян даже не повернул голову в сторону Яны, сосредоточившись на кружке с чаем и омлете.

Оставшись в одиночестве, он не спеша покончил с завтраком и углубился в мысли. Ему никогда не было скучно в компании с самим собой, наоборот, последние дни, проведенные с другом и Яной, привели к излишней раздражительности, хотелось просто остаться в одиночестве.

Демьян сам не заметил, как соскользнул в сон – вроде бы ещё секунду назад помнил, о чём думал, и уже в следующее мгновение его разбудил телефонный звонок. Тряхнув тяжёлой головой, он пригладил волосы и встал. Перед глазами закружились искры, спина от неудобной позы занемела. Прислушиваясь к трели, он прошёл по коридору и оказался напротив спальни Анастасии Павловны. Телефон находился в её комнате. Не раздумывая, он открыл дверь и нашёл взглядом трезвонящий аппарат.

– Алло.

– Я могу поговорить с кем-нибудь из родственников Анастасии Павловны, – протяжно осведомился женский голос.

Демьян зевнул, широко открыв рот.

– Если только вы медиум, – неуместно пошутил он. – Кажется, все её родственники умерли давно.

Трубка тяжело вздохнула и снова ожила:

– С кем я разговариваю? Это же телефон Бизюкиной Анастасии Павловны?

– Да. Я снимаю у неё жильё.

Невидимая собеседница секунду колебалась, потом приказным тоном произнесла:

– Я медсестра из больницы, куда её привезли. Она просила разыскать Галину. Нужны документы и вещи. Хотя бы зубная щётка и сменная одежда. Если вас не затруднит, привезите сегодня в первую поликлинику, травматологическое отделение.

Догадавшись, что женщина собирается закончить разговор, Демьян поторопился спросить:

– Она пришла в сознание?

– Ненадолго. Продиктовала номер телефона. Не переживайте, обгорели только руки, правда, ещё дыма надышалась. Старушка крепкая, но отдохнуть под нашим присмотром ей не повредит.

– Вещи привезу. Палата какая?

– Оставьте на посту медсестры.

Он едва успел отодвинуть от уха трубку, как она противно запищала, сообщая о разрыве соединения. Только теперь Демьян оглядел комнату внимательней. Анастасия Павловна не отличалась чистоплотностью на кухне, но это помещение словно принадлежало другому человеку. На тяжёлом комод в ряд, словно под линейку, расположились рамочки с фото-

графиями, вещи аккуратно сложены на стуле, на полке ровная стопка книг. Больше всего поразила заправленная кровать с тремя пухлыми подушками. Покрывало словно лист металла – гладкое, без единой морщинки, солдаты бы позавидовали.

Демьян бесцеремонно распахнул дверцы платяного шкафа. Ровно сложенное бельё распространяло запах порошка и каких-то сладковатых трав. Он вытянул первый попавшийся байковый халат, нашёл на нижней полке несколько пар носков и разложил одежду на кровати. В ящиках комода тоже оказались вещи. Он бегло просмотрел их в поисках каких-нибудь документов и задвинул, удовлетворившись двумя полотенцами. Его взгляд наткнулся на прикроватную тумбочку, такую же древнюю, как и вся мебель в комнате. В резной дверце имелось отверстие для ключа – возможно, она была крепко заперта..

Даже не надеясь, что у него получится открыть тумбочку, Демьян присел и дёрнул за дверцу. Она легко поддалась, открывая взору стопки бумаг и старые вельветовые альбомы для фотографий. Он быстро нашёл паспорт и полис и уже собрался закрывать дверцу, как вдруг почувствовал шевеление несвойственного ему чувства – любопытства. Он положил документы на стопку вещей и вынул из тумбочки альбомы. В первом заполненными оказались только несколько страниц. Со старых чёрно-белых снимков глядели хмурые лица невысокого горбатого мужчины, четырёхлетнего мальчика и мо-

лодой версии Анастасии Павловны. Во времена юности хозяйки дома фото было редким удовольствием, и люди часто позировали с вымученными выражениями лиц, надев свои лучшие наряды. Неестественные позы, искусственный фон, наигранная серьёзность мало отражали истинные характеры. Казалось, что на фото чуждые друг другу люди, почти незнакомые.

Открыв следующий альбом, Демьян замер, волосы на его затылке зашевелились, в животе похолодело, Он быстро захлопнул альбом, словно пытался придавить его картонными страницами паука, и вышел из комнаты.

Яна проснулась от громких голосов в соседней комнате. Голова гудела, будто она не спала, а плавала в наркотическом опьянении. Яна медленно свесила с дивана ноги и помассировала виски. Из-за двери доносился добродушный голос Иннокентия:

– Горемычная бабулька. Яна была права: на её долю выпало слишком много бед.

Демьян молчал, будто и не слышал собеседника.

Яна вошла в комнату и тяжело плюхнулась на диван. Волосы с одной стороны головы торчали козырьком, на щеке отпечатался узор вязаной кофты, ухо алело. Кеша оглядел Яну и вытянул из кармана складное зеркальце.

– После сна вы освежились, – бесстыдно солгал он.

Она придирчиво оглядела своё отражение. Потерла щеку и пригладила жёсткие пряди.

– Учитесь, Демьян. Вот что значит джентльмен.

Демьян никак не отреагировал, и она присмотрелась к нему внимательней. Его лицо, и так бледное от природы, приняло неживой оттенок, глаза застыли.

Яна перевела взгляд на Кешу.

– Поболтали с народом?

– Я уже всё поведал. Ничего крамольного и преступного за Анастасией Павловной не числится. Наоборот. То-то современные подростки не сдержанны на язык, а её называли прикольной бабкой. Никогда, говорят, не гоняла их с лавочек ночью, зелье ячменное не отбирала, даже иногда предоставляла юным развратникам ночлег.

Яна не могла оторвать взгляд от застывшего, словно стоп-кадр, Демьяна, она обратилась к Иннокентию, не поворачивая головы:

– А старшее поколение что говорит?

– Почти то же самое: добрейшей души человек. Только про дела потомков своих они, понятное дело, не ведают. Ещё почудилось, что завидовали они. В годы войны у Анастасии Павловны семья была полной, даже отец фронта избежал. А мать так вообще плодилась каждый год, как кошка, – он гордо выпятил грудь, довольный принесенными сведениями. – А вот о соседке, водящей дружбу с зелёным змием, слова

сердечного не сказали. Она всегда была бесноватой и Анастасию Павловну не жаловала.

– Это я и так знаю. Они мужчину не поделили, – вмешалась Яна.

Она заметила незнакомый прямоугольный предмет на подоконнике и приблизилась к окну. Под аккомпанемент хвалебных реплик в адрес хозяйки Яна открыла первую страницу альбома. Фотография была старой, с резными краями, а изображение – нечётким, но ей удалось разглядеть спящую кудрявую девушку. Ощущение узнавания кольнуло память. Ниже был ещё один снимок – трое детей разного возраста, лежащих на кровати, их глаза также были закрыты, лица безмятежны. На обоих снимках одежда изображенных людей выглядела несовременной. Яна погладила шершавую поверхность страницы.

– Зачем фотографировать спящих людей? – Она бросила взгляд в сторону Демьяна. Он смотрел на неё, не отрываясь, словно чего-то ожидая.

– Листай дальше.

Кеша проворно поднялся и встал за спиной Яны, заглядывая через плечо.

Яна нехотя перевернула страницу. Следующие фотографии были на первый взгляд обычными, но в положениях тел и выражениях лиц позирующих людей было что-то неестественное и пугающее.

На верхнем снимке были запечатлены три человека. По

всей видимости, родственники. Мужчина стоял прямо, подбородок гордо вскинул вверх, женщина, наоборот, смотрела смущённо. Девушка-подросток между ними позировала в неудобной позе, почти на цыпочках, глаза широко распахнуты, ладони соединены, но кисти странно вывернуты.

Прямо под этим снимком ещё одно неприятное фото. Некрасивый ребёнок сидел на детской лошадке-качалке, выражение его лица напоминало девушку с предыдущей фотографии. Маленькие ручки не держались за лошадку и безвольно лежали на голове деревянного животного.

Яна перевела взгляд на следующий снимок и поняла, почему некоторые дети кажутся знакомыми. Гости из снов напоминали постаревшие версии старшей девушки и мальчика-подростка, даже одежда в чем-то перекликалась. А вот двое малышей были Яне не знакомы.

Снимки вызывали необъяснимый страх, холодный и всепоглощающий, но Яна не могла отвести от них взгляд. Она перевернула сразу несколько страниц и остановилась на большой фотографии, занимающей весь лист. Многочисленная семья сидела на диване. Знакомый уже мужчина и женщина и с ними четверо детей. Их глаза широко раскрыты, но ни один не смотрит в объектив, словно не может его найти. Руки сложены на коленях, как у школьников.

Яна с трудом сглотнула ком, её пальцы задрожали, альбом упал с колен и, ударившись углом, раскрылся на середине. Она села на диван, зажав дрожащие руки между колен.

– Что это такое? Что это за фотографии?

Демьян подобрал альбом, захлопнул его и вернул на подоконник.

– Это постмортем.

– Фото мёртвых, – пояснил Кеша осипшим голосом.

Яна сдвинулась к краю дивана, неосознанно стараясь быть как можно дальше от жутких снимков. Иннокентий взял альбом и сел с другого края. Касаясь страниц так, словно они могли откусить пальцы, он посмотрел ещё несколько фотографий. Если предыдущие выглядели отталкивающе, то эти будили самые потаённые страхи. На фото были новорождённые дети на руках одной и той же женщины. Маленькие, сморщенные, туго замотанные в серые пелёнки и с распахнутыми глазами. У младенцев не бывает такого взгляда: пристального, осознанного и одновременно невидящего.

Иннокентий быстро пролистал оставшиеся страницы: люди повторялись, только на снимках они представляли в разных вариациях. С новорождёнными позировали все – и по очереди, и вместе одновременно. Закрыв вельветовую обложку, Кеша положил альбом на столик, потом, немного подумав, вернул его на подоконник.

Какое-то время тишину нарушали лишь судорожные вздохи Яны. Демьян сказал как можно мягче:

– Закрой дверь, сквозняк дует, и кошки поймут, куда мигрировать.

Не отрывая пристального взгляда от вельветового пря-

моугольника за узорчатой шторой, Яна медленно пересекла комнату, закрыла дверь и вернулась на диван. Иннокентий хотел успокоить её и коснулся плеча, но она вздрогнула и резко отодвинулась.

– Извините. Я просто не могу прийти в себя.

Демьян посмотрел на Яну строго. Её несдержанность нервировала, но он вспомнил, что у Яны есть причина так реагировать на смерть детей, и промолчал.

– На фото не все мертвы. Обратите внимание на руки, они неестественно тёмные, потому что конечности перетянули. Если бы снимки были цветными, запястья покрывала бы синева. Глаза тоже о многом говорят: у трупов веки приклеены, поэтому взгляд такой бешеный.

– Это же какое-то извращение, это ненормально. Насколько нужно быть больным психопатом, чтобы позировать рядом с умершими родственниками? – Яна вжалась в угол дивана и обхватила себя руками, словно пытаясь защититься.

– Яна, успокойся, это в наше время подобное кажется ненормальным. В начале девятнадцатого века фото постмортем были обыденностью и не вызывали даже тени ужаса. Люди умирали часто, а случая запечатлеть своих любимых при жизни не представлялось. Только когда в дом приходила смерть, появлялась возможность заполучить снимок на память. Дети часто позировали с мёртвыми родственниками, обнимали их, а ночью спали спокойно, без кошмаров.

Яну передёрнуло от столь красочного описания.

– Как они заставляли их стоять? Как это возможно? – Только озвучив вопрос, она поняла, что совсем не хочет знать ответ.

– В спины вставлялись металлические штыри, – коротко ответил Демьян.

– Только не говорите, что считаете это нормальным! – обратилась Яна к двум собеседникам одновременно.

Кеша пожал плечами и кивнул, а Демьян отрицательно качнул головой.

– Подобные альбомы были почти в каждой семье. Не нам судить, что нормально, а что нет. Если бы ты родилась сто лет назад, то сама участвовала бы в таких фотосессиях. Судя по количеству снимков, кто-то в этой семье сам занимался фотографией, иначе не представляю, кто бы мог потратить столько времени и средств на этих людей.

Кеша выплыл из задумчивости и нахмурил брови:

– Меня больше другое волнует: кто эти люди?

Яна буквально подпрыгнула на диване.

– Они отдалённо похожи на стариков, что привели меня в Славянск. Двое из них. Может, они и есть сестра и брат Анастасии Павловны.

– На фото есть даты. Это послевоенные годы, – сразу же согласился Демьян.

Яна замялась, выуживая из памяти подробности несчастливой жизни хозяйки.

– Она говорила о братьях и сестрах. Но их же похитили,

откуда тогда их фотографии? Этого не может быть. Мне не даёт покоя мысль, что они умерли в юности, а ко мне приходили стариками.

Демьян мрачно ухмыльнулся.

– Не думаю, что я скажу что-то оригинальное: люди лгут.

Кеша схватился за голову, безжалостно растрёпывая опрятную причёску.

– Анастасия Павловна не может быть причастна ни к чему тёмному. Она добрый отзывчивый человек и без того порядком побита судьбой, – категорично заявил он.

Демьян перевёл взгляд с Яны на друга, его пальцы сжали подлокотник, но поза осталась расслабленной.

– Она притворялась и делала это умело. Опыт длиною в жизнь, – его глаза снова впились в Яну. – Что бы Яна ни делала, её натура просвечивает через все слои маскировки. Она не застегивает пуговицы, не туго завязывает шнурки, старается всё структурировать и занять руки делом. Кухня – это маска для Анастасии Павловны. Жаль, что я мало с ней общался, если бы знал, какие вопросы задавать, давно бы понял, где ложь, а где правда.

Яна почувствовала, что волоски на руках встали дыбом, в животе похолодело.

– Если это родственники хозяйки, значит, никакого похищения и не было.

– Не знаю, сколько тут слоев лжи, но кое-что мы могли бы выяснить. Можно посетить местный архив, в метрических

книгах должны быть упоминания о рождении детей. Если их и правда девять, то соседка не лгала, – предложил Демьян.

– И загс! – воскликнул Иннокентий. – Может, найдем свидетельства о смерти.

Демьян по привычке вскинул запястье, чтобы посмотреть который час. Раздражённо потряхнув кистью, достал телефон.

– Четыре часа. Ещё успеваем.

Яна продолжала впиваться взглядом в жуткий альбом, словно он бешеная собака и мог наброситься на неё в любой момент.

– Давайте только уедем отсюда. В любую гостиницу. Я потом деньги верну.

– Собирайте вещи, – коротко распорядился Демьян и первым принялся выполнять собственный приказ.

Закончив укладывать сумку, Яна прислушалась к тишине коридора. Что-то было не так, не хватало какого-то привычного звука, и это настораживало. Перекинув лямки через плечо, она вышла в общую комнату. Демьян стоял в проёме двери с обычным полупрозрачным пакетом, в который собрал своё нехитрое имущество, в другой руке он держал свёрток с вещами Анастасии Павловны.

– Где кошки? Я думал в конце концов они нас съедят, а тут тишина.

Кеша пытался засунуть леопардовый плед в сумку. Рядом с диваном стояли два доверху заполненных пакета с разными вещами и сувенирами. Иннокентий заметил в

руках Демьяна яркий халат:

– Этот оттенок бирюзового не подойдёт к цвету твоего лица.

– Вещи нужно передать в больницу, – пояснил Демьян и развернулся к Яне. – Пока мы будем дышать пылью документов, отвезешь это Анастасии Павловне. Её фамилия Бизюкова.

Яна кивнула и быстро вышла из комнаты, зацепив плечом застывшего в дверях Демьяна.

Первым салон машины покинул Демьян. Кеша притормозил возле здания загса и невесело напутствовал друга:

– Как разыщешь доказательство маньячности хозяйки, звони.

Яна устало махнула рукой и проводила удаляющуюся высокую фигуру грустным взглядом.

Оставшись с Яной наедине, Иннокентий изложил план дальнейших действий:

– Доставлю вас в лазарет, найду нам ночлег. Я хотел спросить... – Он замялся, румянец тут же раскрасил его щёки. – Вам с Демьяном брать один номер на двоих?

Яна покраснела не меньше, чем собеседник.

– Нет. Мы ещё не прошли конфетно-букетный период, – вяло пошутила она. – Возьмите один на всех. Нам только

переночевать, выйдет дешевле.

Оставив спутницу у дверей больницы, Иннокентий отправился сначала покорять архив. Яна пришла к груди свёрток и смело поднялась по ступенькам. В голове чёрно-белым калейдоскопом перемещались жуткие фотографии, она не знала, как разговаривать с Анастасией Павловной, как смотреть на неё теперь. Лучшим вариантом было бы оставить вещи и бежать куда подальше. После двух подсказок она нашла корпус травматологии, но ноги не хотели идти и передвигались медленно, словно утопали в болоте.

Медсестра на посту дежурно улыбнулась.

– Вы к кому?

– К Анастасии Павловне Бизюковой. Тут вещи и документы.

Яна пристроила ношу на стойку и собралась уходить, как её остановил оклик медсестры:

– Она просила зайти к ней.

– Меня? – удивилась Яна.

– Женщину, которая принесёт её вещи. Час назад она пришла в сознание, даже поела. Восьмая палата. – Увидев, что посетительница двинулась в сторону коридора, она громко заверещала:

– Бахилы!

Яна вернулась, купила пару бахил и повторила начало пути.

У двери с металлической цифрой восемь она застыла.

Яне было страшно, ей не хотелось верить, что она могла так ошибиться в человеке. Анастасия Павловна казалась странной, несчастной, но никак не маньяком, способным на убийство. Яна повернула голову и наткнулась на озадаченный взгляд медсестры. Решив избавиться от наблюдателя, она наконец-то открыла дверь.

В комнате вдоль стен расположилось четыре кровати. Две из них были свободны, на дальней спала седая полная женщина, ближе всего к двери находилась койка Анастасии Павловны. Предплечья и кисти плотно обхватывали слои бинтов, жёлтых от мази. Обложка упиралась в согнутые колени, обожжённые руки лежали вдоль тела, словно инородные элементы. Она подняла глаза над книгой и выпрямила колени.

– Спасибо, что приехали.

Яна приблизилась и положила на край кровати стопку вещей, увенчанную документами.

– Надеюсь, это то, что вам нужно.

Под кроватью мелькнул трёхцветный кошачий хвост. Яна удивлённо проследила за кошкой, запрыгнувшей на одеяло. Животное потерлось мордой о щёку старушки и довольно заурчало.

– Этого достаточно. Я уже позвонила Гале, она завтра привезёт всё остальное, – глаза Анастасии Павловны продолжали всматриваться в лицо Яны, словно она пыталась прочитать её мысли. – Вы уезжаете?

Яна кивнула и попятилась.

– До свидания.

Уже у двери тихий голос нагнал её и вонзился в уши неожиданным признанием:

– Жаль, что я не умерла. Я заслуживаю смерти.

Яна обернулась, пальцы соскользнули с ручки.

– Почему? – Она снова приблизилась к кровати. Одна часть её души хотела уйти, захлопнуть дверь и не вспоминать о днях, проведённых в Славянске, но другая – нетерпеливая и любопытная – не давала сдвинуться с места.

– В моём возрасте смерть – это не наказание, а избавление. Если бы не ваш друг, сейчас я бы уже была в объятиях своей семьи. Бог и так достаточно меня покарал.

Яна сдвинула вещи и боязливо присела на край кровати.

– За что покарал?

Кошка злобно зашипела и попыталась поцарапать Яну.

– Я ненавижу родителей настолько сильно, что я могла бы их убить, если бы они не убили себя сами... Моих братьев и сестер никто не похищал. Они утопили их.

Яна вскрикнула и тут же прикрыла ладонью рот, боясь разбудить старушку в углу комнаты.

– Утопили, – эхом повторила она последнее слово. – Зачем? За что?

– Мои родители были глубоко верующими. Господи, что я говорю, они были сумасшедшими фанатиками. Отцу приснился сон, будто ангел выбрал его для особенной миссии, а дети одержимы адскими тварями. Чтобы доказать любовь

к Богу, он должен был освободить души детей, спасти их от скверны... – Она замолчала, справляясь со слезами, а затем продолжила надтреснутым хриплым голосом: – Той ночью меня не было дома. В клубе устраивали танцы, мне в ту пору было пятнадцать.

Анастасия Павловна громко расплакалась, рывками захватывая воздух. Это выглядело так странно и пронзительно, словно звуки насильно выдавливали из её горла вместе с болью.

– Как вы узнали о том, что они сотворили?

– Я увидела фотографии. Отец проявлял снимки в подвале. А на следующий день они сами повесились. Может, ужас от содеянного заставил их наложить на себя руки. Надеюсь, они не выдержали мук совести. Я скрыла их поступок. Все думали, что детей похитили, а родители умерли от горя. Всю жизнь я старалась искупить их вину, я даже поверила, что Бог простил меня за намеренную ложь. Но он жесток и не знает сострадания. Мне не суждено было познать счастье в браке и вырастить сына. Он забрал их у меня! – с последними словами её голос перешёл на крик.

Повинуясь эмоциям, Яна придвинулась и коснулась плеча пожилой женщины.

– Мне очень жаль. Я не представляю, через что вам пришлось пройти. Не нужно наказывать себя смертью, это неправильно. Ваши родители – чудовища, но это их вина, не ваша.

Анастасия Павловна будто не слышала ничего вокруг, она рыдала навзрыд, широко разевая рот, кошка жалобно мяукала, завывая на высоких нотах. Это был ледянящий душу дуэт.

Яна молча ждала окончания истерики, но прошло не менее получаса, прежде чем крики начали затихать. Соседка по палате проснулась (к сожалению, Яна не заметила, когда именно это случилось) и делала вид, что увлеченно читает журнал.

– Кто-нибудь знает, кроме меня?

– Галя знает, – Анастасия Павловна уткнулась носом в край пододеяльника и звонко высморкалась. – Как там Максимовна?

Яна не сразу поняла, что речь о соседке, устроившей пожар.

– Кажется, без сознания. Она сильно обгорела.

– Она догадывалась, что мои родители совершили что-то жуткое, но возненавидела меня после замужества.

Яна глубоко вздохнула:

– И всё же вы пытались её спасти ценой собственной жизни.

– Я не знаю, сколько мне осталось, пожалуйста, сохраните мою тайну. – Глаза старушки смотрели не моргая, точно такой же взгляд демонстрировала кошка.

– Как к вам кошку пустили? Разве можно?

Анастасия Павловна неуверенно улыбнулась:

– Нельзя, Мурочка сама пришла, я ей окно открыла.

Яна встала.

– Я никому не скажу. Вы и так настрадались достаточно, – она подошла к двери и, взявшись за ручку, бросила последний взгляд через плечо. – До свидания.

Покинув палату, Яна почувствовала облегчение. Чужое прошлое давило на неё, словно бетонная плита, не давая нормально дышать и думать. Выбежав из больницы, Яна позвонила Иннокентию.

С третьего этажа гостиницы, которую выбрал Кеша, были видны корпуса родильного и детского отделений больницы. Травматологию, к счастью, заслоняло здание поликлиники. Яна задёрнула фиолетовые шторы и села на диван.

Номер состоял из двух комнат и предназначался для четырех человек. Скромный и строгий дизайн был выдержан в оттенках фиолетового. Два смежных помещения соединялись через общую ванную комнату. Большие панорамные окна впускали в комнату городскую суету. Безликая мебель с минимальным количеством деталей казалась современной и одновременно потёртой. Техника – телевизор и холодильник – располагалась в разных комнатах, видимо, по логике владельцев отеля, тот, кто выберет «зрелища», сможет обойтись без «хлеба».

Кеша увлечённо тыкал пальцем в планшет, просматривая почту. Его лицо кривилось, он недовольно бурчал себе под нос. В архиве не удалось раздобыть полезную информацию. Оказалось, что Славянск, бывший чуть больше полувека назад станицей, хранит документы весьма своеобразно. Записи о тех, кто родился до пятидесятых, в архиве не хранили. Так что поездка туда оказалась бессмысленной тратой времени. Именно это он сейчас и узнал из интернета. Можно было не расходовать силы и обаяние на хмурых женщин, оберегающих метрические книги, как философский камень.

Яна растерянно бродила по комнате, не зная, чем занять время ожидания. Демьян задерживался и не удосужился позвонить, объяснить причину. Она переставила стаканы на столе, выровняла покрывала на кроватях, соорудила двух бу-мажных аистов без помощи книги, приготовила бутерброды и остановилась у телевизора. Она выглядела уставшей и подавленной. Кеша бросил не неё короткий взгляд:

– С ним всё в порядке.

Яна включила новости и только потом ответила:

– Я знаю, что с Демьяном всё в порядке. Просто хочу быстрее узнать, что он выяснил.

Кеша отложил планшет и расслабленно потянулся:

– Завтра наш корабль отчалит от этих печальных берегов. Я предам эти дни забвению, а в Краснодаре куплю контра-марку в цирк. И вам советую почистить черепную коробоч-ку.

– Хотела бы я научиться так легко забывать, – мечтательно протянула Яна и невидящим взглядом уткнулась в телевизор.

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл Демьян. Он казался взволнованным и раздражённым.

– Вы уже ужинали?

Вопрос удивил Яну своей неуместностью. Она подошла к холодильнику и поставила на столик тарелку с бутербродами. Демьян переоделся, помыл руки и вернулся к друзьям. Они наблюдали за его неторопливыми действиями, словно зрители за фокусником, неотрывно и жадно. Демьян взял бутерброд и сел на диван рядом с Яной. Она развернулась и нетерпеливо спросила:

– Что ты узнал? Подозрения соседки подтвердились?

Кеша в ожидании ответа наклонился вперёд, но Демьян не спешил и сначала хорошо прожевал.

– Свидетельств о рождении не было. Мать Анастасии Павловны рожала дома, и о том, что её семья пополнилась, сообщала, только когда дети умирали. Ни один новорождённый не прожил больше месяца. За три года умерли пять младенцев.

Яна прикрыла рот ладонью, её лицо вытянулось:

– Как можно за три года родить пятерых?

– В принципе, можно, если они были недоношенными.

Насчёт этого нигде не сказано.

Кеша нервно закусил губу, Яна зло выпалила:

– Рожала, словно копировальный автомат, а потом взяла и так просто утопила предыдущих четырех детей. Да она монстр!

Демьян потянулся за пультом и выключил телевизор. Остановил на Яне пристальный взгляд.

– Видимо, Анастасия Павловна была в сознании, и вы побеседовали. Что ещё она сказала?

Яна почувствовала себя неудобно. Ей казалось, что пересказ трагических событий в ее устах будет неубедительным и не произведет на слушателей такого эффекта, какой на нее саму произвела Анастасия Павловна своей искренностью и надломленностью.

– По делу – больше ничего. Она узнала, что родители утопили детей, потому что увидела фотографии, ну, те самые. А потом они наложили на себя руки. Анастасия Павловна корила себя за молчание и страх.

Кеша облегченно выдохнул:

– Я знал, что бабуленция непричастна! Я чувствую чернодушных людей. – Он обрадовался не столько невинности старушки, сколько тому, что его чутьё не подвело и он по-прежнему может доверять людям.

Яна тоже легко улыбнулась, но Демьян не разделял их хорошего настроения:

– В любом случае тараканы у неё специфические. Осталась жить в этом доме и регулярно любовалась жуткими фотографиями мёртвых родственников.

– Она тосковала, – нашёл оправдание Иннокентий.

Яна не стала спорить. Не ей судить, какие проявления тоски считаются нормальными.

– Это нас уже не касается. Убийцы мертвы, жертв никто не спасёт, Анастасия Павловна наказана жизнью достаточно. Вернуться бы в Краснодар, а то мой больничный и так затянулся.

Едва закончились новости, Иннокентий отправился спать в соседнюю комнату.

– Не сидите долго. Ради здоровья тела и бодрости духа лучше отходить ко сну до полуночи. Нельзя пренебрегать такими дарами природы.

Яна приняла душ, а когда вернулась в помещение, Демьян уже ушёл в смежную комнату. Она почувствовала разочарование и даже немного обиду. Переодевшись в любимую спальную футболку, Яна выключила свет и нырнула под тонкое одеяло.

В комнате мужчин почти сразу наступила тишина, но Яна выспалась днём и теперь ворочалась в поисках удобной позы. Стоило закрыть глаза – и перед ними пронеслись фотографии детей, кожа покрывалась мурашками, а сердце начинало стучать с переборами. Сон накрыл внезапно, словно кто-то нажал на кнопку для выключения сознания.

В уши ударила громкая музыка, а вслед за ней гул множества голосов. Яна открыла глаза и ошеломлённо огляделась. Она сидела на высоком стуле возле барной стойки. Простор-

ное помещение заполнилось танцующими парочками. Мужчины и женщины вытанцовывали рок-н-ролл. Мелькали яркие юбки, скрипели башмаки, радостный визг и залиvistый хохот разбавляли ритм мелодии. Яна почувствовала, что её пальцы держат прохладный продолговатый предмет, изумленно уставилась на высокий бокал с ядовито-зелёной жидкостью. Пить этот странный коктейль ей не хотелось. С противоположной стороны барной стойки нависла высокая дородная женщина. Яна с удивлением опознала в ней свою умершую бабушку, только порядком помолодевшую.

– Привет, Янковский, – Губы женщины растянулись в широкой улыбке.

– Бабушка Паша! – радостно воскликнула Яна. К ней ещё никогда не приходили родственники.

Женщина отодвинула коктейль в сторону и наклонилась ещё ниже, её шепот прозвучал напряжённо и зловеще:

– Навести соседку, едва не сгоревшую в пожаре.

– Сумасшедшую? – Яна напряглась.

Помолодевшая бабушка огляделась и прищурилась, пытается рассмотреть кого-то в толпе. Её лицо удивлённо вытянулось, в глазах промелькнула тень страха.

– Уходи отсюда! – неожиданно закричала она. – Просыпайся!

Яну протянуло через тоннель из цветных острых стеклышек и выбросило в фиолетовую комнату. Она села на край кровати и замотала головой. Футболка прилипла к спине, ру-

ки дрожали.

Тёмный силуэт на соседней кровати Яна заметила не сразу. Под впечатлением от сна она чуть не закричала, рукой нащупала рукоять пистолета под подушкой.

Знакомый низкий голос подействовал успокаивающе:

– Неудивительно, что тебя мучают кошмары.

Яна подобрала ноги и накрыла их одеялом.

– Ты с ума сошёл. Разве можно так пугать? – Она вернула пистолет на кровать и озадаченно потёрла лоб.

Демьян поправил подушку и вытянул ноги вдоль кровати.

– Не ожидала, что я приду? Могу уйти.

– Нет уж, сиди.

Темнота в комнате не была кромешной: в щель между шторами пробивался свет от уличных фонарей. Через минуту Яна смогла разглядеть черты лица Демьяна. Он выглядел сдержанным и собранным.

Она подалась вперёд.

– Не могу представить тебя ребёнком. Может, ты появился каким-то другим способом и миновал этапы детства и юности?

– Инопланетяне вырезали меня из цельного куска металла и продали на аукционе через интернет, – на удивление грустно отозвался он. – Если честно, я был ужасным ребёнком – неласковым и упёртым, а подростком – совершенно невыносимым. Нудным, дотошным и мрачным.

– Не нужно на себя наговаривать.

Яна не смогла рассмотреть его улыбку, но по движению ушей догадалась, что она появилась.

– Если человек говорит о себе гадости, это почти всегда правда. Я мог бы сказать, что я был эксцентричным, непонятым гением, и ты бы поверила. Потому что в хорошее верить проще, особенно если к этому примешивается симпатия.

– Ты был эксцентричным? – воображение тут же нарисовало образ Пеппи Длинныйчулок¹⁶.

– Самая большая моя странность заключалась в том, что я себя таковым не считал. В девятом классе школьники готовят выступление на тему «Мое увлечение». У вас такое было?

Яна кивнула, потом сообразила, что в темноте кивок не виден, и добавила:

– Помню, было. Я тогда декупажем занималась, это и была тема моего доклада.

– Ожидается, – серьёзно заключил Демьян. Темой моего доклада была жизнь сурикатов.

Яна не выдержала и усмехнулась:

– Где ты их нашёл?

– Я ежедневно смотрел передачу о жизни сурикатов, записывал особенности их поведения, отношения в семье, да-

¹⁶ Пеппи Длинныйчулок – центральный персонаж серии книг шведской писательницы [Астрид Линдгрен](#). Самое удивительное в Пеппи – это её яркая и буйная фантазия, которая проявляется и в играх, которые она придумывает, и в удивительных историях о разных странах, где она побывала вместе с папой-капитаном, и в бесконечных розыгрышах, жертвами которых становятся недотепы-взрослые.

же сделал психологический анализ лидерства у этих мангу-стовых. – Демьян закинул руки за голову и закрыл глаза.

– Ты, наверное, покори́л своим докладом у́йму девушек.

– Одну покори́л. Учительницу биологии. Она дала толчок к моему новому хобби – микроскопу. Представляешь, насколько я был популярным у одноклассниц?

Яна улыбнулась. Впервые за последние дни она чувствовала себя почти безмятежно.

– Дай-ка угадаю: по популярности ты занимал место где-то между чучелом фазана в кабинете биологии и портретом Белинского в учебнике по литературе?

– Я не подозревал, что чудаковат, мне это не доставляло неудобства, а вот родители тяжело переносили мои странности, они разочаровались во мне, когда я ещё был ребёнком.

Улыбка на губах Яны угасла, она почувствовала, что Демьян коснулся очень болезненной для него темы.

– Когда молодые родители мечтают о будущем детей, они не видят их в роли неудачливого, некрасивого, глупого человека. Ожидания всегда далеки от реальности и порядком приукрашены. Никто не мечтает, что ребёнок будет изгоем или забитым заучкой, поэтому так сложно смириться с посредственностью.

Демьян какое-то время молчал. Он сидел, скрестив руки на груди и пристально глядя в блестящие в темноте глаза Яны.

– Я хочу, чтоб мой ребёнок был хорошим человеком. Мне

этого будет достаточно.

– Ты так говоришь, потому что у тебя не было детей, – голос Яны предательски дрогнул, в этот момент она была рада, что темнота скрыла подступившие слезы. – Любовь к собственному ребёнку – это что-то сумасшедшее, она ослепляет и не дает мыслить здраво. То, что раздражает в чужих детях, в своём видится как особенность характера. Другие чада могут быть упёртыми, а твой – целеустремленный, другие – шумные и непоседливые, а твой – эмоциональный и подвижный, другие болтливы не в меру, а твой – прекрасно изъясняется для своего возраста. Это бесконечный список. Очень тяжело быть объективной, когда речь идёт о собственном ребёнке. Тебе будет недостаточно вырастить хорошего человека, ты даже не заметишь, как начнешь лепить из него идеальное существо.

Кровать под Демьяном скрипнула, он встал и, сделав несколько шагов, остановился напротив Яны. Она подвинулась и коснулась ладонью простыни рядом с собой. Демьян сел, сохраняя спину прямой.

– Ты сегодня откровенна.

– Ты тоже. – Яна прижалась лопатками к спинке кровати и немного отодвинулась. Горячее бедро Демьяна чувствовалось даже через одеяло, эта близость волновала и пугала одновременно.

– Откровенность – это наркотик, она расслабляет, всасывается в кровь и делает беззащитным. По последствиям

она намного страшнее секса. Здесь два варианта: либо человек, которому ты открылся, станет тебе близок, либо ты всю оставшуюся жизнь не сможешь смотреть ему в глаза.

– Очень поучительно. – Яна почувствовала себя неуютно, с опозданием осознав, что действительно обнажила душу.

Демьян ощутил её напряжение и резко сменил тему:

– Знаешь, почему божья коровка так называется?

– Она дает молоко? – Яна ухватилась за возможность поговорить о чем-нибудь безобидном и даже странном, лишь бы не касаться личной жизни.

– Почти. Если прикоснуться к этой букашке, в изгибах ножек выделяется оранжевая жидкость. Это молочко ядовито. Даже тарантулы их не едят. Версий о происхождении названия на самом деле уйма. Мне нравится славянская: в древности считалось, что это насекомое может долететь до Бога и передать любую просьбу.

– Мило, – автоматически заключила Яна. – Спасибо, что скрасил послевкусие от кошмара, но думаю, что пора спать.

Демьян повернулся лицом к окну. Узкий луч света отразился в его глазах.

– Думаю, ты права.

Яна недоверчиво нахмурилась:

– Насчёт того, что пора спать?

– Насчёт того, что ты мне интересна, – нехотя признался он. – Последнее время я действительно улыбаюсь гораздо чаще, хотя жизнь точно не стала веселее и поводов для этого

почти нет. Вывод только один: я глупею от зарождающегося чувства.

– Это приятная новость.

Яна неосознанно придвинулась к Демьяну и попыталась коснуться его руки, но он резко встал.

– Пора спать. Сейчас не время и не место. Детей будем делать в другой раз.

Яна даже не разозлилась на его искренность, граничащую с бесцеремонностью. Её взволновала сама мысль о том, чтобы родить ребёнка.

– Я не готова снова стать матерью, – сдавленно прошептала она.

Демьян вспомнил о смятой и старательно расправленной визитке частного детского сада.

– Готова. Уже готова.

14 глава. Ритуал

Яна не успела открыть глаза, как на её лице расцвела широкая улыбка – но тут же растаяла под натиском других, более жутких воспоминаний.

Сон был розовый и воздушный, как сладкая вата. Демьян держал её за руку и вёл вдоль кромки моря. Их ноги утопали во влажном песке, тёмная вода искрилась, воздух благоухал магнолиями. Это так напоминало заезженную сцену из романтического фильма, что Яна даже не подумала сомневаться в реалистичности происходящего.

Молчанье объединяло их, словно общая тайна, ночь окутывала, даря ощущение, что во всем мире никого, кроме них, не осталось. Демьян постелил на холодный песок пиджак, сел на него и потянул Яну за руку. Нежно коснулся пальцами лица и наклонился. Сначала его поцелуи были несмелыми, словно первые неумелые касания подростка, потом он накинудся на неё со страстью, граничащей с яростью. Его руки скользили по её одежде, будто случайно приподнимали край футболки. И тут Яна почувствовала панику. Она хотела близости и боялась её. Боялась не понравиться и вызвать отвращение. Она уже не была молодой девчонкой с идеальной фигурой, не чувствовала себя привлекательной и смелой настолько, чтобы продемонстрировать свои недостатки. Мужа она не стеснялась, потому что он был причастен к внешним

изменениям не меньше её, это происходило на его глазах и постепенно. Она почувствовала себя загнанной в угол и растерянной.

Яна грубо оттолкнула Демьяна и сразу проснулась.

На завтрак Кеша заказал пиццу и купил кофе. Он включил музыку и, сервируя стол, пританцовывал. Его неумная весёлость распространялась, словно инфекция, воздушно-капельным путем и даже зацепила Яну.

Она нервно улыбалась и бродила вокруг Иннокентия, попутно переставляя пластиковые тарелки, остановилась у окна и с нарочитым вниманием уставилась на полупустую улицу. Пора, когда деревья были облачены в золото, уже прошла, и теперь чёрные ветви на фоне мутно-синего неба выглядели как трещины на фарфоровом блюде. Сухие, скрюченные листья устилали всё ещё зеленый газон и уже начали гнить.

Когда дверь наконец-то распахнулась, Яна схватила пульт и принялась увлечённо переключать каналы. Демьян с удовольствием вдохнул запах кофе и сел рядом с Яной.

– После завтрака в дорогу?

Яна с опаской подняла на него глаза. Он спокойно выдержал её пытливый взгляд и даже улыбнулся.

Яна заправила волосы за уши и отвернулась.

– Пора на работе показаться. Наверное, меня уже заочно уволили. – Она взяла один стаканчик с кофе, другой протянула Демьяну.

Кеша наблюдал за тем, как переглядываются Демьян и Яна, и копался в бумажнике. Его лицо приняло озабоченное выражение.

– Вынужден вас удручить, но я не могу отыскать свою банковскую карточку. Я покопаюсь в вещах, но дом с привидениями тоже надобно ревизовать.

Демьян успел заметить испуганное выражение на лице Яны, прежде чем она нацепила неискреннюю улыбку.

– Подождём Кешу здесь.

– Не получится, – печально ответила Яна. – Я обещала Анастасии Павловне заехать в больницу, кое-что привезти. Я пойду туда, а вы езжайте к ней домой, а когда закончите поиски, заберёте меня.

Она не хотела признаваться, что намеревалась навестить соседку старухи, а вовсе не ее саму.

Демьяну не понравился этот план: он понимал, что встреча с Анастасией Павловной будет болезненна для Яны. Он хотел возразить, но, увидев на её лице мрачную готовность, промолчал.

Кеша театральным жестом захлопнул пустую коробку из-под пиццы.

– Собираем скарб, товарищи кочевники.

Уже через полчаса, оранжевая машина плавно въехала на парковку больницы. Демьян развернулся к Яне. Она, словно загипнотизированная, смотрела на корпус травматологии, пальцами сжимая спинку кресла.

– Давай мы тебя подождём, – предложил Демьян.

Яна слабо тряхнула головой.

– Нет. Я сначала в магазин схожу, потом в больницу. А вы разберитесь с карточкой. В тот дом я не поеду, даже приближаться к нему не хочу.

Купив в магазине бутылку питьевой воды, туалетную бумагу, яблоки и сдобную булочку, Яна направилась к корпусу травматологии. Сегодня на посту дежурила другая медсестра. Она расслабленно листала книгу, иногда поднимая глаза над краем страницы. Увидев Яну, села ровно и даже слегка смутилась, может, из-за этого и проявила вежливость.

– Доброе утро, вы к кому?

– К бабушке, пострадавшей в пожаре, – Яна на секунду замялась и добавила: – К Максимовне. Мне продукты передать.

Она приподняла пакет над столом, демонстрируя его содержимое.

– К Тучилиной Ольге Максимовне?

– Да. Я уже вчера здесь была у её соседки. А Ольга Максимовна в какой палате?

– В четвёртой. Купите бахилы, – закончила разговор медсестра и снова уткнулась в книгу.

Яна надела заранее купленные бахилы и медленно двинулась по коридору, мысленно ругая себя за то, что последовала совету из сна, а не уехала из города вместе с друзьями. В четвёртой палате дверь оказалась открытой, и Яна заглянула

в комнату.

На одной из кроватей лежала пострадавшая в пожаре соседка, её глаза были открыты, но смотрели в потолок невидяще. Яна несмело сделала шаг и застыла в проёме двери. Ольга Максимовна напоминала заготовку для мумии, словно бинтовать её начали с пальцев ног и добрались только до пояса. Руки и лицо огонь не тронул.

Она пошевелилась, взгляд сфокусировался на гостье, застывшей у входа в палату.

Яна зашла в комнату и остановилась у кровати, коленями упираясь в жёсткий матрац.

– Давно вы пришли в сознание?

Пожилая женщина смотрела на неё, словно на призрак, её круглое лицо скривилось, углы губ резко опустились.

– Ты чего не уехала? Дура набитая. Жить надоело! – неожиданно яростно напала она на собеседницу.

Яна на какое-то время растерялась, а Максимовна продолжила:

– Ведьма хотела убить меня и сама чуть не подохла. Не догадываешься, что эта тварюга пожар сама же и устроила, а сначала свои сатанистские ритуалы, небось, провела. Я слышала музыку, – она заметила недоверчивый и откровенно враждебный взгляд Яны и добавила чуть мягче: – Я же о тебе, голубушка, переживаю. Ведьма тебя задурила. Небось, плакалась на судьбу свою.

Дверь скрипнула, в коридоре что-то зашуршало. Старуш-

ка вздрогнула, взволнованно залепетала:

– Глянь-ка, нет ли там кошаков проклятых.

Яна послушно заглянула за дверь и вернулась к собеседнице.

– Нет никого, сквозняк, наверное. Чем вам кошки-то насолили? – Яна уже начинала жалеть, что пришла сюда. Женщина явно была не в себе.

– Ага, кошки. Слуги её, – она поманила пальцем. – О детях узнала? Сколько их было?

– Кроме тех, что погибли, ещё пятеро, – нехотя призналась Яна. Ей казалось, что своими словами она подталкивает старушку к ещё более изощренной лжи.

– Понесла не только мать, отец насильовал её и сестру. А может, и сами они под него ложились. Обе девки, как и их братец, сумасшедшие были и злобные, словно бесы. Мать родила ещё двух малышей, чтобы в жертву принести. А потом они убивали новорождённых и дарили их сатане. Какой нормальный человек такое может сотворить? Никакой. Вся их семья – сатанисты, треклятые приспешники дьявола. Для них человечья жизнь – ничто.

– Анастасия Павловна призналась, что родители утопили детей, – раздражённо сказала Яна. Её руки дрожали, хотя в палате было даже жарко. Ноги словно приросли к полу.

Пожилая женщина желчно ухмыльнулась:

– Как котят, и она в этом участвовала. Она такая же, как и вся её семья. Не пожалела малых деток тогда, в пятнадцать

лет, и не пожалела потом, когда вышла замуж. Она убийца и поклоняется сатане.

Яна скрестила руки на груди.

– Почему вы никому не рассказали?

– Страх, – Женщина горько всхлипнула. – Я боялась, что они и меня, как куренка, придушат. А потом уже поздно было. Пыталась я ведьме этой жизнь подпортить, а толку? Никто ж не верил, вот и ты не веришь.

– Всё это не очень правдоподобно звучит, – согласилась Яна. – Сценарий к фильму ужасов.

– Можешь и не верить.

В отличие от Демьяна, Яна не умела распознавать ложь, но слова Максимовны иголками проникали под кожу. В такую правду верить не хотелось, проще объяснять все сумасшествием соседки и её склонностью к сочинительству.

– Что вы от меня-то хотите?

– Чтобы ты уехала как можно скорее и никогда в тот дом не верталась.

Яна вымученно улыбнулась, поставила пакет на пол и подошла к двери.

– Я и так уезжаю.

– А товарищи где? – не отставала женщина.

Отвечать не хотелось, почему-то было стыдно сознаваться, что они в том самом доме. Яна взялась за ручку и нетерпеливо топталась на месте.

– До свидания.

Максимовна не ответила, обиженно поджала губы и отвернулась к стене.

Яна почти выбежала из палаты и, прижавшись спиной к холодной стене, перевела дух. Мысли толпились в голове, сталкивались и разбивались, не оставляя ни одной здравой идеи. Настораживало воспоминание о сне: если бабушка Паша хотела, чтобы она пришла сюда и поговорила с Максимовной, значит, просто так отмахнуться от этой правды нельзя. В голове тут же всплыл образ помолодевшей бабушки. Как и все предыдущие гости, она не выглядела на возраст, в котором умерла. Погибшая дочка Шалюковой повзрослела и растёт дальше, словно никогда не умирала. Но сестра и брат Анастасии Павловны не вернулись в возраст Христа, а продолжили стареть и дряхлеть.

Она непроизвольно вздрогнула от страшной догадки: видимо, только младшие дети и новорождённые попали в рай, а остальная часть семьи не там – и это многое объясняет.

Яна прошла по коридору и уже собиралась покинуть корпус, как её окликнула медсестра:

– Женщина, подождите. Вы Бизюковой родственница? – не дожидаясь ответа, продолжила: – Передайте ей вещи, она забыла полотенце и носки.

Яна вернулась к посту.

– Она уже выписалась?

– За ней утром внучка приехала. Галя вроде... – Женщина достала из-под стола плоский пакет и подвинула его к по-

сетительнице. – Забирайте.

Яна машинально взяла вещи и побрела по коридору. Пальцы, сжимающие пакет, мелко подрагивали. Она закашлялась, воздух казался густым, как сироп, никак не получалось вдохнуть. Иррациональное ощущение надвигающейся беды сковало мышцы.

Выйдя из здания, Яна села на ступени и часто задышала. Рука нащупала рукоять пистолета под курткой. Оружие при ней, это успокаивало. В кармане запиликал телефон: пришло сообщение. Яна достала его – и тут же выронила на асфальт. Трубка ударилась углом, но экран не потух. Яна наклонилась и схватила телефон. Увидев имя отправителя, немного успокоилась, но, прочитав текст сообщения, почувствовала дурноту. Демьян просил о помощи и призывал срочно приехать в дом Анастасии Павловны.

Яна быстро поднялась и огляделась. В нескольких метрах от неё, прислонившись к стене, стоял мужчина, от него разило парами алкоголя, но одежда на нем выглядела довольно опрятно. Яна подошла к нему и без лишних любезностей попросила номер такси. Мужчина достал телефон и через несколько минут сосредоточенного поиска, продиктовал цифры. Машину долго ждать не пришлось, потёртая иномарка затормозила у шлагбаума, преграждающего путь к корпусам. Пришло сообщение: «Такси прибыло». Яна сверила номер и двинулась в сторону автомобиля.

Пока машина петляла по улицам Славянска, Яна полно-

стью растворилась в тревоге. Пульс тарыхтел, отдаваясь в ладонях и животе. Она смотрела в боковое стекло, но не видела города, проносащегося мимо. Мрачное предчувствие смешалось со злостью и страхом, кровь превратилась в коктейль из адреналина и тестостерона.

Машина остановилась напротив ворот дома, таксист развернулся и вежливо назвал цену поездки. Яна с трудом оторвала взгляд от окон дома и расплатилась с мужчиной. Оранжевая иномарка Иннокентия светилась ярким пятном рядом с соседским обгоревшим забором. Яна замерла у калитки и оглядела двор. Старый дом напоминал чучело животного, глядящее на мир мертвыми глазами-стекляшками.

Яна вошла во двор, продолжая сжимать пистолет в кармане куртки. Она старалась ступать осторожно, но сухая листва хрустела под ногами, как снежный наст. Поднявшись по ступенькам, Яна остановилась в коридоре и громко позвала:

– Кеша! Демьян!

Комнаты ответили тишиной и сыростью. На кухне что-то упало и покатилося по полу. Яна бегом пересекла коридор и застыла на пороге. На неё уставилось множество кошачьих глаз. Животные как по команде поднялись и двинулись в её сторону, будто меховая разноцветная волна. В полном молчании, тихо ступая мягкими лапами, они окружили Яну и замерли в настороженных позах, хвосты нервно стучали по полу, глаза не мигая, гипнотизировали.

Повинуясь какому-то неведомому сигналу, кошки одно-

временно оттолкнулись от пола и набросились на Яну. Она закричала и закрыла лицо руками. Острые когти разрывали одежду, царапали кожу, зубы вонзались в тело, обезумевшие животные карабкались вверх, подбираясь к голове. Яна отбивалась от них, пятясь к двери. Нащупав ручку, она вбежала в комнату и попыталась закрыть дверь. Кошки продолжали наступать, лезли в щель, прыгая друг на друга. Они словно не чувствовали боли и, даже придавленные дверью, старательно протискивались в помещение. Яна яростно била их ногой, испытывая отвращение к самой себе. Наконец ей удалось остановить поток животных и захлопнуть дверь.

Прижавшись лбом к гладкой деревянной поверхности, Яна смотрела, как в щель у пола пробивались пушистые лапы, острые когти скребли по линолеуму, оставляя на нём глубокие борозды. Царапины на руках кровоточили и зудели, из укуса на шее сочилась кровь, но сильнее всего пострадала правая щека. Кошки упорно пытались добраться до лица, и у одной это получилось. Глубокие царапины пересекали скулу, всего миллиметр не доходя до глаза.

Яна тяжело дышала, упираясь руками в дверь, капли крови срывались с подбородка и падали на пол. Преграда, отделявшая ее от бешеных животных, прогибалась и вибрировала, по дому разносился глухой стук, словно в стену колотили молотом в поролоновом футляре. Ни мяуканья, ни шипения – только поразительная целеустремленность кошек добраться до жертвы и растерзать её.

Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем кошки перестали царапать пол и их лапы исчезли из-под двери. Яна вытерла кровь рукавом и попятилась к центру комнаты. Тишина казалась густой, наполненной враждебностью. Яна с ужасом смотрела на дверь. Сердце стучало в горле, зрачки расширились и почти сравнялись с кромкой радужки. Она сжала кулаки и решила выйти из комнаты. Стоило только выглянуть за дверь – и что-то тяжёлое и холодное обрушилось на затылок.

Сначала Яна почувствовала боль в голове, к горлу подкатила тошнота. Ресницы слиплись от засохшей крови – глаза не открывались. Яна шевельнулась, тут же ощутив боль в затылке. Руки, связанные за спиной, онемели от тугих пут. На веках отражались колышущиеся блики огня, яркие полосы чередовались с чёрными пятнами. Рядом раздались тяжёлые шаркающие шаги, знакомый голос напевал ритмичную песню с неразборчивыми затянутыми словами.

Яна наконец разлепила веки и смогла сфокусировать взгляд. В комнате не было окон, и темноту разгоняли десятки свечей, расставленных по всему помещению. Пламя колебалось от сквозняка, на стенах плясали гротескные тени. Словно ёлка в иллюминации, в центре комнаты светился стол, заставленный шайбами чёрных свечей. С обратной стороны стояла Анастасия Павловна. Длинное черное платье сливалось с темнотой за её спиной, добавляя фигуре внушительности. Из-под широких рукавов выглядывали слои бин-

тов, испачканные в воске и крови. Глаза старухи остановились на Яне, рот искривился в улыбке.

– Как ты себя чувствуешь? – участливо поинтересовалась она, продолжая расставлять свечи.

– Вы заботитесь о моем здоровье?

Яна попыталась приподняться и сесть, ноги, связанные у лодыжек, скользили по влажному полу, не давая упереться. Прижавшись спиной к стене, Яна расправила онемевшие плечи и снова обвела комнату взглядом. В углу, до которого не дотягивался свет, угадывались очертания человеческих фигур. Всего в метре от Яны прямо на полу сидела Галя. Она не смотрела в сторону пленницы, ее взгляд был устремлен в темный угол. Она выглядела, как каменная статуя, неподвижная и неумолимая.

Старушка проследила за взглядом сообщницы и охотно пояснила:

– Правильно догадалась, Яночка, это твои друзья.

Яна сглотнула.

– Они мертвы?

Анастасия Павловна присела на край стола, сложив руки на груди. Её лицо выглядело безмятежным и даже счастливым.

– Зачем мне их убивать? Для жертвоприношения больше подходят младенцы. Иннокентий – приятный мужчина, такой вежливый, ему хватило чая со снотворным. Демьян – грубый дотошный субъект, пришлось приласкать его по за-

тылку. Как хорошо, что Галочка не чужда грубой силой.

– Соседка была права насчёт вас? Вы возомнили себя прислужницей дьявола? – Яна не могла оторвать взгляд от силуэтов в углу. Новая порция адреналина в крови уменьшила физическую боль, обостряя чувства.

– Откуда столько скептицизма, девочка? Тебе ли не знать, что в мире много загадочного и потустороннего, – её улыбка выглядела искренней, но очень неприятной. – Я знаю, кто ты. Именно поэтому ты здесь. Твои спутники были помехой, а теперь стали славным дополнением. Пусть пока видят сны, их время ещё не пришло.

Яна коснулась затылком стены, капли на её поверхности успокаивали ноющую боль и стекали за воротник. Она подтянула колени к груди и с разочарованием почувствовала пустоту в кармане: пистолета не было.

– Зачем вам я? Это из-за моих снов?

Старуха не торопилась отвечать и сосредоточенно закрепляла на стене перевернутый крест. Обгоревшие пальцы неуклюже держали молоток, его ручка так и норовила выскользнуть, словно тающая сосулька.

– Ты проводник. Мне нужна твоя способность проникать в загробный мир, – не поворачиваясь, ответила она.

Яна перебирала ногами, скользя на пятой точке. Она старалась придвинуться к друзьям. Расстояния в два метра было достаточно, чтобы разглядеть бесчувственные тела, уложенные вдоль стены, словно куклы. Лица мужчин терялись

в темноте, но дыхание было размеренным и плавным. Яна нехотя отвернулась и продолжила пристально следить за перемещающейся по комнате сатанисткой. Анастасия Павловна выложила на столе три тёмных предмета, по форме напоминающих свеклу. Пламя свечей обрисовало три сердца.

– Они что, человеческие? – Голос Яны задрожал и сломался на последнем слове.

– Нет, конечно. В наше время тяжеловато с человеческими жертвами. Не то, что после войны. Это бычьи сердца. – Анастасия Павловна проткнула каждое сердце длинным острым ножом и вернула их на столешницу истекающими кровью. – Сиди смирно, а то придется усыпить тебя раньше времени. С тех пор как я лишилась семьи, всё одна да одна.

– А Галя? – мрачно хмыкнула Яна.

– Галочка – слуга. Тупая и послушная. Чтобы получить дары сатаны, ей ещё предстоит как следует поработать.

Яна не могла оторвать взгляд от алтаря. В голове один за другим возникали планы освобождения. Анастасия Павловна, несмотря на почтенный возраст, не выглядела дряхлой и немощной, в ней словно бурлила неведомая сила, наделяющая её движения плавностью и уверенностью. Сумасшедшей она тоже не казалась, наоборот, сосредоточенной и ясномыслящей. Большой нос отбрасывал тень на нижнюю половину лица, создавая жуткое впечатление, будто рот огромен, словно бездонная чёрная дыра.

Старуха удовлетворенно оглядела разложенные на столе

предметы, сама себе улыбнулась. Она обошла стол и на какое-то время потерялась в тени под лестницей. Пронзительный скрип огласил широкий подвал, по телу Яны побежали мурашки. Анастасия Павловна тащила зеркало высотой в человеческий рост. Остановившись у стола, она перевела дух и поставила зеркало напротив пленницы – так, чтобы та отражалась в нем.

Яна оттолкнулась ногами от пола и села прямо. Её отражение пугало: бордовая корка запекшейся крови скрывала глубокие царапины, волосы всклокочены, веко припухло и нависло над глазом.

– Вы не боитесь, что после всех преступлений в рае вам места нет и Бог вас не простит?

Анастасия Павловна склонила голову к плечу, в её взгляде плескалась насмешка.

– Ваш Бог мёртв, рая не существует. Есть только эта жизнь, где мы можем получать удовольствие и делать что заблагорассудится, нужно торопиться наслаждаться земными радостями. Сатанинское начало есть в каждом из нас, им не стоит тяготиться, нужно просто его признать. Общественная мораль – это путы, балласт, тормозящий развитие индивида. Человек сам волен решать, что для него благо. Там, за чертой, не существует телесных наслаждений, остается только дух. Нет эмоций, нет ощущений.

Яна смотрела на свою мучительницу, но видела страницы альбома с мёртвыми детьми. Она вздрогнула, впервые в

полной мере ощутив значение словосочетания «лютая ненависть».

– Убивать младенцев – это то, что вам нравится, это и есть земные радости, о которых вы распинаетесь?

Выражение лица Анастасии Павловны вроде бы не изменилось, она всё так же улыбалась, но взгляд стал острым.

– В том числе. Смысл жертвоприношения не в убийстве, а в смертных муках живого существа. Это доставляло удовольствие нашему хозяину, он даровал нам силу и веру в себя. Самая ценная жертва для сатаны – убийство матерью своего ребёнка.

Волна ярости накрыла Яну, мешая дышать. Внутри неё словно зарождалось торнадо, медленно раскручивалось, увеличивалось и ускоряло пульс. Она так сильно сжала кулаки, что веревки врезались в запястья до крови.

– Вы нравственно искалеченное существо. Сатанизм для вас просто способ облагородить, оправдать психологические отклонения, тягу к насилию и садизму.

Анастасия Павловна никак не отреагировала на слова Яны. Она обошла зеркало и придирчиво оглядела своё отражение. Заправила седые пряди за уши, поправила воротник и довольно кивнула.

Яна повернулась к зеркалу и встретилась взглядом со старухой.

– Почему вы всё это делаете? Вы хотите, чтобы я кого-то нашла среди мёртвых, что-то узнала?

Анастасия Павловна взяла со стола шприц и взвесила его в руке.

– Если ты будешь хорошей девочкой, я отпущу тебя и твоих друзей, когда ты проснёшься.

Яна недоверчиво скривилась:

– В это тяжело поверить.

– Но придётся, – старуха опустила на колени в метре от Яны и, приподняв шприц иглой вверх, выпустила пузырьки воздуха. – Моя семья уже ждет тебя за чертой, тебе просто нужно с ними встретиться. У них есть информация для меня.

Яна неотрывно следила за иглой, приближающейся к её лицу.

– Ваша семья? Брат и сестра. Они ведь не просто так являлись в мои сны? Они привели меня в Славянск.

Анастасия Павловна едва заметно кивнула. Галя придвинулась к Яне и достала из кармана пистолет. Старушка широко улыбнулась:

– Если ты откажешься, Галя тебя просто застрелит, а потом твоих друзей. Всё закончится прямо сейчас, я потрачу время и найду другого проводника, но тебя это уже не будет касаться. Выбирай.

Яна мрачно узнала своё оружие. Оглядев подвал, она встретила взглядом с сатанисткой.

– Почему вы так долго ждали? После убийства прошло уже лет пятьдесят. Почему сейчас? Значит, не так уж легко

найти любителя наведываться в загробный мир?

– Не льсти себе. Именно сейчас пришло время, мои родители заслужили почести сатаны! – Она резко закашлялась, прикрывая рот тыльной стороной запястья, и продолжила голосом на несколько тонов выше: – И теперь им есть что поведать мне.

Галя резко встала и приблизилась к мужчинам. Она держала пистолет двумя руками и наводила ствол то на одного, то на другого. Наконец решившись, нажала на спусковой крючок. Глухой щелчок – и раздался выстрел, пуля попала в ногу Демьяна. Она не пробила брюки, но вполне могла сломать кость. Пол не окрасился кровью, но Галя не заметила этого. Видимо, решила, что пистолет огнестрельный, а не травматический, и не стала проверять. Демьян вскрикнул, приподнялся и застонал. Галя наклонилась и, обхватив его голову, звучно ударила Демьяна затылком о пол – его тело тут же обмякло, пальцы разжались.

Яна вздрогнула, не осознавая, что по щекам потекли слёзы.

– Я согласна!

Анастасия Павловна удовлетворённо ухмыльнулась:

– Ещё парочка таких ударов – и он не сможет так изысканно плести беседу и строить из себя умника. При других обстоятельствах мы могли бы с тобой поладить.

– Сомневаюсь, – пробурчала Яна. – Что вы хотите мне вколоть?

– Всего лишь снотворное. Не могу позволить себе ждать, когда ты заснешь естественным способом.

Галя приблизилась и навела на Яну пистолет. От спокойного, почти безэмоционального взгляда сатанистки Яна похолодела.

– Я не умею управлять снами. Не знаю, почему и когда приходят призраки. Не уверена, что все получится именно сейчас.

– А я уверена. Дело не в снах, а в твоей душе. Она некрепко привязана к телу, может, ты когда-то пережила клиническую смерть. Сон обрывает эту тонкую ниточку, и душа вольна посещать мир мёртвых. Это зависит от тебя, – отчеканила она с некоторым восхищением. – Ты можешь оказаться там, когда захочешь. Сейчас самое время захотеть.

Сатанистка приблизила иглу к шее. Яна не сделала попытки отвернуться или отвести взгляд, она смотрела неотрывно, будто надеялась, что её жгучая ненависть может убить. Сейчас слова Демьяна о том, что «чистого зла не существует», казались насмешкой.

Анастасия Павловна держала шприц неуверенно, обгоревшие пальцы кровоточили на сгибах. Пистолет в руках Галины тоже дрожал, но с такого близкого расстояния не промахнулся бы даже слепой.

– Если бы я хотела тебя убить, я бы сделала это, когда ты была без сознания. У тебя нет причин мне доверять, но выбора на самом деле нет! – Старуха улыбнулась и произнесла

без капли сожаления: – Я не медсестра, будет больно.

Кожа прогнулась под иглой, шлепок – и острие прошло в мышцу. Яна скривилась, чувствуя, как холод расползается по шее к ключице. Челюсть занемела, постепенно голову окутал туман, и её подбородок коснулся груди.

Яна открыла глаза и удивлённо уставилась на свои босые ноги, утопающие в горячей жёлтой грязи. С неба сыпались крупные хлопья снега. Плечи дрожали под колкими холодными снежинками, а ноги плавилась от горячей жидкости. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралось жёлтое море, исчезающее в белой дымке. Из тумана выплывали призраки. Они приближались с механической целеустремлённостью, грязь хлюпала под ритмично поднимающимися ногами и вдавливалась с каждым шагом.

Первым приблизился старик, невысокий, сторбленный, его голова была слишком велика для тела и тянула вниз. Высохшие руки с длинными пальцами заканчивались ниже уровня колен. Следующей подошла пожилая женщина, хрупкая и тонкая, как статуэтка. Белые спутанные кудри окаймляли узкое лицо с острым подбородком. Её выцветшие глаза бегали, словно никак не могли решить, что хотят видеть.

Яна не узнала их, но подозревала, что это и есть родители Анастасии Павловны. Призраки приблизились к ней вприпрыжку, обдавая холодом и смрадом. Яна сжалась и гадливо передёрнула плечами. За спинами привидений мелькали зна-

комые уже старики, они боялись подойти ближе, их лица выражали нетерпение и торжество. Кудрявая старуха решилась приблизиться на несколько шагов и замерла в ожидании. Их лица, как обычно, были размытыми, но в этот раз характерные черты проглядывали намного чётче, чем обычно.

Яна почувствовала, как её кисти сжали холодные скользкие пальцы, она попыталась вырвать руки, но призраки не собирались отступить. Женщина приникла к плечу и, наклонившись над ухом, жёстко приказала:

– Покажи выход.

Мужчина стоял с другой стороны, так же близко, и повторял те же слова:

– Покажи выход.

Впервые призраки стояли так близко, да ещё касались её тела. Яне казалось, что кожу накрыла пелена тумана.

Яна дёрнула руками, безуспешно попытавшись освободиться от цепких пальцев. Она рванулась вперёд, но привидения повторили её движения и снова сократили дистанцию.

– Говорите же, что вы хотели передать! – закричала Яна.

– Передать? – громко рассмеялся призрачный старик. –

Мы сами передадим.

Он опасливо оглянулся и встретился взглядом с женой. Она тоже выглядела взволнованной, даже напуганной. Дёрнув Яну за руку, нетерпеливо прошипела:

– Уходи сейчас же. Где двери?

– Какие двери? Я не понимаю, о чём вы говорите! – Серд-

це Яны колотилось, будто она бежала не один час, зрачки расширились. Она подняла голову вверх, увидела в снежном небе светящийся прямоугольник – и тут же почувствовала, что её тело отрывается от поверхности, грязь с хлюпаньем выпускает ноги из ловушки. Два призрака продолжали висеть на её руках, словно два якоря, женщина громко кричала: – Держи её! Я хочу её тело!

Прежде чем привычный толчок выдернул Яну из сна, она увидела саму себя лежащей на полу в тёмном подвале. Серебряная рамка засветилась и вспыхнула, пропуская её в мир живых.

Она снова находилась в неудобной позе, с вывернутыми назад руками, щека касалась грязного, мокрого пола. Сквозь закрытые веки Яна видела тёмный силуэт, нависший над ней, но открывать глаза не торопилась. Слова призраков крутились в голове, она медленно возвращалась в реальность, осознавая, что Анастасия Павловна обманула её. Призраки не собирались ничего рассказывать, они хотели её тело, хотели выбраться из мира мёртвых. Видимо, ей удалось сбросить их и вернуться в одиночестве. Кожа на запястьях зудела, словно холодные призрачные пальцы всё ещё касались её.

Сатанистка внимательно смотрела на Яну, взволнованно поджимая губы, в её блеклых глазах горела надежда, приправленная страхом.

Яна зашевелилась и приоткрыла глаза. Приняв сидячее положение, она встретила взглядом со старухой и прошеп-

тала, стараясь вложить в голос как можно больше тепла:

– Доченька?

Анастасия Павловна громко охнула, Галя поражённо округлила глаза, её пальцы разжались, роняя пистолет. Оружие со звоном ударилось о каменный пол.

Старуха сделала шаг вперёд, неосознанно протягивая руки.

– Мама, это ты?

Яна не торопилась отвечать, продолжая удерживать сатанистку взглядом. В этот момент её сильнее беспокоил более сильный противник – Галя. Сейчас та казалась ошарашенной, и этим нужно было воспользоваться. Яна подтянула колени к груди, слегка приподнялась, запястья скользнули по полу, двигаясь вперёд. Одним резким движением она вытянула руки из-под бёдер. Теперь, несмотря на путы, руки оказались спереди, что давало простор для манёвра.

Анастасия Павловна не сразу поняла, что делает Яна, и рассеянно наблюдала за её вознёй. Надежда в её глазах потухла, в один момент сменившись яростью. Их взгляды одновременно остановились на лежащем в ногах оружии.

– Галя, пистолет!

Сообщница грузно кинулась вперёд, но Яна успела приподняться и, по-бычьи наклонив голову, толкнула Галю в живот. Та попятилась, наступила на сатанистку и, споткнувшись, упала на спину. Её зубы звонко клацнули от удара головой о стол, но она не потеряла сознание и поднялась на

удивление быстро и ловко. Не оглядываясь на Анастасию Павловну, она нащупала на столе сердце, вынула из него нож и отбросила окровавленный комок в сторону.

Яна одним прыжком вернулась к стене и схватила оружие. Не сомневаясь ни секунды, она навела дуло пистолета на Галю и выстрелила несколько раз – тело рухнуло на пол. Яна перевела пистолет на старуху и снова выстрелила. Травмат больше трёх лет оттягивал её карман, но стрелять в людей Яне раньше не приходилось, хватало запугивания. Она не успела подумать, что с такого близкого расстояния даже резиновые пули, попав в голову, могут привести к смерти, её пальцы не дрогнули, полностью опустошив обойму.

Анастасия Павловна упала не сразу, её тело дёргалось с каждым выстрелом, на последнем щелчке её колени подогнулись, и она медленно осела на пол громоздкой чёрной кучей, прямо на неподвижное тело Гали. Глаза сатанистки продолжали всматриваться в лицо Яны, губы едва заметно шевелились, произнося проклятия. Веки медленно, словно против её воли, опустились, голова свесилась на грудь. По комнате эхом разносились сухие щелчки. Яна перевела взгляд на свои руки и с удивлением обнаружила, что её указательный палец продолжает нажимать на курок, извлекая из оружия глухие звуки. Кисти побелели, но не дрожали.

Яна положила пистолет на пол и подползла к алтарю. Стараясь не смотреть в сторону неподвижных тел, она схватилась за край стола и встала на ноги. Гадливо взяла одно из

сердце и вынула из него нож. Кровь испачкала ее ботинки, но это мало волновало Яну. Она наклонилась и перерезала веревку, оплетающую ноги, потом развернула нож лезвием вверх и принялась за путы на запястьях. На освобождение рук пришлось потратить гораздо больше времени. Наконец веревка упала на пол, Яна разжала пальцы, избавляясь от ножа.

Она бросилась к тёмным силуэтам в углу подвала. Опустившись на колени, наклонилась над Демьяном и прижала пальцы к его шее. Сердце ровно отбивало ритм, отдаваясь уверенным пульсом в сосудах. Кровь под его затылком загустела, Яна вытерла руку о джинсы и приблизилась к Кеше. Мужчина лежал на боку, касаясь щекой пола, руку подвернул под бедро. Он тихо посапывал, его сон казался крепким, но неестественным: в такой неудобной позе ни один человек не смог бы так сладко заснуть. Его пульс тоже был ровным. Яна перевернула Иннокентия на спину и снова вернулась к Демьяну. Сняв куртку, она свернула ее валиком и подсунула под его голову.

По-прежнему не глядя в сторону лежащей без движения хозяйки дома, Яна добралась до лестницы, ведущей наружу, и поднялась по ней. Уперев руки в деревянную дверцу, она толкнула её, запуская в мрачный подвал дневной свет.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, Яна замерла, оглядывая захламлённую кухню. Вход в подвал находился около холодильника и прятался под слоем затёртого линолеума.

Яна не стала тратить время на поиски своего телефона и выбежала на улицу. Через дорогу во дворе мелькнула яркая куртка ребёнка. На скамейке сидела женщина, рассеянно наблюдающая за своим сыном, возившимся в грязи.

Яна перебежала дорогу и остановилась у забора, держась рукой за ограду. Голова кружилась, затылок пульсировал и словно расширялся, приподнимая волосы. Она сфокусировала взгляд на женщине и громко сказала:

– Вызовите скорую, срочно.

Соседка вскочила и суетливо похлопала себя по карманам. Не отрывая взгляда от сына, она быстро набрала номер экстренной службы и приложила трубку к уху. Через несколько секунд механический голос потребовал указать добавочный номер. Женщина нажала тройку и взволнованно посмотрела на незнакомку.

– Что им говорить-то?

Яна протянула руку.

– Дайте мне, я скажу.

Женщина настороженно отступила назад, прижимая телефон к груди.

– Нет уж. Я сама.

Она снова поднесла трубку к уху и услышала голос:

– Алло? Алло? Что случилось?

Яна увидела замешательство на лице соседки и быстро протараторила:

– В доме напротив у человека черепно-мозговая травма,

другой мужчина, возможно, отравлен, – она приостановилась и, набравшись смелости, выпалила на одном дыхании: – Там ещё два трупа, кажется. Полицию тоже вызовите.

Женщина громко охнула и застыла. Схватив ребёнка, она поволокла его в дом, механическим голосом повторяя слова Яны.

Яна медленно вернулась к дому сатанистки и опустилась на скамейку у забора. До приезда скорой помощи она просидела, не шевелясь, уставившись невидящим взглядом в лужу под ногами. Руки устало свесились, плечи поникли.

Когда около неё затормозила белая машина, Яна даже не пошевелилась, словно в отражении грязной лужи она нашла смысл жизни и ничто не могло оторвать её от созерцания.

Врач с опаской коснулся плеча Яны.

– Вы скорую вызывали?

Яна вздрогнула и, не говоря ни слова, пошла в дом. Бригада скорой помощи последовала за ней, врачи взволнованно переглядывались между собой. Яна завела их в кухню, подошла к открытому люку, ведущему в подвал, и потеряла сознание.

15 глава. Возвращение

Следующие два дня прошли сумбурно, словно в состоянии похмелья. Яну и её спутников отправили в больницу, в знакомое уже отделение травматологии. Яна рвалась из палаты, чтобы узнать о самочувствии друзей, но в первый день её навестил только полицейский. Мужчина подробно расспросил о днях, проведённых в доме Анастасии Павловны, и о пожаре, но на встречные вопросы отвечать отказался. Яна рассказала всё, что посчитала важным. Сон, ставший отправной точкой трагического путешествия, она не озвучила, побоявшись показаться сумасшедшей и вызвать недоверие полицейского.

Вечером Яна собиралась выпытать у медсестры или врача хоть что-нибудь о состоянии друзей, но сама не заметила, как провалилась в глубокий сон, больше похожий на обморок. Утром она с трудом разлепила глаза и тут же ощутила очередной приступ головной боли. На стуле у кровати сидел знакомый полицейский. Яна смутно припоминала, что он представлялся, но имя она не запомнила. То ли Владимир, то ли Вадим.

Сержант сел ровно и стёр с лица любые проявления эмоций.

– Прочитайте, – он протянул несколько листов, исписанных размашистым округлым почерком. – С ваших слов запи-

саны события, произошедшие в доме по адресу улица Дзержинского, двенадцать. Если согласны со всем вышеизложенным, подпишите и поставьте дату.

Яна аккуратно приподнялась и подложила тощую подушку под спину. Опустив листы на колени, она внимательно пробежалась по строчкам, слегка шевеля губами. Кивнув, поставила внизу свою подпись, но в глаза сержанту не посмотрела. Яна боялась поднять взгляд на полицейского – она ждала, когда прозвучат обвинения в убийстве. Пусть непредумышленном и оправданном самозащитой, но всё-таки убийстве.

Владимир (или Вадим) аккуратно застегнул папку и впервые позволил себе взглянуть на сидящую напротив женщину не как на «фигурирующее в громком деле лицо», а как на несчастную, едва не погибшую от рук сумасшедшей.

– В подвале нашли книги экстремистского содержания, альбомы с фотографиями мёртвых людей, даже сатанинскую Библию. Пока точно неизвестно количество жертв Бизюковой, но одиннадцать детских черепов – это неоспоримое доказательство вины.

Мужчина вздрогнул от жутких воспоминаний. Когда из подвала подняли скелеты и уложили на полу кухни, дыхание затаили все. На некоторых черепах даже роднички не заросли.

Горячая волна ярости окатила Яну изнутри, она даже не попыталась скрыть ненависть в голосе:

– Я рада, что эта тварь мертва.

Владимир удивлённо приподнял бровь.

– Вы не убили её, – нехотя признался он. – Живучая оказалась. Кстати, её подельница тоже жива.

Яна разочарованно выдохнула.

– Не убила? – эхом повторила она.

– Она в реанимации, но стабильна. Скорее всего, выживет, – пояснил полицейский. – Один ваш друг уже выписался, другой ещё здесь, но, насколько мне известно, уже к вечеру его отпустят.

– Мы можем уехать из Славянска?

Владимир попытался улыбнуться:

– Можете. Если возникнут вопросы, вас найдут по адресу и номеру телефона.

Мужчина резко встал и попятился к двери.

– Извините, – пробормотал он, выскальзывая за дверь.

Его душил стыд и за себя, и за всех полицейских города. В халатном расследовании послевоенных событий он не мог себя винить, но смерти мужа и сына Анастасии Павловны тоже вызывали много вопросов, которые полиция в свое время так и не задала, поверив на слово «несчастной вдове и матери».

Едва за сержантом закрылась дверь, как в палату ввалился Иннокентий. Его щеки покраснелись от холода, дыхание сбилось.

– Яночка, как я рад, что вы в здравии!

Он аккуратно присел на край кровати и, не колеблясь, взял Яну за руку.

– Демьяна тоже сегодня выписывают. Нынче же покинем этот городок ужасов.

– С удовольствием, – Яна привстала и обняла Кешу за плечи. – Собирать ничего не нужно, всё в машине, я только мобильник свой не смогла найти.

Кеша почувствовал себя неловко в крепких объятиях и поспешил отстраниться.

– Полицейский утром вернул мне телефоны, с них снимали отпечатки.

Яна тряхнула головой.

– Это хорошо.

Он встал около кровати. Неловкость и напряжение сковывали мышцы, мешая проявить искренность.

– Я сейчас в отеле, в том же номере. Как только решите вопрос с выпиской, возвращайтесь,ждемся Демьяна вместе в более уютной обстановке.

– Хорошо.

Яна уже приняла душ и, сидя в кресле, сосредоточенно вытирала мокрые волосы, когда вошел Демьян. Нога, на которую он и раньше хромал, была в гипсе, руки непривычно упирались в костыли, голову обхватывали слои бинтов. Он

сдержанно кивнул и исчез в соседней комнате, даже не попытавшись завязать разговор. Яна проводила его взволнованным взглядом и привстала, но не окликнула.

Она только успела переодеться, когда Демьян бесцеремонно вошёл в комнату, нимало не озаботившись, одета ли она.

– Мы уезжаем.

– Наконец-то, – отозвалась Яна.

В дверях показался Иннокентий с сумкой в руках.

– Готовы? – оглядев молчаливых друзей, он громко командовал: – Тогда стартуем.

Яна и Демьян одновременно направились к выходу и едва не столкнулись в узком проёме. Демьян первый приостановился, пропуская её вперёд. Он заметно отшатнулся, избегая прикосновения к её телу, подбородок отвёл в сторону, старательно пряча отразившиеся на лице эмоции.

Кеша, как обычно, устроился на водительском месте, Демьян поспешил занять соседнее, оставляя Яне в одиноличное пользование всё заднее сиденье. Заводить беседу он не торопился и почти сразу сделал вид, что его сморил сон. Через полчаса это случилось на самом деле и нужда притворяться отпала. Кеша, как мог, пытался сгладить неприятное впечатление от холодности Демьяна, отчего его прежняя говорливость переросла в бурный поток словес. Иннокентий тяжело переносил молчаливость собеседника и чужое невежливое поведение, поэтому часто выступал в роли

миротворца.

Рассказывал он эмоционально, касаясь всех возможных тем. Через полчаса выдохся и перешёл на профессиональную стезю. О пластических операциях Кеша мог говорить вечно, даже не приходилось изображать вдохновение. Яна поначалу делала вид, что увлечена разговором, но вскоре подбадривающие реплики поутихли, стали раздаваться всё реже – и беседа потухла окончательно.

Когда машина затормозила у подъезда Яны, Демьян не приоткрыл глаза и не выразил желания попрощаться, только прижался лбом к стеклу и приподнял воротник пальто, отгораживаясь ещё больше.

Кеша бросил укоризненный взгляд в его сторону и нарочно громко фыркнул. Не получив никакой ответной реакции, он поднял печальные виноватые глаза на Яну, застывшую у открытой дверцы машины.

– Яночка, мне жаль. Телеграфируйте, если что, прилечу шмелём, куда нужно, доставлю.

– До свидания, – Яна рассеянно кивнула, продолжая неотрывно глядеть на Демьяна через стекло, и с видимым усилием отступила к подъезду. – Позвоню, наверное.

Она не ушла с крыльца, пока машина не скрылась за углом дома. Только тогда она громко хлопнула дверью и побежала по ступенькам, опережая тягостные мысли.

Дома Яна разыскала в сумке телефон и зарядила его. Позвонив родителям, она сократила пересказ событий в

Славянске, вырезав наиболее волнительные и жуткие подробности. Попробовала побегать на дорожке, но уже через несколько минут у нее разболелась голова.

Яна решила использовать проверенные методы и уселась в кресле с кружкой чая и тёплым пледом на коленях. Надеюсь вернуть себе спокойствие. Не прошло и минуты, как слёзы потекли по щекам, вымывая из души обиду и напряжение. Нарыдавшись вдоволь, она задремала прямо в кресле, проваливаясь в очередной глубокий, подобный коме сон.

Проснулась Яна на удивление рано и без помощи будильника. Она не обдумывала свои действия, просто собралась и поехала на работу. На кафедре никто не был посвящен в события в Славянске, но коллеги словно чувствовали, что лаборантку лучше не трогать. Было в её осунувшейся фигуре и потухшем взгляде какое-то предупреждение, держащее окружающих на расстоянии.

Яна привычно включила компьютер, переложила книги на столе, перебрала пальцами цветные ручки. Диплодок из угла возле чайника молча наблюдала за ней, размеренно мешая чай ложечкой.

– Не знаю, какая такая простуда тебя скосила, но ты здорово похудела. Не поделишься? – на удивление добродушно поинтересовалась Софья Даниловна.

Яна не смогла скрыть удивление:

– Инфекцией с вами поделиться? Жаль, я, кажется, выздоровела! – Непривычное дружелюбие Диплодока насторажи-

вало и даже раздражало, куда приятней было выслушивать её замечания и отмахиваться от грубых приказов. – Давайте вам что-нибудь напечатаю.

В комнату влетела Карина. Бегло оглядев помещение, она остановила взгляд на Яне и радостно взвизгнула:

– Янка, здорово! Наконец-то ты явилась. На обед топаем в «Конфитюр», салаты лопать, сплетнями делиться. У меня столько новых идей появилось, и оценить некому. – Девушка обвела помещение рукой, словно кроме них там никого не было.

Яна улыбнулась.

– Может, что-нибудь и в моей жизни пригодится.

До конца рабочего дня Яна машинально выполняла несложную работу, не заботясь о накопившихся делах. Перекинулась парой слов со студентами и преподавателями, но больше молчала и ждала. Демьян так и не появился. Она несколько раз вздрагивала от телефонного звонка, надеясь, что это он, но сегодня мобильник был настроен только на разочарование.

Вернувшись домой, Яна бродила из комнаты в комнату, подолгу замирала у окна и беспрестанно терзала телефон. Руки так и тянулись набрать номер Демьяна и услышать знакомый голос, но воспоминания о его поведении в последний день поездки действовали лучше холодного душа. Не хотелось выглядеть навязчивой и бесцеремонной. Если бы он желал продолжить отношения, то наверняка сам бы позвонил

ей.

Яна остановилась у зеркала и печально оглядела заживающие царапины на щеке. Карине пришлось солгать о падении в спортзале, остальные только брезгливо поглядывали, но вопросов не задавали. Она оглянулась на телефон, утонувший в плече, и уверенно направилась к мобильнику. Отыскала номер Кеши и в ожидании соединения закусила губу.

Иннокентий ответил после третьего гудка. Его излишне бодрый голос вонзился в ухо, словно жало:

– Яночка? Как я рад вас слышать! Всё нормально?

Яна не стала тратить время на любезности и спросила прямо в лоб:

– Вы с Демьяном виделись? Что с ним?

Повисла неловкая пауза, заполненная шумным дыханием Иннокентия.

– Не уверен, если честно. Вчера, когда мы вернулись, он попросил меня побыть с ним. Но стоило мне заварить чай и включить телевизор, как он грубо приказал оставить его одного.

– Вы сейчас скажете, что ему нужно время, – невесело отозвалась Яна.

– Ну, сам Демьян бы так сказал. Просто события в известном вам городе несколько огорошили его и выбили из колеи. Пусть придёт в себя, а потом и сам позвонит вам. Я уверен в этом.

Яна упёрлась лбом в холодное стекло и оглядела улицу.

– Я что-то не уверена. Ну, не буду вас отвлекать. Пока.
Она первая повесила трубку.

Яна никак не могла найти себе место и боялась ложиться в кровать. Ещё в дороге её стало преследовать ощущение чужого взгляда. Неприятное и навязчивое, словно зарождающаяся болезнь. Она ещё не была готова к новым призрачным снам и необходимости бежать на помощь. Хотелось просто выспаться по-человечески и не брать на себя ответственность за чью-то жизнь.

Яна с содроганием вспомнила «походы» в потусторонний мир. Не хотелось верить, что она навещала ад с его проклятыми обитателями. Раньше она никогда не задумывалась: нужна ли её помощь на самом деле и кому она помогает? Она всегда стремилась перехитрить смерть и верила, что люди достойны этого.

Теперь она сомневалась в необходимости своего дара и его пользе.

Дотянув до трёх часов ночи, она всё-таки уснула на диване, при включённом телевизоре. Сначала проснулось тело, не отдохнувшее от короткого и напряжённого сна, затем мозг вспыхнул радостной мыслью, что этой ночью обошлось без гостей.

Приняв душ, Яна нехотя поплелась на работу в мрачном ожидании, что Демьян и сегодня не явится на занятия. Так и случилось. Безликий скучный день закончился на удивление неожиданно, словно Яна вынырнула из тягучего болота

в действительность. Она сама не знала, почему так торопилась домой, ведь в квартире одиночество ощущалось острее, а ожидание звонка превращалось в пытку. Правда, в этот раз она едва успела захлопнуть дверь, как за её спиной раздалась трель звонка. Она с опаской и надеждой посмотрела в дверной глазок и повернула ключ в замочной скважине.

Стоя на пороге, Иннокентий неловко переминался с ноги на ногу и мял в руках кожаные перчатки.

– Не хотел тревожить вас без предупреждения. Просто...
– Он на несколько секунд замялся и более уверенно добавил: – Я был у Демьяна.

Яна закрыла дверь и изобразила гостеприимство:

– Проходите, я чайник поставлю.

Когда Кеша зашёл на кухню, она сосредоточенно нарезала лимон, её брови нахмурились, хотя она слегка улыбалась.

– Он не вышел на работу.

Кеша отодвинул табурет и сел на край сиденья, словно готовился уйти в любой момент.

– После нашей вчерашней беседы я пытался до него дозвониться. Он не брал трубку.

Яна подвинула к Кеше вазочку с конфетами и налила чай.

– Так вы дозвонились?

Иннокентий зашуршал фантиком от ириски, сосредоточенно глядя на хоровод чайнок в чашке.

– Нет. Я поехал к нему домой. Ему, похоже, самому нужен психолог. В квартире бардак жуткий, от него разит алкого-

лем и даже сигаретами.

Яна отхлебнула слишком большой глоток горячего чая и закашлялась.

– Это он так стресс снимает, что ли?

Кеша потупился, кончики его ушей заалели.

– Простите меня, Яна, за самодеятельность, но я не мог не спросить у Демьяна о вас.

Яна нахмурилась, но вместо того, чтобы разозлиться, любопытствовала:

– Что он сказал?

– Сразу хочу заметить: ему в таком состоянии не стоит верить, он сам не понимает, что говорит.

– Что он сказал? – настойчиво повторила Яна.

– Он сказал: «Что бы между нами ни было – это в прошлом. Не хочу иметь с ней ничего общего и видеть ее впредь не желаю», – закончив цитату, Кеша мучительно покраснел и отвернулся.

Яна не шелохнулась, даже взгляд остался равнодушным, только пальцы, будто помимо её воли, разорвали салфетку в мелкие клочья.

– Между нами ничего и не было. В прошлом нечего оставлять, – почти прошептала она и неожиданно взорвалась: – Пусть катится ко всем чертям!

Кеша поспешно поднялся и отступил к двери.

– Я пойду. Всего доброго, Яночка! – Он обулся, накинул пальто и уже из коридора выкрикнул: – До свидания!

Яна не вставала несколько минут, рвала салфетки и безразлично наблюдала за увеличивающейся кучкой белых обрывков. Неожиданно резко вскочила и разметала по столу бумажные клочья, сбросила на пол сахарницу и разбила вазочку с засохшим букетом, который ей принес Демьян.

Устроив на кухне кавардак, вбежала в комнату, достала спортивную сумку и принялась небрежно запихивать в неё вещи. Застегивая молнию, Яна замерла, ощутив чужой взгляд, скользкий по затылку, спустя секунду послышался тихий неразборчивый шепот. Она оглянулась и осмотрела комнату. Шторы не колыхались от призрачного сквозняка, и в зеркале никто не отражался, но почему-то стало неуютно и зябко, будто она находилась под прицелом скрытой видеокамеры.

Остаток дня Яна провела в спортзале, изнуряя себя физическими нагрузками, поэтому, вернувшись домой, заснула быстро и крепко, словно впала в спячку.

16 глава. Демьян

К концу недели Яна немного ожила и даже перекинулась парой фраз с коллегами. Она без просьб и приказов задерживалась на работе и исправно печатала всё, что ей подсовывали, даже просила добавки. Домой не торопилась, поэтому охотно ужинала в кафе вместе с Кариной под её неугомонный щебет. Та не замолкала ни на минуту, суетилась, вскакивала с места и вела себя ещё более странно, чем обычно. Не будь Яна настолько погружена в собственные мысли, она обязательно обратила бы внимание на неадекватность подруги.

В пятницу на одной из таких посиделок Карина предложила встретиться на выходных и посетить торговый центр, где ожидалась грандиозные скидки.

Субботним утром Яна долго лежала в кровати, уставившись в потолок, потом так же долго принимала душ и завтракала. Она никак не могла выбраться из состояния апатии и безысходности и тонула в собственных гнетущих эмоциях, захлебываясь жалостью к себе. После обеда она неожиданно спохватилась и набрала номер Карины. Телефон долго не отвечал, но Яна настойчиво повторяла попытки, чувствуя себя неловко. Наконец с третьего раза трубка ответила голосом подруги:

– Алло! Чего трезвонишь?

Яна не обратила внимания на недовольный тон Карины и сразу же принялась извиняться:

– Прости, я забыла о нашем походе по магазинам. Из головы совсем вылетело.

Какое-то время телефон молчал, и Яна даже подумала, что их разъединили, но Карина громко всхлипнула и, словно сдерживая рыдания, быстро выпалила:

– Мы на воскресенье договаривались, ты меня вообще не слушала, что ли?

Яна пропустила самую фразу мимо ушей, сосредоточившись на дрожащем голосе подруги:

– С тобой всё нормально?

Карина неожиданно рассмеялась:

– Прекрасно! Со мной всегда всё лучше всех. А ты, кстати, знала, что у нас теперь перед абортom нужно выслушать часовой монолог батюшки?

– Батюшки? – эхом повторила Яна.

– Это чтобы ты знала, вдруг Демьян и тебе ребёночка делает.

Яна затрясла головой, отгоняя колючие слова.

– Какого ребёночка, у нас ничего не было! – Она на мгновение остановилась и пораженно воскликнула: – Ты беременна от Демьяна?!

– Была беременна. Два часа назад. Радуйся, теперь он полностью твой.

Пальцы Яны побелели на трубке, она без сил опустилась

прямо на пол.

– Демьян знает?

Теперь Карина плакала не сдерживаясь.

– Знает. Я ему позвонила позавчера и всё рассказала. Не представляю, на что я рассчитывала... Просто это моя первая беременность. Я не надеялась, что он женится на мне... Ну хотя бы не бросит ребёнка и, может, поддержит немного...

Яна хотела уже сказать, что, конечно, поддержит, но вспомнила, что о беременности Карины теперь можно говорить только в прошедшем времени.

– Он знает, что ты сделала аборт? – Она с трудом произнесла последнее слово.

– Яна, ты глухая или тупая? Он сам меня на аборт отправил, сказал, что ему не нужен мой выродок, денег обещал дать, но я в обычной больнице сделала бесплатно.

– Он не мог так сказать, – категорично заявила Яна.

– Мог.

– Не мог, – упорствовала Яна.

Трубка запищала, оповещая об окончании вызова. Яна тарасилась на телефон, словно никак не могла понять, что это за вещь и для чего предназначена.

Лёгкий ветерок коснулся плеча, Яна зябко поёжилась и запахнула халат. Около уха, словно эхо, прозвучали её собственные слова, произнесённые безликим голосом: «Не мог». Яна вскочила и завертелась на месте, пытаясь обнару-

жить источник звука. Впервые к неприятным ощущениям чужого присутствия добавились слуховые галлюцинации.

В голове кадрами из фильмов прокручивался разговор с Кариной. Только сейчас Яна поняла, что беременности предшествовали вполне понятные отношения, о которых она не догадывалась и о которых совсем не хотелось думать. Ревность пересилила жалость к Карине и породила ещё одну вспышку ярости. Яна швырнула телефон о стену, немного подумав, туда же отправила керамических осликов и батарею вазочек с подоконника. Остановилась она только тогда, когда порезала руку об осколок и увидела капли крови на цветных обломках.

Яна замерла, словно со стороны увидев своё бешенство. Взяв веник и совок, она собрала мусор, пропылесосила ковер и только потом перевязала руку.

Кресло привычно приняло её в объятия, и Яна наконец разревелась. Она и не заметила, как задремала. Плавно соскользнула в сон и поплыла, словно на облаке, в мир сумбурных красок и вращающихся реальностей. Когда картинка приобрела четкие очертания, Яна увидела просторный зал театра с золочёной отделкой и огромной люстрой под потолком. Яна стояла на балконе и глядела вниз, на оркестр. Руки музыкантов двигались, рот солиста округлялся, но ни один звук не долетал до нее, словно её окружала невидимая стеклянная стена. Все кресла в зале пустовали.

Яна перевела взгляд со сцены на кресло рядом с собой и не

удивилась, обнаружив, что оно занято призраком. Как только гость оформился в человеческий силуэт, он резко поднялся и приблизился к Яне.

– Помоги Демьяну.

– Глеб? – подозрительно прищурилась Яна, всматриваясь в знакомые черты.

– Я уже просил тебя о помощи. Теперь я не знаю, сможешь ли ты его вернуть.

– Откуда вернуть? – недоверчиво переспросила Яна.

Призрак неопределённо взмахнул рукой.

– Его нет в вашем мире, в этом тоже нет. Он застрял где-то посередине.

Яна открыла рот, готовясь задать следующий вопрос, и застыла, обдумывая слова.

Глеб, видя нерешительность собеседницы, поторопил ее:

– Спаси его. Родители не переживут ещё одну трагедию.

Студёный ветер коснулся кожи Яны и легко сдул призрачного гостя, словно песочный силуэт. Она закрыла глаза, ожидая, когда её вытолкнет в мир живых, и, ощутив рывок, сразу же привстала в кресле. В голове заклинанием вертелись три слова: «Он не мог».

Яна бросилась на кухню. Раскопав в мусоре детали телефона и сим-карту, она кое-как соединила всё и включила мобильник. Экран немного погодя засветился, искажая трещиной изображение горного пейзажа. Яна пролистала список вызовов и нашла номер Иннокентия. Когда она подносила

трубку к уху, её руки тряслись.

– Алло.

– Кеша, – пропищала Яна и закашлялась, пытаясь вернуть голосу нормальный звук, – это не Демьян.

– Я вас не понимаю, – осторожно начал он, опасаясь за душевное здоровье Яны.

– В теле Демьяна чужая душа. Не спрашивайте, как это возможно, я сама с таким впервые столкнулась. Но это не он.

Повисла долгая напряжённая пауза, Яна устала ждать реакции Кеша и поторопила его:

– Я должна его вернуть. Поможете?

Трубка наконец ожила и выдохнула один вопрос:

– Кто же в теле Демьяна?

Яна задумалась.

– Скорее всего, отец Анастасии Павловны, а может, и мать. Я думала, они хотели получить моё тело, но, видимо, их интересовала не только я. Нужно усыпить Демьяна и меня.

– Я перезвоню вам.

Яна бросила мобильник и снова принялась бродить по комнате. Прошёл почти час, прежде чем тишину нарушил звук дверного звонка. Яна кинулась в коридор и впустила в квартиру взволнованного Иннокентия. Он не стал ходить вокруг да около и сразу приступил к делу.

– Я был в своей клинике, взял препарат для наркоза. Вряд ли мы сможем вколоть что-нибудь Демьяну. Он сильнее и

меня, и вас, только исколем ему все руки. Можно попробовать хлороформ, а для вас – инъекцию.

Яна молча кивнула, натягивая сапоги. Начав надевать куртку, она резко остановилась и прямо в обуви вернулась на кухню за пистолетом.

– Теперь поехали.

В дороге оба напряжённо молчали, готовясь к предстоящему нападению на Демьяна, точнее – на его тело. Кеша несколько раз переспрашивал, уверена ли Яна в своём предположении, но где-то внутри уже давно поверил её словам. Ему самому проще было смириться с чужой душой в теле друга, чем принять Демьяна таким странным, равнодушным и незнакомым.

У подъезда они обсудили план действий ещё раз. Кеша брал на себя роль отвлекающего, а Яне предстояло усыпить Демьяна хлороформом. Не особенно продуманный и умный план, с расчётом на внезапность.

Яна сжала в руках пузырёк и уверенно направилась к лестнице. Кеша печально поплёлся следом, горько вздыхая и еле слышно молясь. Остановившись рядом с дверью, Яна прижалась спиной к стене и достала платок. Хорошенько намочив его, она кивнула Иннокентию. Когда он судорожно вдавливал кнопку звонка, его рука тряслась.

Дверь открылась почти сразу, напугав Кешу так, что он отпрыгнул назад. В проёме показался лохматый сутулый силуэт, балансирующий на одной ноге.

– Опять ты. Чего ещё надо?

Иннокентий пристально всматривался в знакомое лицо и никак не мог уловить в нём сходство с лучшим другом: голубые прозрачные глаза казались по-настоящему злыми.

– Я у тебя часы забыл, – придумал гость нелепое объяснение визита и подался вперёд, чтобы пройти в квартиру.

Демьян преградил путь рукой.

– Где?

Кеша растерялся и пролепетал еле слышно:

– Может, в кресле. Давай я сам посмотрю, тебе с такой ногой и так ходить тяжело. – Он ловко поднырнул под рукой Демьяна и бесцеремонно прямо в обуви направился в гостиную.

Демьян развернулся, продолжая держаться за стену. Яна сначала выглянула из-за двери и, убедившись, что он не видит её, прыгнула прямо ему на спину. Одной рукой она обхватила его шею, другую плотно прижала к лицу, накрывая рот и нос дурнопахнущим платком. Демьян зашатался и, потеряв равновесие, повалился вперёд. Он успел подставить руки, оттолкнулся ими от пола и резко перевернулся. Теперь Яна оказалась на спине. От удара о твёрдый пол у неё вышибло дыхание и потемнело в глазах, но руки она не разжала. Ногами она обхватила его, изо всех сил прижимая его локти к торсу и мешая вырваться.

Демьян выгибался и молотил ногами по воздуху, но из цепких объятий Яны выбраться не смог. Как раз в тот мо-

мент, когда она почувствовала, что бёдра немеют, он обмяк, ноги выпрямились. Для верности Яна ещё немного подержала платок и ослабила хватку. Тело придавило её, словно бревно, и она извивалась, пытаясь выбраться из-под него. Кеша, наблюдавший за нападением из гостиной, наконец скинул с себя оцепенение и пришёл на помощь.

– На это было жутко смотреть.

Яна привстала на коленях и, не поднимая головы, коротко проинструктировала:

– Свяжите его, я в комнату.

Пока Кеша неумело связывал руки Демьяна шарфом и скотчем, Яна направилась в гостиную и передвинула кресло так, чтобы оно оказалось напротив зеркального шкафа. Нервно взбила диванную подушку и позвала:

– Несите уже свою инъекцию.

Кеша отбросил в сторону скотч и ножницы и приблизился к ней. Яна закатала рукав и перетянула руку. Иннокентий вынул заправленный шприц и снял с иголки колпачок, аккуратно выпустил воздух и присел на корточки около кресла.

– Я буду считать до десяти. Вам раньше делали наркоз?

Яна нервно мотнула головой.

– Нет.

Иннокентий поджал губы.

– Плохо. Может, станете единственным человеком из тысячи, на кого он не действует.

– Нет времени проверять. Если что, подействует хлоро-

форм. Колите уже!

Она откинула голову на спинку кресла и зажмурилась. Почти сразу почувствовала прикосновение иглы к коже. Это даже не было больно: лёгкий укол и онемение сковало предплечье, словно мороз. Где-то на дальнем плане звучали цифры, сначала они отлетали от Кеши, как монетки из-под пресса, быстро, звонко, потом стали тянуться, как карамель, и перетекать друг в друга. Потом наступила тишина.

Яна открыла глаза прежде, чем почувствовала привычную круговерть пейзажей и какофонию звуков. Её тянуло в воронку этого калейдоскопа, но впервые она сопротивлялась и не позволила себе пролететь через сумасшедший лабиринт острых осколков реальностей. Её пальцы вцепились в кресло, ноги упёрлись в пол, не давая телу сдвинуться. Текли минуты, а Яна всё так же сидела, словно и не засыпала, только рукава на обеих руках были опущены, а Кеши не было рядом.

Сначала гостиная выглядела почти так же, но постепенно стены комнаты начали плавиться, словно воск на свече. Мебель тоже стала терять четкость очертаний, превращаясь в бесформенные сгустки чего-то тёмного. Пол под ногами пошёл рябью и зашевелился, с потолка капала тягучая жидкость с едким запахом. И ни одного звука. Даже капли падали на пол без характерного шлепка, всё вокруг двигалось и шевелилось в полной тишине. Яна с опаской встала на подвижный пол и, оглядев странную комнату, позвала:

– Демьян! – Её голос прозвучал приглушенно, словно через слой ваты, но в этом царстве безмолвия звук буквально резал уши. Яна звала снова и снова, но вместо ответа комната продолжала менять форму.

Один из силуэтов мебели двинулся в её сторону, Яна ринулась вперёд, но ноги вязли в полу, замедляя движения.

– Демьян, это я!

Когда образ приблизился, в нём проявились человеческие черты, но размытые и нечеткие, словно послеобеденная тень на волнах моря.

– Как ты меня нашла? – Голос звучал словно эхо, но всё-таки был узнаваем.

Яна попыталась коснуться его руки.

– Ты должен вернуться в своё тело.

Тень качнулась.

– Это возможно?

– Раз этот призрак как-то занял твоё место, значит, возможно. Вытолкни его оттуда!

Мрачная улыбка проступила на искажённом лице.

– Это будет неравная борьба. Он очень сильный и очень хочет жить.

– А ты не хочешь жить? – разозлилась Яна. – Этот проклятый сатанист своё отжил и должен гореть в аду! Верни своё тело!

– Я попробую.

Яна замотала головой.

– Никаких «попробую». Сделай это.

Яна снова попыталась взять тень за руку, но пальцы прошли сквозь нее и сжались в кулак.

– Придётся тебе меня взять. Я не могу тебя коснуться.

Демьян протянул гротескно длинную тонкую руку, изгибающуюся лентой, и обвил паучьими пальцами её запястье.

– Как отсюда выйти?

Яна не ответила – она внимательно осматривала комнату. Предметы продолжали двигаться, но ничего в помещении не напоминало серебряный прямоугольник. Беспокойство стало подбираться к сердцу, когда она догадалась рассмотреть пол. В нескольких метрах от них сияла тонкая рамка. Яна осторожно двинулась к проходу, призрак колыхался за её спиной, словно полотно, привязанное к флагштоку.

Остановившись у края, она оглянулась на Демьяна.

– Просто иди за мной и не отпускай мою руку.

– Хорошо.

– Ты должен бороться, должен!

Яна шагнула вперёд и тут же провалилась вниз, будто в яму. Ощущение прикосновения пальцев к запястью тут же исчезло, так же как и жуткая глухота. В мир вернулись звуки, первым из которых стал взволнованный голос Кеши:

– Яна, вы здесь, вы нашли его?

Она разлепила веки и попыталась сфокусировать взгляд. Голова гудела, к горлу подкатывала тошнота.

– Сколько я была под наркозом? – Яна говорила с трудом:

рот как будто был полон сухой гальки.

– Минут двадцать. Демьян ещё не пришёл в себя.

Яна приподняла голову и тут же пожалела об этом. Комната поплыла, потолок нырнул вниз.

– Пить.

– Нельзя. Терпи. Это поверхностный наркоз. Можно губы смочить. Демьяну будет хуже: отключение было безжалостным, без побочных эффектов не обойдётся.

Яна положила голову на мягкий валик сбоку кресла и прикрыла глаза.

– Придётся ждать, когда он очнётся. Тогда будет ясно, кто в его теле. Надеюсь, у него хватит сил на борьбу.

Кеша переместился в коридор и сел на пол у стены. Демьяна на всякий случай развязывать не стал. Яна сползла с кресла, на четвереньках добралась до Демьяна, легла прямо на паркет в полуметре от него, подложив под голову куртку с вешалки.

Он ещё не пришёл в себя, но его тело жило собственной жизнью. Выражение лица менялось, то возвращая прежнего Демьяна, то искажаясь до уродливо-зловещего. Грудная клетка опадала и вздымалась, словно он задышался, руки скребли по паркету, ломая ногти и оставляя кровавые полосы. Его тело напоминало пластилин, из которого невидимая сила лепила неизвестное науке двуликое существо. Глаза под натянутыми, словно плёнка, веками бешено вращались, кожа покрылась испариной.

Яна не могла оторвать взгляд от этого жуткого зрелища, а вот Иннокентий отвернулся, предпочитая угадывать, что происходит, по звуку.

Демьян дёрнулся, его тело выгнулось дугой, на шее вздулись вены, верхняя губа обнажила зубы в оскале боли, веки приоткрылись, между ресниц блеснули белки глаз. На мгновение он застыл, превратившись в страшную статую, созданную новомодным скульптором. Из его горла вырвался хрип. Через секунду тело обмякло, лицо расслабилось. В этот момент Кеша повернулся. Он и не пытался скрыть, что плачет.

Наклонившись к Демьяну, он положил ладонь на его вспотевший лоб.

– Дёма, это ты?

Лицо Демьяна дёрнулось в судороге и разгладилось, стирая эмоции. Он открыл глаза и сразу же повернул голову в сторону Яны. Губы сложились в подобие слабой улыбки, и он чётко ответил:

– Это я.

Кеша хотел его обнять, но Яна дёрнула его за штанину и мрачно произнесла:

– Подожди. Сначала пусть скажет, что помешало духовому оркестру нормально выступить и благодаря каким животным людям известен кофе?

Демьян нашёл взглядом Яну и сказал, выговаривая каждое слово:

– Лимон. Козы.

Яна сама не понимала, насколько сильное напряжение сковывало её тело, пока ответ Демьяна не вызвал вздох облегчения. Она опустила плечи, наклонилась, потом снова легла на пол.

– Развязывай его.

Избавившись от пут, Демьян приподнялся и затряс головой. Почти сразу пол живописно окрасился рвотой.

– Мебель никуда не плывёт, и я, к счастью, не оглох.

Яна не стала дожидаться, когда Демьян полностью опомнится от кустарного наркоза и, попрощавшись с мужчинами, уехала домой. Теперь она могла позволить себе роскошь подождать.

Вернувшись в квартиру, она вдоволь напилась воды и сразу же заснула, по привычке последних дней не дойдя до кровати. В этот раз её принял уютный диван. Снов не было – ни обычных, ни призрачных, – просто темнота, заполнившая голову, будто битум. Только под утро приснился странный необычный сон, не похожий ни на что, виденное ранее. Яна сидела в белой комнате, а напротив неё плавал светящийся сгусток, напоминающий шаровую молнию. Спустя время Яна услышала в голове голос, но при этом явственно понимала, что говорит этот самый светящийся шар:

– Я хочу родиться, помоги мне. Я буду твоей дочкой.

Проснувшись Яна на удивление отдохнувшей: мысли не путались, и в горле уже не стоял комок от воспоминания о равнодушии Демьяна. История с Кариной вызвала прилив ревности, но с этим простым и понятным чувством Яна не стала бороться, оно ее даже порадовало.

Приняв душ, Яна уложила волосы феном и занялась макияжем. Сегодня она пренебрегла джинсами и отыскала в недрах шифоньера тонкое шерстяное платье бежевого цвета. Хорошо, что моль не позарилась на него, ограничившись старым шарфом. Натянув платье, Яна замерла перед зеркалом. В женственной одежде она чувствовала себя неуютно и как-то неестественно, будто облачилась в наряд не по возрасту. Быстро стянув платье, она снова надела джинсы и рубашку.

Уже на остановке Яна вспомнила о пистолете, оставшемся дома, и занервничала, лишившись привычной защиты, но возвращаться не стала, боясь передумать окончательно.

Проезжая мимо цветочного рынка, Яна резко вскочила и потребовала остановить маршрутку. Водитель дисциплинированно доехал до ближайшей остановки и только тогда разрешил открыть двери. Яна выбралась из салона и вернулась на квартал назад. Долго бродить в цветочном павильоне она не стала и приобрела один-единственный красный тюльпан, в маленьком магазинчике купила полкило ирисок и побежала на остановку.

Дорога к дому Демьяна утонула в памяти, смывшись про-

тиворечивыми эмоциями. Уже стоя у двери, Яна осознала, что не позвонила заранее и его может просто не оказаться дома. Отступить она не стала и уверенно вдавила кнопку звонка.

За дверью Яна услышала шаркающие шаги и щёлканье замка. Демьян не смотрел в глазок, сразу распахнул дверь.

– Я вас ждал. Проходите.

Яна спрятала за спиной покупки и прошла в коридор.

– Привет. Как здоровье?

– Значит, на «ты». Чай будешь? Только сегодня начал разгребать этот свинарник, чая, может, и нет.

Демьян перехватил костыли удобней и направился на кухню. Яна шла следом, судорожно сжимая пальцы на стебле цветка.

Демьян сел на стул и устроил костыли у подоконника.

– Кеша наконец-то по-человечески говорить начал. Давно это с ним?

Яна слегка нахмурилась, удивившись собственной невнимательности.

– Я не заметила даже. Не до того было.

– Его шансы на семейное счастье заметно возросли, – Демьян слегка улыбнулся, остановив взгляд на руках Яны, держащих что-то за спиной. – Теперь ты хозяйничай, ваза в верхнем правом шкафу у окна.

Яна с опаской продемонстрировала порядком помятый цветок. Её щеки пылали, даже уши покраснели.

– Считай, что на этом конфетно-букетный период закончился. – Она положила на стол пакет с ирисками и поставила тюльпан в вазу.

– Неожиданно, – улыбнулся Демьян, демонстрируя трогательный румянец на щеках. Я бы тоже в скором времени преподнёс тебе подобный цветок¹⁷.

Яна глубоко вздохнула и ринулась словно в омут с головой:

– Я поняла, что время не на нашей стороне. Случиться может всякое, поэтому решила быть с тобой честной.

Демьян смотрел на нее неотрывно, пальцами постукивая по столешнице.

– Честность – это правильная политика. Я, наверное, тоже тебя люблю. Только не буду говорить заведомую ложь, что не смогу без тебя жить. Смогу, только не хочу. Зато я хочу детей.

Яна направилась к Демьяну, но, остановившись в метре от него, внимательно заглянула ему в глаза.

– Детей? Уже пришло время?

Демьян приподнялся и опёрся ладонью о стол.

– С такой ногой выбор поз будет несколько ограниченным.

– Пожалуйста, не озвучивай все свои мысли, оставь место романтике.

– Ты меня ни с кем не путаешь? Во время секса я тебе

¹⁷ Красный тюльпан на языке цветов означает признание в любви.

расскажу, сколько древесины уходит на создание одного карандаша.

Яна приблизилась вплотную к Демьяну и, обняв его за талию, головой приникла к его груди.

– У меня есть пистолет, я заставлю тебя молчать.

– Ты его с собой не взяла, – Демьян попытался обнять Яну одной рукой и чуть не потерял равновесие. – Пойдём уже в спальню. Я, кстати, хочу сына.

Яна направилась к дверям, позволив Демьяну следовать за ней, словно за хозяйкой дома. Остановившись у порога, оглянулась через плечо.

– У нас будет дочь.

В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайтов:

<https://www.pexels.com/photo/road-amidst-bare-trees-3..>

[https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-](https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-woma..)

[woma..](https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-woma..)

[Monochrome Photo Of Woman · Free Stock](https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-woman-free-stock-photo)

[Photo www.pexels.com https://www.pexels.com/ru-ru/](https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-woman-free-stock-photo)

[photo/3036405/](https://www.pexels.com/photo/monochrome-photo-of-woman-free-stock-photo)

Яна

Демьян